

Клуб победителей

Лисицына Татьяна

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	36
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	63
Глава 11	70
Глава 12	77
Глава 13	83
Глава 14	91
Глава 15	97
Глава 16	109
Глава 17	116
Глава 18	120
Глава 19	127
Глава 20	131
Глава 21	139
Глава 22	143
Глава 23	149
Глава 24	158
Глава 25	161
Глава 26	165
Глава 27	170
Глава 28	173
Глава 29	178
Глава 30	183
Глава 31	187

Глава 1

Комплекс неполноценности у Евгения Лычкина развивался, подобно новорожденному ребенку: ни по дням, а по часам. Особенно тяжело приходилось утром. Глава семьи пробовал оказаться полезным: вставал вместе приготовить горячий завтрак и сварить кофе. Жена цедила сквозь зубы бессмысленные приказания, дочь сидела в наушниках.

Оставшись один, Лычкин подходил к окну, чтобы увидеть, как, кроме семенящей на каблучках дочки и по-утиному переваливающейся Майи, по улице спешат многие счастливики, у которых есть то, что он не мог найти вот уже больше года. Евгений никогда не предполагал, что будет с завистью смотреть на почтальона или продавца газет. А ведь он считал себя достойным, если уж не директорской должности ресторанный заведение, то уж совершенно точно ее замещающей. Ведь тот случай увольнения из закусочной, где он работал менеджером, был воспринят, как знак: пора найти работу с достойной зарплатой. Энтузиазм, с которым Евгений рассылал резюме по газетам и сайтам, спускался вниз по эмоциональной шкале, конкурируя с понижающимся уровнем желаемой зарплаты. Как назло, ссора с директором случилась незадолго до кризиса. Упреки жены, с трудом справляющейся с кредитами, заканчивались скандалами с обвинениями в не востребовавности Евгения на рынке труда, а заодно и в мужской неполноценности.

Долгожданный звонок раздался вечером, когда домашние, откушав приготовленного главой семьи сырного супа и суфле из семги, занялись своими делами. Закончив разговор, Евгений Владимирович, расправив плечи, зашел в гостиную, где его дочь, как он считал, убивала время перед ноутбуком, тусуясь на форумах.

– Ну вот, наконец, дождался! – выдохнул Лычкин. – Достойную работу предложили.

- И где? – спросила Ася, продолжая отстукивать на клавиатуре виртуальное послание.

- Директором ресторана «Золотой павлин».

На мгновение Ася оторвала взгляд от экрана.

- Пап, да ты чего?! Забудь! Тебя из закусочной уволили, а тут крутейший ресторан.

- А тебе-то откуда про ресторан известно? – проглотив оскорбление, удивился отец семейства.

- Катька рассказывала. Она там с родителями часто обедает. А ты сам знаешь, сколько у них бабла, – Лычкин кивнул: отец вышеназванной подруги упоминался в их семье очень часто. Жена его могла позволить себе не работать, а дочь чуть ли не каждый день смущала одноклассников новыми нарядами. – Так что можешь не париться.

- А я все-таки попробую, – упрямо заметил Евгений.

Поймав насмешливый взгляд карих глазенок, Лычкин отвернулся к окну. Решил поделиться радостью с доченькой, вот и получил. Давно уже они перестали понимать друг друга.

Старенький ноутбук завис, и Ася, воспользовавшись моментом, попыталась беспристрастным взглядом оценить отца в должности директора. Сутулая фигура в застиранной футболке, обтягивающая брюшко, мешала воображению. Закрыв глаза, Ася мысленно одела отца в шелковый костюм, дала в руки дорожный мобильник. В довершении образа уложила разлохматившиеся кудряшки и сбрила трехдневную щетину, передела стоптанные тапочки в сверкающие новые ботинки. Улыбнулась разыгравшемуся воображению – она была бы вовсе не против такого папули – и вздохнула, возвращаясь в реальность.

– Тебе даже не в чем пойти на собеседование.

– У меня есть новый костюм, – заметил Евгений, глядя на играющих с мячом мальчишек во дворе.

– Даже не называй костюмом тот отстой, который ты купил по дешевке, – подражая голосу отца, добавила Ася. – А уж если ты свой древний мобильник достанешь из кармана, всё будет кончено. Лучше оставь его дома.

Евгений Владимирович повернулся к дочери. Кто дал ей право так разговаривать?! Ася, всегда чутко улавливающая настроение, поняла, что переборщила, но уже не могла остановиться.

– Пап, не обижайся. Но вы с мамой лузеры. Покупаете все на распродажах. Завидуете соседям. А сами ничего не делаете! Всегда можно придумать, где денег срубить. В Москве ведь живете, все деньги здесь крутятся.

Ася хотела сказать, что даже она, несмотря на свои четырнадцать, пытается войти в мир бизнеса, придумывая новую компьютерную игру, но не успела.

– Это уже слишком! – повысил голос Евгений Владимирович. – Я запрещаю тебе разговаривать в таком тоне. Скажи спасибо, что ни в чем не нуждаешься.

Лычкин выскочил из гостиной, желая только одного – выпить еще одну бутылочку холодного пива, чтобы жизнь хотя бы ненадолго наладилась. На кухне Майя смотрела «Кармелиту» и жевала эклер. На обеденном столе все еще стояли грязные тарелки. Доставая запотевшую бутылку из холодильника, глава семьи попросил погладить рубашку.

– Возьми утюг и сам погладь! – возмутилась жена с набитым ртом, не отрывая взгляда от телевизора. – Целыми днями валяешься на диване и пьешь на мои деньги.

Евгений ретировался в спальню. Открыл «Клинское», нацепил на нос очки. По СТС шло «Девять ярдов». Евгений сделал глоток пива и погрузился в происходящее на экране. Брюс Уиллис был как всегда великолепен и очень убедителен. После выпитой бутылки настроение у главы семейства улучшилось. И что он раскис, в конце концов?! Еще не поздно все исправить.

Когда появятся деньги, все будет иначе. Только бы его приняли на работу в «Золотой павлин».

На собеседование Евгений собирался в боевом настроении. Надел костюм, завязал галстук. Встал перед зеркалом. Отражение не порадовало: обрюзгшее лицо выдавало выпитые накануне пять бутылок «Клинского», пиджак не застегивался на пуговицу, галстук не подходил к рубашке. Евгений взял старенькую Нокию, но, вспомнив слова дочери, положил телефон обратно на столик.

Погода Лычкина не порадовала: вот уже целый месяц на улице было тепло, серо и противно. Зима где-то задержалась. Евгений вздохнул и побрел к метро «Кузьминки».

По мере приближения к «Золотому павлину» решимость таяла. Центр столицы подавлял обилием хорошо одетых людей, дорогих машин и сверкающих витрин магазинов и кафе. Девушки чуть постарше его дочери щеголяли в норковых полушубках, уверенно переставляя свои ножки на высоких каблучках. Подул ледяной ветер, он поглубже запахнул свой издававший виды пуховик, вдруг ощутив себя старым неудачником.

Евгений неуверенно вошел в ресторан и огляделся. Из-за близорукости сидевшие за столиками люди показались ему моложе и красивее, чем на самом деле. Белые накрахмаленные скатерти и сверкающие столовые приборы вопили, что он здесь лишний. Несчастный соискатель замер на месте, заметив, что к нему направился высокий молодой человек в бардовой униформе.

– Я на собеседование, – выпалил он официанту, не дожидаясь вопросов.

Лычкин вспотел, пока шел через весь зал к начальнику отдела кадров. Ему казалось: все смотрят на него и думают, что делает здесь этот плохо одетый человек.

– Вакансия закрыта! – буркнул мужчина средних лет, не поднимая головы от бумаг на столе.

– Но как же так?! – возмутился непривычно для себя тонким голосом Евгений. – Вы же сами меня вчера пригласили на собеседование.

– Это было вчера. Сегодня с утра появился кандидат, который нам идеально подходит.

– Но, – от обиды и унижения Евгений осмелел, – вы даже не поговорили со мной. Вдруг я подхожу вам больше.

Кадровик окинул его взглядом, словно выставленный на продажу предмет интерьера.

– Хорошо. Раз уж вы здесь, давайте побеседуем, – начальник отдела кадров указал на стул. – Присаживайтесь и расскажите о себе. Ваше последнее место работы. Опыт в подобной должности. Знание языков. Как вы находите наше меню и что вы можете предложить, чтобы привлечь больше посетителей?

Лычкин впал в отчаяние. Зачем он поставил себя в идиотское положение? Надо было сразу уйти. Все эти вопросы лишь указывали на его профнепригодность. Евгений достал платок, вытер пот со лба и поднялся.

– Вы, наверно, правы. Я не гожусь для этой должности.

Кадровик понимающе кивнул и вновь опустил голову к бумагам.

Лычкин прошел через сверкающую залу с завистью глядя на людей, которые могли позволить себе обед в этом заведении.

У метро «Пушкинская» проигнорировал протянутую листовку. Нет денег что-то покупать. Этот мир не для него. Огляделся в поисках ларька. Бутылка пива помогла бы перенести позор. Жена и дочь оказались правы: оставить работу в закусочной было глупейшей ошибкой.

– Не упускайте свой шанс! Измените свою жизнь! – донесся до Евгения голос раздающего листовки.

Молодой человек выглядел слишком хорошо для представителя данной профессии. Из-под распахнутого черного полупальто виднелся наглаженный костюм, а ботинки сверкали, словно он только вышел из машины.

– Перестаньте быть лузерами! – донеслось до Евгения, и он заметил, как встрепанная женщина с измученным лицом схватила листовку. Слово «лузер» возымело эффект. Лычкин остановился, сделав вид, что рассматривает диски в витрине киоска.

Молодой человек улыбнулся девушке, вручив зеленый квадратик бумаги. «Ваш успех зависит только от вас», – заверил он ее и подошел к Лычкину.

– Возьмите листовку и приходите к нам. Ваша жизнь сразу изменится.

– Неужели? – хмыкнул Евгений, уставившись на бумажку.

– Просто поверьте! – уверенно сказал молодой человек. – Я могу записать вас прямо сейчас, – он ловко достал из черной кожаной сумки планшетку. – Вам удобно завтра или послезавтра?

– Завтра. Но я не уверен, что мне это нужно.

– Ваша фамилия, имя, отчество. Контактный телефон.

– Но я...

– Неужели вы не хотите измениться? Стать успешным человеком?

– Хочу, но у меня пока нет денег, – Лычкин замялся. – Может быть позже, когда найду работу.

– Тестирование бесплатно. Все платежи после достижения результата.

– После того, как я найду работу?

– Высокооплачиваемую работу, заметьте. Я в этом совершенно не сомневаюсь. Завтра в одиннадцать удобно? – Евгений послушно кивнул. Раздатчик листовок явно обладал магической силой, противиться которой не представлялось возможным. После пережитого унижения хотелось, хотя бы ненадолго поверить в себя. – Кстати, я не представился, ведущий проекта по улучшению жизни – Андрей Щербаков. – Добро пожаловать в клуб виннеров.

Глава 2

Сжимая зеленый листочек в руке, Лычкин спустился в метро. Нужно хорошенько все обдумать. А думалось лучше всего у озера в Кузьминском парке. И пусть сейчас в лесу голые деревья, а от воды тянет сыростью, можно взять пива, сесть на скамейку и спокойно поразмышлять, как же он докатился до такого состояния, что ему потребовалась помощь. Евгений вспомнил активного, уверенного в себе молодого человека, раздающего листовки. Конечно, он не так молод: на той неделе исполнилось тридцать три года, но оставшуюся половину жизни не хочется провести так же бесславно. На озере, глядя на плавающих уток, Лычки решил, что сделает все, чтобы получить деньги, и, как следствие, признание близких. Вот так уж, к сожалению, повелось в этом мире. Деньги правят отношениями с родными. И правилу приходится подчиняться. Другое дело, если бы он жил один. Устроился бы на любую работу, а в свободное время писал бы свою кулинарную книгу и гулял в парке. Для себя ему почти ничего не нужно.

Домой возвращался в хорошем настроении. На четвертом этаже их белой пятиэтажки в Асиной комнате с розовыми шторами светилось окно. «Я сделаю это, доченька, чтобы ты мной гордилась», – прошептал он и начал подниматься по ступенькам.

Ровно в одиннадцать Евгений Владимирович сидел перед Андреем Щербаковым в маленьком кабинете. Пока молодой человек, обаятельно улыбнувшись, что-то доделывал, Лычкин успел его рассмотреть. Светлые волосы Андрея аккуратно пострижены и уложены. Прямая челочка стояла хохолком над низким лбом, удлиняя маленькое лицо с волевым подбородком. На стуле он сидел очень прямо, не облокачиваясь на спинку. Внезапно Лычкин понял, что показалось странным, когда он вошел. В кабинете, также как и в коридоре, не было окон. Лампы дневного света резали глаза.

– Извините, что заставил ждать, – поднял голову Щербаков. – Времени не хватает, но я люблю свою работу: она позволяет мне увидеть людей, добившихся своих целей. Напомню: я ведущий проекта по улучшению жизни. Давайте, немного побеседуем. – Считаете ли вы себя лузером?

Евгений подпрыгнул на стуле.

– Послушайте! Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы вы издевались надо мной.

Приветливое лицо Щербакова выглядело отстраненным и строгим.

– Вы не ответили. Да или нет?

– Да! Да! Черт возьми! Иначе, зачем бы я приперся сюда, – разозлился Евгений.

– Замечательно, вы допущены на тестирование, – к лицу Андрея вновь приклеилась улыбка. – Если бы вы ответили «нет», мы бы не смогли сработаться. Для того чтобы сделать шаг навстречу изменениям, прежде всего

надо осознать их необходимость. Итак, будьте добры ваш паспорт для регистрации.

Лычкин уже второй раз в этом заведении, первый был на входе, где сидел охранник, протянул потрепанную бардовую книжечку. Пока молодой человек вбивал сведения в компьютер, Евгений разглядывал кабинет. Обратил внимание на белую, совсем как в кабинете врача, кушетку и графики на стене.

Спустя минут пять после того, как Андрей отправил по электронной почте сведения, зазвонил телефон.

– Я пробил твоего Лычкина, – голос шефа как всегда звучал сухо и официально. – Продолжай работу. Уйти отсюда, не подписавшись на программу, клиент не должен. Сам знаешь, статистики у тебя в этом месяце упали.

– Понял, Константин Борисович, – бодро ответил Андрей и повесил трубку. – Ну что ж, начнем, Евгений Владимирович. – Он щелкнул мышкой, открывая нужный файл. – Для оказания помощи мне потребуются дополнительные сведения о вашей жизни. Для удобства есть список вопросов.

– Хотелось узнать, в чем заключается ваша методика, – извиняюще проговорил Евгений.

– Я все объясню после того, как заполним анкету.

Лычкин послушно ответил на вопросы о родителях, жене и дочери, о том, как учился в школе, с кем дружил, когда женился и прочее. Изложенная им биография выглядела такой же серой и непримечательной, как и он сам. Закончив с анкетой, Андрей вышел из комнаты, а у Евгения возникло желание сбежать. Никто ему не поможет. Остаться ему лузером до конца дней своих.

Щербаков вернулся с небольшим коричневым плоским чемоданчиком.

– Сейчас объясню, в чем заключается уникальность нашей методики. Этот прибор – обычный гальванометр. Вы берете в руки два цилиндра, и через ваше тело проходит электрический ток около двух вольт. Это чуть больше, чем напряжение пальчиковой батарейки. Сейчас я включу нашего помощника, а вы возьмите баночки. – Лычкин повиновался. – Смотрите сюда. Эта шкала показывает изменение сопротивления вашего тела в зависимости от переживаний. Вы волнуетесь? – спросил Андрей, наблюдая за качнувшейся стрелкой. – Сопротивление возросло. Расслабьтесь, закройте глаза. Представьте, что вы на пляже. Солнце. Волны. Замечательно. Открывайте глаза и смотрите на шкалу. Видите, стрелка упала вправо? А теперь подумайте о вашей жене. Что она вам вчера сказала? – Ого, смотрите, стрелка так и перескочила влево. Вы поссорились?

– Мы постоянно ссоримся, – сердито заметил Лычкин.

– Понятно. Этот прибор, сконструированный нашим талантливым изобретателем, используется для определения области болезненных воспоминаний. Если нажать на эту красную кнопчку, – Щербаков слегка постучал по ней пальцем, – уровень тока кратковременно возрастет, что

позволит стереть неприятное воспоминание. Принцип действия ясен? Кладите баночки на стол. Все это совершенно безопасно.

– Непонятно, как это может мне помочь.

– Объясняю. Мозг человека можно сравнить с компьютером. Любое событие записывается в именной файл и хранится в памяти в определенной папочке. На каждого человека хитрый мозг тоже заводит папочку с его именем. И как только вы, к примеру, поссорились с женой, то он сразу заводит файл «ссора № 133» и помещает его в папку «Жена». В этом файле записаны все слова вашей жены, все звуки, которые присутствовали в тот момент, ваши ощущения. Ссоры накапливаются, и со временем уже один вид вашей супруги вызывает болезненную реакцию. Наш помощник, – Щербаков погладил прибор рукой, – позволяет определить область накопленной боли и, что самое важное, стереть ее. Тот же принцип компьютера: ненужный файл отправляется в корзину. Можно стереть каждую вашу ссору, и вы будете относиться к жене, словно вы с ней только познакомились. Но этот процесс очень трудоемкий и желательно проводить его вместе с супругой, у которой имеются свои файлы с названием «Муж». То же самое касается родителей, друзей, детей. И вот вся эта накопленная боль мешает добиваться успеха. Хитрый мозг выхватывает из вашей жизни, определенные выражения, которыми вас награждали, и формирует вашу программу. Согласитесь, что с установками: «Ты – неудачник. Ты – лузер. Ты – идиот. Ты не нравишься женщинам» трудноато стать преуспевающим человеком?

Андрей перевел дыхание и, убедившись, что в глазах клиента горит тот самый огонек интереса, позволяющий заключать сделки, продолжил:

– Когда исследования только начинались, казалось, если вычистить из человека всю эту дрянь, он изменится, но это оказалось не так. Попадая в ту же среду и общаясь с теми же людьми, все быстро возвращалось на свои места. Тогда исследователи провели ряд опытов и поняли: неудачникам катастрофически не хватает генетических установок на победу. Тестирование успешных людей выявило их основные качества, такие, как настойчивость, целеустремленность, уверенность в себе и прочее.

– Говоря проще: – продолжал неумолимый Андрей, с удовольствием слушая свой уверенный голос, – мы стираем ваши неудачи и записываем на освободившееся место чужие победы. Например, в вашем мозгу появляется воспоминание о соревнованиях, в которых вы выиграли, работа, где вы получили премию или добились потрясающих результатов. Можно поместить туда запись, как вы спасли кому-то жизнь. Обычный набор бойцовских качеств.

Лычкин нетерпеливо заерзал на стуле и спросил, откуда берутся эти записи.

– К нам приходит много успешных людей. В основном это бывшие спортсмены, которые в прошлом были чемпионами. Попадают и

бизнесмены. Недавно обратился даже жокей, получивший травму на последних соревнованиях и вынужденный бросить скачки.

– И эти люди позволяют копировать личную информацию?

– Это достаточно хорошо оплачивается. Кстати, вы спортом увлекались?

– Да, – с гордостью сказал Лычкин. – Занимался парным фигурным катанием. Даже в соревнованиях участвовал, но потом неудачно упал. Повредил колено. Пришлось бросить.

– У выдающихся спортсменов обычно присутствуют эти хорошие установки: «настойчивость в достижении цели», «воля к победе», «победа любой ценой». Думаю, мы подберем вам подходящего фигуриста и запишем его воспоминания. А то, что вы когда-то занимались этим видом спорта, облегчит адаптацию к внедренной информации. Фигуристов у нас базе достаточно много. В вашем мозгу появится память о том, что вы были чемпионом и это, поверьте, совершенно изменит вашу жизнь. Вы сразу же будете себя вести, как победитель и после этого, как поется в песне, «мир прогнется под вас».

– Вы что же из любого лузера можете сотворить виннера? – удивленно спросил Евгений, стараясь не думать, как он будет жить с чужими воспоминаниями.

– Ни для кого не секрет, что последнее время наш генофонд изменился в худшую сторону. Посмотрите, какое место Россия занимает в мире. Иностранцы смеются нам в лицо. Только у нас в центре есть оборудование и создана программа, позволяющие изменить эту ситуацию. Через десяток лет нашей работы мы создадим много способных людей, и ситуация в нашей стране изменится. Людям, которым не повезло от рождения, мы даем реальный шанс. И я с гордостью отвечаю на ваш вопрос: мы можем любого неудачника превратить в виннера. – Щербаков посмотрел на часы на стене, и предложил Евгению сделать перерыв и выпить кофе в столовой.

Лычкин заерзал на стуле, пытаясь вспомнить, сколько денег осталось в кошельке. Свои сбережения у него кончились, а Майя давала деньги только на продукты.

– Это бесплатно, – добавил Щербаков, заметив тень сомнения на лице клиента.

Евгений вздохнул с облегчением. Голова гудела от избытка информации. Улыбаясь, руководящий проектом протянул ему ручку и чистый лист бумаги.

– Небольшое задание. Запишите любой неприятный случай из вашей жизни, чтобы я мог продемонстрировать вам, как работает наш прибор.

– Зачем писать?

– Этот эпизод вместе с заключенной в нем болью сотрется из памяти. Как я потом докажу, что это событие имело место в вашей жизни?

– Логично, – хмыкнул Евгений, вставая.

– За это время мы запустим ваши данные в компьютер, чтобы подыскать наиболее подходящий для вас образец виннера. Если найдется готовый

вариант, получите большую скидку. Готовый вариант означает, что у нас в базе есть очень похожий на вас виннер.

Лычкин почувствовал, что вспотел, он всегда потел, когда волновался. Так ему захотелось вычистить всю дрянь из своего мозга и получить этот набор «бойцовских» качеств, но упоминание о скидке подвело к мысли о том, что за удовольствие нужно расплачиваться.

Глава 3

Войдя в столовую, Евгений огляделся. Устроившись в уголке, две симпатичные девушки что-то обсуждали и смеялись, у стены мужчина его возраста в очках пил кофе. Играла расслабляющая музыка, в аквариуме резвились золотые рыбки. Лычкин налил кофе из автомата и взял с большого блюда два эклера.

На кремовых стенах хорошо смотрелись картины и фотографии. На одной из них застыли в финальной позе двое фигуристов в красных костюмах. На Евгения нахлынули воспоминания. Сначала травма колена казалась несерьезной, но потом пришлось отказаться от фигурного катания. А как хороша была его гибкая озорная партнерша с веселыми глазами. Работоспособности и оптимизма у Карины хватало на двоих. После того, как он ушел из спорта, она нашла в себе силы продолжить тренировки в одиночестве. Через три года он уже увидел ее по телевизору на пьедестале почета. К ее темным коротким волосам и карим глазам очень подходил красный цвет платья. Не случилось бы тогда злополучного падения, мог бы стоять рядом с ней. Евгений задумался. Если быть честным с самим собой, он не стремился к успеху, хотя и любил фигурное катание. Наверно, поэтому так легко сдался после травмы, даже обрадовался, что больше ничего не надо никому доказывать. Не было у него той самой воли к победе, о которой говорил Щербаков. Если анализировать его жизнь, он везде не дорабатывал, легко сдаваясь и уступая победу другим. Мать называла его неудачником, ставя в пример друзей и одноклассников. Евгений обижался, но вовсе не возгорал желанием доказать обратное. Наоборот, уходил в себя, закрывался в своей маленькой комнате, слушал музыку или совершал долгие прогулки по лесу в любую погоду. Ему нравился дождь, позволяющий побыть наедине с природой.

Женился он рано, в восемнадцать лет, после того, как Майя забеременела. Когда родилась Ася, жизнь наполнилась новым смыслом. Вставал по ночам, менял пеленки. Радовался беззубой улыбке малышки и укачивал ее на руках бессонными ночами. Когда капризное существо засыпало, укладывал в деревянную клеточку – так он в шутку называл детскую кроватку – и выходил на балкон, полюбоваться, как от рассветного солнца розовеют деревья в парке.

Иногда летом, если Ася не засыпала, отправлялся гулять с коляской. Входил лес, принюхиваясь, как собака, к острым утренним запахам влажности и росы. Шел по узкой тропинке любимым маршрутом. Ставил коляску на берегу озера, скармливал уткам черствый хлеб. Евгений так увлекся воспоминаниями, что не заметил, как у его столика остановилась высокая девушка с чашкой кофе в руке.

– Здесь свободно?

– Да, пожалуйста, – спохватился Лычкин, возвращаясь в реальность и поспешно делая глоток остывшего кофе.

– Собираетесь вступить в виннерский клуб?

– Пока не знаю, – вздохнул Евгений, задерживаясь взглядом на ее открытом лице с собранными в пучок светлыми волосами. Серые глаза в обрамлении длинных ресниц казались сияющими. – Заманчивое предложение, конечно. А вы первый раз?

– Я здесь давно. Меня зовут Эвелина. А вас?

– Евгений.

– Не раздумывайте, Евгений. Мир любит удачливых людей.

– Это правда, – вздохнул Лычкин, вспоминая собеседование в «Золотом павлине».

– Не упустите шанс избавиться от неприятных воспоминаний. Без них гораздо лучше.

Евгений вспомнил располневшую, недовольную всем и им в особенности Майю. Вот бы стереть из памяти ее обидные слова по поводу его мужского достоинства и неумения зарабатывать. Он жил с ней только ради дочери. Раньше у них с Асей были хорошие отношения, они много времени проводили вместе. Потом девочка выросла и стала, к великой радости Майи, которая их жутко ревновала, гулять с подружками. Больше он не знал, что творилось у нее на душе.

– Евгений Владимирович, а я вас ищу. – Возле их столика появился Андрей, и Лычкин мгновенно вспомнил, что не записал неприятный случай. Чистый листок бумаги с ручкой так и лежал на краешке стола.

– Я еще не выполнил задания.

– Это я его задержала, – улыбнулась девушка. – Убеждала, что нельзя упускать такой шанс.

– Как дела, Эвелина? Выглядите прекрасно.

– Спасибо. Все просто отлично.

– Ну вот, а вы сомневались, – кивнул ей Андрей. – Берите пример со смелых девушек. Жду вас в кабинете.

Эвелина поднялась.

– Не буду вас задерживать. Если решитесь принять участие в проекте, обязательно увидимся.

– А если нет? – с надеждой спросил Евгений.

Она улыбнулась:

– Зачем мне неудачники?!

Лычкин смотрел, как уверенно ступают по мраморному полу стройные ножки Эвелины в черных обтягивающих джинсах. Неужели ей так помогла эта программа? Новая знакомая никак не подходила под определение «лузер». Он вдруг подумал о том, что девушки давным-давно не обращали на него внимания.

Взгляд опять упал на чистый лист бумаги. Евгений решительно отодвинул чашку и взял ручку. *Воскресенье. Три часа дня. Дочь назвала меня лузером, а жена сказала, что меня все равно не возьмут в «Золотой павлин» и отказалась гладить костюм. Чувствовал себя полнейшим неудачником.*

Подумал, не надо ли добавить, что только бутылка пива и фильм «Девять ярдов» примирили его с жизнью, но решил, что в этом нет необходимости и направился в кабинет.

Андрей крепче прижал трубку к уху:

– Убеждаешь его по нашей схеме и подписываешь договор по форме пять, – голос Караяева звучал непреклонно. – Жену и дочь придется стереть из памяти, словно их никогда не было.

– Но он говорил, что хочет измениться, чтобы дочь им гордилась, – неуверенно заметил Андрей. – Может, стоит поработать с эпизодами отдельно?

– Я тебе сказал: договор по форме пять. И никакой жалости. Ты что, хочешь лишиться всех благ: снова ездить на метро и снимать квартиру?

Щербаков вспомнил новенький Лексус, ожидающий его под окном офиса, бесконечные скитания по съемным квартирам. Толпы злющих людей в метро, чужие продавленные диваны, заляпанные старые обои.

– Я все понял, Константин Борисович.

– Еще пять таких клиентов и получишь премию.

Шеф бросил трубку. Щербаков уговаривал себя не жалеть Лычкина. В конце концов, каждый получает то, что заслуживает. Программа по улучшению жизни становится популярной. Впрочем, он сам бы никогда не согласился. А вот его жена, услышав передачу по телику, тоже решила избавиться от некоторых воспоминаний. Андрей, конечно, ей запретил. Даже припугнул разводом, которого Галинка испугалась. Не нужно никакого вмешательства в мозг, пусть лучше варит обеды и ждет его после работы.

Щербаков открыл файл «холодных» клиентов и набрал первый номер. Шеф пообещал премию. Значит, можно будет подумать о том, чтобы женушке купить машину. Она же, милый лузер, никогда сама денег не заработает.

– Алло! – послышался в трубке раздраженный мужской голос.

– Здравствуйте Вадим Алексеевич! Щербаков Андрей беспокоит. Вам удобно сейчас говорить или перезвонить в другое время?

– Какой еще Андрей?

– Мы с вами беседовали об улучшении вашей жизни пару месяцев назад. Когда к нам подойдете?

– Какое улучшение, мать твою? У меня развод на носу.

Щербаков почувствовал, как забилося сердце: удачнее момента и не найти.

– Мы поможем решить эту проблему. Смею вас уверить, все леди будут у ваших ног.

– Хм, это как? Если это новая разновидность Виагры, то идите вы сами знаете куда.

«Холодный» клиент теплел на глазах.

– Мы не используем никаких таблеток или лекарств. Вообще-то это нетелефонный разговор. Уверяю, после прохождения программы в вашей жизни все изменится. Вам удобнее подойти сегодня вечером или завтра утром?

– А с чего ты решил, что я приду? – пробасила трубка.

– Но вы же хотите пользоваться успехом у женщин?

– Дождешься от них. Впрочем, завтра вечером я свободен.

Щербаков продиктовал адрес, повесил трубку и, не в силах от волнения усидеть на месте, принялся ходить по кабинету. День складывался очень даже неплохо. Теперь только не упустить Лычкина.

Евгений Владимирович вошел в кабинет без стука. Странно, но одна мысль о том, что он может изменить свою жизнь, вызвала некоторую уверенность в себе. Или на него так повлияло знакомство с красивой девушкой? Лычкин положил листок перед Андреем и сел уже не на краешек стула, а облокотился на спинку.

– Приступим? – осведомился Щербаков, быстро прочитав строки. – Возьмите баночки в руки, а вот этот шлем, похожий на наушники, я надену вам на голову, это необходимо для удаления неприятного воспоминания. Не бойтесь, больно не будет. Теперь подумайте, что вы написали и постарайтесь вспомнить самую обидную для вас фразу, которую вы слышали. Ого, какой заряд. Стрелка отклонилась. Вам просто необходимо навсегда забыть об этом. Сейчас мы вас освободим, – Андрей нажал кнопку. – Отлично. Стрелка плавает. Кладите баночки.

– Уже все? – удивился Евгений Владимирович. Больно действительно не было.

– Да, можно расслабиться. Ну что ж, расскажите мне, как вы провели воскресенье.

– Встал. Позавтракал. Погулял в лесу. Вернулся домой, пообедал. Смотрел фильм «Девять ярдов» с Брюсом Уиллисом.

– Что-нибудь неприятное произошло в тот день?

– Вроде нет, – пожал плечами Евгений. – Немного волновался перед собеседованием. Очень хотелось получить работу.

– Отлично. Читайте, что вы написали.

Евгений покраснел.

– Ася назвала меня лузером. Совершенно этого не помню.

– Это и требовалось доказать. Стертая информация больше вам не доступна и не оказывает на вас никакого влияния. Готовы ли вы подписать соответствующие бумаги, чтобы мы могли продолжить процесс вашего превращения в виннера?

Лычкин молчал. Этот странный провал в памяти, подобный тому, какой случается после лишнего принятия на грудь, беспокоил его. Хотя, с другой стороны, зачем вспоминать неприятные вещи? Ася, наверно, была не в настроении.

– На самом деле вам очень повезло, – продолжал Андрей. – Пока вы пили кофе, я сделал на запрос и в нашей базе данных нашелся подходящий по всем параметрам образец виннера.

– И кто это? – оживился Лычкин. – Я могу узнать какую-нибудь информацию о нем?

– К сожалению, мы должны сохранять конфиденциальность.

– Но если этот человек знаменит, возможно, я узнаю его?

– Абсолютно исключено. Некоторые из его ощущений останутся в вашей памяти, но этого будет совершенно недостаточно для правильной идентификации.

– Он – спортсмен? – Лычкин сам не знал, зачем продолжал настаивать.

Щербаков хитро улыбнулся.

– Евгений Владимирович, я открою вам тайну профессии после того, как вы подпишите этот договор.

– Какой договор? – насторожился Лычкин, внезапно вспомнив о том, что у него нет денег на оплату услуг.

– Мы оказываем вам услуги в кредит, но вы подписываете этот договор о том, что ваша собственность, в случае, если вы решитесь прекратить терапию, переходит в наше пользование. На первом этаже нашего здания есть нотариус, который сделает генеральную доверенность.

– Какая собственность? – насторожился Лычкин.

– Двухкомнатная квартира на улице Юных Ленинцев.

– Но я не могу ей распоряжаться, она принадлежит моей семье.

– Если говорить юридическим языком: жена и дочь по документам собственниками не являются. Вы получили эту квартиру по наследству после смерти вашей матери и то, что вы на этот момент уже состояли в браке, никакого значения не имеет. Можете продать квартиру вместе с женой.

– Да кому нужна моя жена? – не смог сдержать улыбки Евгений. Оказывается, Майя не зря тащила его какой-то договор подписывать. Знала, в отличие от него, этот закон. Вот приду домой и скажу, что продал ее вместе с квартирой.

Щербаков слегка заерзал на стуле и прибавил голосу сладости. Это момент подписания всегда был очень скользким, многие клиенты исчезали после того, как дочитывали договор до конца.

– Евгений Владимирович, нам нужны доказательства, что мы не зря в вас деньги вкладываем. Квартира будет дополнительной страховкой.

– А сколько будет стоить стать виннером?

Щербаков начал описывать суть терапии. В результате исследований было выявлено, что клиенты достигают больших успехов, если их изолировать на время прохождения курса из привычной обстановки. Для этого у компании имеется общежитие на втором этаже. Это позволяет бывшим лузерам, он подчеркнул слово «бывшим», делиться успехами и находиться в дружественной обстановке. На время прохождения процессинга их обеспечивают питанием. После окончания программы помогают с трудоустройством. Хотя, как правило, в этом нет необходимости: новоиспеченные виннеры могут получить любую интересующую их работу. Долг выплачивается постепенно, с каждой зарплаты. Та же самая схема, как при покупке квартиры или автомобиля в кредит. Только без первоначального взноса. Евгений вспомнил про Эвелину. Если он согласится, они будут встречаться.

Он боялся признаться самому себе, что ему не хочется идти домой. Майя будет издеваться, что его не взяли в «Золотой павлин». Если бы можно было стереть из памяти все плохое, что было между ними и относиться к ней, как в первые дни знакомства. Тогда она была худенькой девчонкой с длинными русыми волосами.

– Если я соглашусь, когда мы сможем начать?

– Сейчас.

– Сейчас? И я больше не вернусь домой?

– Вернетесь, когда станете виннером.

– Но что я скажу родным? Жене, дочери?

Андрей напрягся. Еще один сложный момент.

– Вы скажете жене, что встретили друга, который предложил вам высокооплачиваемую с работу, связанную с длительной командировкой.

– Какая-то чушь из американского фильма, – фыркнул Евгений.

– Вы должны быть очень убедительны. Потом я возьму трубку и поговорю с ней от имени вашего знакомого.

Лычкин сомневался, что Майя поверит. Подумает, что нашел кого-нибудь, хотя, она много раз говорила, что мужик без денег никому не нужен. Ей удалось его убедить: он уже давно не смотрел на женщин и девушек, твердо уверенный в том, что ничего не может им дать. Лычкин опустил взгляд вниз и удивился, что перед ним лежит договор, а пальцы сжимают шариковую ручку. Надо почитать, что там написано. Взял листок, но буквы танцевали перед глазами, не складываясь в слова. Эх, пропадать, так с музыкой. Поставил подпись. Дальнейшее удалось еще легче. Евгений Владимирович снял трубку и позвонил домой. Ответила Майя. Уверенным голосом – уверенность возникла из-за осознания того, что он на верном пути и от внимательного взгляда Андрея, слушающего их разговор по громкой связи, заявил, что вынужден уехать по делам. Жене, как думал потом Лычкин, было или

наплевать на него, или на нее подействовал магический голос Щербакова, который пообещал, что ее муж заработает много денег и посоветовал открыть счет в банке для перечисления. Евгений был уверен: Майя вернулась к сериалу и обрадовалась, что ей придется кормить на один рот меньше.

– Поздравляю, Евгений Владимирович, – заметил Щербаков после того, как они вернулись от нотариуса. Сегодня большой день. Берите баночки в руки. Мы проведем краткий анализ вашей жизни, чтобы наметить план вашего превращения в будущего хозяина своей судьбы. – Готовы? Подумайте о вашей жене. Вспомните, как вы познакомились?

– Мы познакомились в автобусе.

– Не надо рассказывать, я отлично вижу вашу реакцию, а подробности мне не нужны. Подумайте о вашей свадьбе. Спасибо. Вспомните медовый месяц. Отлично. Начало вашей семейной жизни. Угу. Момент, когда ваша жена сообщила о своей беременности. Рождение ребенка. Подумайте о дочери, когда она была малышкой. Хорошо. Еще подумайте о ней. Что случилось? Куда вы смотрите?

– На вас.

– Вы не поняли. Я спрашиваю, на какой эпизод вашей жизни вы смотрите? Лычкин покраснел.

– Я вспомнил, когда моя дочь первый раз назвала меня лузером.

– Понятно. Сейчас еще несколько вопросов и все.

– Пройдемся по вашему детству, – Андрей щелкнул мышкой, открывая нужный файл с вопросами.

Евгению казалось, что он быстро просмотрел всю свою жизнь. Его ответы сопровождало легкое пощелкивание клавиш, Андрей заносил всю информацию о нем в компьютер. После вопросов о жене и Асе последовали вопросы о родителях. Отца он не знал: «этот негодяй», как называла его мать, не достоин, чтобы говорить о нем. Больше замуж она не вышла, хотя иногда с кем-то встречалась. Умерла до его свадьбы от рака желудка. Воспоминания о матери причиняли боль. Евгений рос единственным сыном, но не чувствовал материнской любви. Сколько помнил, мать всегда выглядела недовольной. Странно, что Майя стала очень похожа на его мать. Получается, он не видел в жизни ничего хорошего. Полный лузер. Уверенность исчезла, он съежился в кресле.

– Не надо расстраиваться, Евгений Владимирович. – Андрей щелкнул мышкой, закрывая файл. – Вам не очень повезло с окружением. Завтра мы еще пройдемся по учителям и друзьям.

– Не знаю, как вы собираетесь избавить меня от всего этого, – вздохнул Лычкин. – Наверно, это будет стоить кучу денег, и я никогда с вами не рассчитаюсь.

– Мы попробуем минимизировать расходы, как я обещал. Если удалять по эпизодам, то я даже затрудняюсь сказать, сколько это будет стоить и как надолго затянется, но я предлагаю следующее.

Лицо Евгения пошло пятнами от волнения, когда он узнал цены. Сначала вспотел, потом пробила дрожь. Он дергал ворот свитера, который вдруг начал сдавливать шею. Удаление одного эпизода стоило почти столько же, сколько средняя зарплата на периферии. Обругал себя, что дал заморочить голову и не спросил цены до подписания договора. Захотелось встать и убежать. Но было поздно. Андрей выжидающе смотрел на него, прекрасно понимая, что происходит. Он видел это много раз. Щербаков выдержал паузу и сделал свое предложение. Многие поступают следующим образом. Этих людей я назвал бы смелыми и рисковыми. Щербаков улыбнулся. Например, Эвелина. Услышав знакомое имя, Евгению немного полегчало.

– Вы предлагаете стереть Майю из памяти?

– К сожалению, ваша супруга тянет вас вниз. Если бы вы согласились удалить ее из памяти, все будет намного легче.

Щербаков достал из ящика тонкую ученическую тетрадь и положил перед Лычкиным. По его словам все было просто. Информацию о тех людях, от которых он решит избавиться, нужно записать сюда. На время терапии тетрадь будет лежать в сейфе. После прохождения программы клиенты сами решают, поддерживать ли общение, с теми, кого вычеркнули.

Некоторые в таком восторге от новой жизни, что никакого прошлого в свою жизнь больше не допускают. Пока Евгений приходил в себя, руководящий процессингом заметил, что для его прогресса необходимо стереть и мать.

– Но она давно умерла, – возмутился Лычкин. – Получается, я даже не смогу прийти к ней на могилу.

– Вы можете записать краткие сведения о ней и место, где она похоронена, чтобы в родительский день приехать на кладбище и принести цветы.

– А вы циничны! – возмутился Лычкин. – Я не буду ничего помнить о моей матери, о моей жене. Кого еще вы хотите удалить? Мою дочь? Я никогда не соглашусь на это. Я здесь из-за нее. Хочу, чтобы она гордилась отцом! – почувствовав, что слишком разоткровенничался, Лычкин замолчал.

– Я об этом ничего не говорил, – голос Андрея звучал слаще меда. – У вас очень много приятных воспоминаний, связанных с дочерью. Негатив возник недавно. Девочка повзрослела, ей захотелось тряпок, денег и всего того, что вы не смогли ей дать. Можно поработать с эпизодами. Пройтись по вашим ссорам, удалить их.

Андрей говорил еще минут десять, Лычкин немного успокоился. Взял тетрадь, чтобы записать информацию, если решится. После чего был препровожден в узкую, наподобие кельи, комнату без окон. Будущий виннер огляделся. Кровать, заправленная белым покрывалом, пошарпанный стол и стул. Стены выкрашены в желтый цвет, возле кровати тумбочка с настольной лампой. Рядом с дверью сиротливо приютилась вешалка, на которую Евгений

повесил куртку. Пожелав удачи, Щербаков удалился. Оставшись один, Лычкин почувствовал страх. Во что он вляпался?

Глава 4

Долго переживать Евгению Владимировичу не пришлось, в дверь постучали. Вскочил с койки, приглаживая волосы, и открыл дверь. На пороге Эвелина в черном платье с короткими рукавами. Волосы девушки легкими волнами спадали на плечи, от нее пахло цитрусовыми духами и уверенностью в себе. Лычкин смущенно посторонился, пропуская гостью вперед.

– Поздравляю вас с правильным решением, – приветливо заметила девушка. – Я встретила Андрея, он попросил меня проводить вас на ужин. –

На самом деле все было не совсем так. Эвелина сама подошла к Щербакову узнать, вступил ли ее новый знакомый в клуб виннеров. Было что-то доброе во всем его облике, вот ей и захотелось познакомиться поближе.

Евгений почувствовал себя лучше: такая девушка, как Эвелина, никак не могла оказаться лохушкой.

– А я вот что-то раскис, – признался Лычкин. – Страшновато расставаться с воспоминаниями, даже с плохими, – он застенчиво улыбнулся. Эвелина заметила: улыбка у него словно сползала набок, от чего лицо стало беззащитным и трогательным. – Кем я буду в конце эксперимента?

– Не бойтесь. Очищение мозгов подобно очищению организма, сначала трудно, но чувствовать и выглядеть начинаешь намного лучше. Идемте на ужин, а потом я вас познакомлю с общежитием. Кстати, – она шутливо ткнула его пальчиком в живот, – здесь есть тренажерный зал и каждый будущий виннер просто обязан быть в хорошей форме.

За ужином Евгений почти не мог есть от волнения, только крутил головой во все стороны. Так хотелось всех рассмотреть, понять, есть ли между лузерами определенное сходство. Но люди, сидевшие за столиками, выглядели совершенно обычно: таких можно встретить в автобусе, метро или магазине. Евгения несколько расстроило: никто из подопытных не рассказывал о себе. Вероятно, это было частью правил, которые он не дочитал. Из напитков предлагались вода, чай, соки. Очень хотелось пива или вина, чтобы отметить начало новой жизни, но Эвелина заметила, что спиртных напитков здесь не подают. В договоре есть пункт, обязывающий клиента исключить алкоголь из употребления на время прохождения процессинга.

Евгений натянуто улыбнулся, отметив про себя, что до этого пункта в договоре он не дошел.

– Что вы делаете после ужина? – спросил он, гадая, захочет ли Эвелина провести с ним вечер.

– Мы можем посмотреть какой-нибудь фильм. Сегодня показывают «Терминатор».

- Старье, – добродушно улыбнулся Евгений.
- Не важно, это хороший учебный фильм, как достигать своей цели.
- Никогда не думал об этом, – смутился Лычкин. Впрочем, он готов смотреть все что угодно, только бы с ним была Эвелина.
- Еще есть бильярд, боулинг, шахматы.

Он хотел спросить о телевизоре, но Эвелина заговорила сама. Телевизор несет очень много негатива, и это вредно для становления характера виннера. Есть библиотека с полезными книгами, которые настраивают на нужную волну. Она поделилась, что перечитывает «Унесенные ветром». Библиотекарь составил ей список подобных книг. Можно сходить в библиотеку и подобрать ему что-нибудь. Там очень много биографий известных людей. Читаешь и понимаешь, что если это сделали они – можешь сделать и ты.

– Эх, если бы все было так просто...– вздохнул Лычкин, но Эвелина прижала пальчик к губам.

– Надо верить и все получится. Лузеры сидят по домам перед телевизорами и жалуются на жизнь.

Когда Евгений проснулся, в комнате было темно. Бросил взгляд на будильник со светящимися стрелками на тумбочке. Девять часов. Тогда почему темно? Ах да, в комнате нет окон. Он протянул руку и включил настольную лампу. На тумбочке увидел листок бумаги. «Ушла на процессинг. Увидимся за обедом. Целую».

Лычкин улыбнулся. Новая жизнь широкой ровной дорогой расстилалась под распахнутым весенним небом до самого горизонта. «Надо же, как много значит для мужчины средних лет хорошо проведенная ночь с молодой красивой женщиной». И вовсе он никакой неудачник. Эвелина шепнула ему на ушко, что он очень даже ничего, как мужчина. Вчерашняя знакомая уже казалась близким и родным человеком, и Евгений был полностью уверен: они вместе пойдут по этой дороге к своему прекрасному будущему. Мужчина потянулся. А что, если сегодня разделаться с воспоминаниями о жене? Мысленно он уже оставил ее в прошлом. Конечно, ночь с Эвелиной вовсе не была первой изменой. В его жизни были женщины, но все это было как-то случайно и в основном после принятия на грудь, когда появлялись уверенность в себе и желание развлечься.

Лычкин с небывалой поспешностью вскочил с кровати и отправился в крошечную, но чистенькую ванную. Показалось или из зеркала смотрело лицо другого человека: в глазах светился озорной огонек, а безвольный рот – предмет насмешек жены – сегодня подобрался и выглядел четче. Пока брился, мурлыкал песенку и чувствовал себя молодым. В это дивное утро он даже принял холодный душ. Сколько раз давал себе слово и откладывал. А сегодня, наконец, выполнил. Подмигнул своему отражению в зеркале и снова вошел в комнату, чтобы убрать постель. Не удержался и прижал подушку к лицу: пахло

духами Эвелины с цитрусовым ароматом. Вспомнил их ночь и улыбнулся – ни с одной девушкой ему не было так хорошо. Их тела были созданы друг для друга – сегодня он впервые понял смысл этой фразы – раньше она казалась ему банальной. Но он тут же поправил себя: не только тела, их души после соответствующей обработки тоже станут похожи.

Решение созрело незамедлительно: Майя должна исчезнуть из его памяти. Позже, когда он станет сильнее, сможет общаться с ней ради дочери на своем новом уровне, где не будет места насмешкам и оскорблениям. А может он заберет Асю с собой. Ей вовсе не место рядом с матерью, которая все свободное время проводит за просмотром глупых сериалов.

Евгений открыл тетрадь, взял ручку и в нескольких сухих предложениях кратко описал важные факты их биографии и причину, почему он решился стереть жену. На следующий день Щербаков убедил его в том, что в коричневую тетрадку необходимо внести сведения о матери, чье окружение ужасно мешало ему добиваться успехов в жизни. Андрей выглядел убедительно, они прошлись по детству, и в ушах Евгения только и раздавались ее окрики: бестолочь, неудачник, идиот, вырастешь таким же, как твой отец.

– Положите баночки, Евгений, – добродушно заметил Щербаков. – Позволю себе заметить, ваша мать умерла. Сегодня мы посвятили целый день, чтобы удалить ваши детские обиды. Не проще ли будет...

Лычкин повесил голову.

– Я рос без отца, и матери удалось внушить мне, что я должен быть ей благодарен.

– Понимаю. Но вы зря тратите время. Наша благодарность не нужна тем, кто уже не в этом мире. Подумайте до завтра.

Растревоженный воспоминаниями мозг Лычкина выдавал все новые и новые картинки детских и юношеских обид. Дни рождения без подарков, потому что он их не заслужил, бессчетные нотации и оскорбления. Сейчас ему казалось, что мать не только не любила, а даже ненавидела его всю жизнь. Обида и горечь бушевали в нем, когда он достал тетрадь и ручку. «Лычкина Валентина Дмитриевна – моя мать. Родилась.... Умерла... Похоронена...». Уронил голову на руки и прошептал слова прощения. Сзади подошла Эвелина и поцеловала в макушку, заглядывая через плечо.

– Ты правильно поступаешь, милый. Я тоже всех стерла. Даже родителей не помню и не знаю, была ли когда-то замужем. Щербаков сказал, что я одна из немногих, которые не побоялись стереть все свое прошлое. В результате освободились ячейки, куда можно записать много всего, что поможет добиться успеха в жизни.

Лычкин вздохнул и объяснил, что не может позволить себе стереть Асю. Да и, вообще, дико будет, если он окажется пустым. Ведь много и хорошего было.

– Так я же и не настаиваю, – поджала губки Эвелина. – Ты же не такой смелый, как я, правда?

– Правда, – улыбнулся Евгений. – Я настоящий лузер. Мать такого слова не знала, но то, что я хуже других, слышал в день по несколько раз. И от жены тоже, и от дочери.

– Бедняжка моя. Обещаю: никогда так тебя не назову.

Евгений с благодарностью прижал руку Эвелины к губам. Как здорово, что он, наконец, встретил человека, который его понимает. С Эвелиной, он мог бы свернуть горы без всякого процессинга.

На следующий день Евгений протянул тетрадку Щербакову.

– Вы победили. Я отказываюсь от матери.

Во взгляде руководителя проекта по улучшению жизни не промелькнуло ни тени сочувствия.

– Поздравляю, успех налицо. Вы определенно становитесь сильнее. Наш процессинг переходит в следующую стадию, для которой вам нужен другой прибор. Идемте со мной, я познакомлю вас с нашим сотрудником, уполномоченным выполнить эту часть работы.

Лычкин был поражен, увидев нечто похожее на томограф. Приятный молодой человек в очках и в голубом халате, немного похожий на врача, приветливо улыбнулся.

– Добро пожаловать! Меня зовут Игорь, – он быстро просмотрел скрепленные листы, которые передал ему Андрей.

– Ну что там, доктор? – пошутил Евгений. – Жить буду?

– Будете жить прекрасно после того, как из вашей памяти уйдет Лычкина Валентина Дмитриевна, которую ваш мозг идентифицирует, как мать. Согласны ли вы стереть ее?

Евгений молчал. Вдруг вспомнился приятный случай. Он лежит в кровати и плачет. Подходит мама, улыбается ему, берет на руки и начинает укачивать. Ему даже почудился запах грудного молока. Странно, что он смог вспомнить себя таким маленьким. Впрочем, Андрей говорил, что после стирания поднимаются нижние пласты памяти. Лицо матери, непривычно молодое и нежное, так и стояло перед глазами.

– Евгений Владимирович, я повторяю свой вопрос...

– Извините, задумался. Да, я согласен.

– Отлично. Будьте добры, распишитесь вот здесь.

Не читая, Евгений поставил подпись, продолжая думать, не совершает ли ошибку.

– Пройдемте к коробу. Мы его так называем. Ложитесь. – Игорь суетился, надевая на голову Лычкина шлем с проводками, поглядывая на экран монитора. – Отлично. Теперь ваша задача постараться, как можно дольше удерживать внимание на Лычкиной Валентине Дмитриевне. Представлять ее лицо, вспоминать случаи из жизни. Вас немного потрясет, но так уж устроен механизм.

Трясло достаточно сильно, но Евгений честно пытался выполнить задание, пока не осознал, что попросту вырубился. Когда вибрация прекратилась, перед ним возник все тот же молодой человек.

– Кто такая Лычкина Валентина Дмитриевна?

– Не знаю, – покачал головой Евгений. – Игорь взглянул на монитор и начал отсоединять проводки, после чего осторожно снял шлем и помог подняться.

– Ну что же, Евгений Владимирович, мы сегодня очень хорошо поработали. – Игорь взял карту и что-то записал в ней, после чего протянул Лычкину. – Возвращайтесь к Андрею.

Щербаков, бегло проглядев страницу, посадил Евгения за помощника и дал в руки банки, спрашивая, что он может рассказать о Лычкиной Валентине Дмитриевне. Евгений возмутился:

– Я не знаю, кто эта женщина. Почему меня о ней спрашивают?

Щербаков удовлетворенно кивнул. Стрелка плавала, значит, лузер не обманывал, и стирание матери прошло удачно. Теперь надо, чтобы в голове пациента не возникло никаких воспоминаний о том, что он сейчас спрашивал. Руководитель проекта нажал красную кнопку стирания. После кратковременной вспышки Лычкин моргнул, не понимая, что происходит. Возникло впечатление, что он задремал на минутку и вывалился из настоящего времени.

– На сегодня, Евгений Владимирович, вы можете быть свободны. – Голос Щербакова звучал уверенно. – Хорошенько отдохните и выспитесь.

Будущий виннер покинул кабинет усталым и опустошенным. Возникло ощущение: сегодня произошло что-то нехорошее, неправильное и этого никак нельзя было допускать.

Глава 5

Евгений не мог определить, когда начал нервничать. С одной стороны все шло просто замечательно: чувствовал себя прекрасно, помолодел лет на десять, рядом с ним умная женщина, которая во всем поддерживает. Но те, кто находился в хостеле, не имели понятия, какое сегодня число. Лычкин сам не понял, как и куда исчезало время. Иногда казалось, что он здесь месяц, иногда полгода. Хотелось выйти на улицу, вдохнуть свежий воздух. Он устал от ламп дневного света. По его подсчетам на улице уже настала весна. Москва освободилась от снега, начали петь птицы. Скоро распустятся листья, и зацветет сирень. Он любил май больше других месяцев в году. Лычкин попробовал схитрить и порасспрашивать новичков, но оказалось, что они тоже не могут вспомнить сегодняшнее число. Дни просачивались сквозь пальцы, перед глазами мелькали вспышки от стираемых случаев, и Евгений боялся

потеряться. Но больше всего пугали несвязанные между собой воспоминания, жившие своей жизнью, прерывавшиеся и заканчивающиеся в самых неожиданных местах. Лычкин говорил чужими фразами и был уверен, что думает, не как он, а как тот, чью программу ему закачали.

Они с Эвелиной теперь жили в большой уютной комнате вместе. Те люди, которые образовывали пары, переселялись в более комфортабельное жилье. Напоминало знакомую передачу «Дом два». Видимо, руководитель был поклонником этого шоу.

После очередного процессинга Евгений развалился на диване, пытаясь собрать воспоминания, когда вошла Эвелина.

– Сидишь в полной тишине и ничего не делаешь, – пошутила она.

– Мне кажется, я больше не знаю, кто я, – пожаловался Евгений.

– Похоже, что нам это и не нужно знать, – улыбнулась девушка, присаживаясь к нему на диван. – Зато мы становимся более способными. Когда программа закончится, мы заставим весь мир прогнуться под нас. Только подумай: новая жизнь с новыми способностями. Стоит ли печалиться, что ты не помнишь, как тебя унижали в прошлой жизни?

– Может, ты и права, – в голосе Лычкина не прозвучало ни малейшего намека на энтузиазм.

– Скажи, что тебя беспокоит?

Евгений усмехнулся и начал рассказывать, что его преследуют мысли о фигурном катании. Судя по всему, виннер, чьи победы ему записали, когда-то был известным фигуристом. В его памяти есть соревнования, аплодисменты благодарных зрителей, пьедестал почета и награждение. Во всех этих картинках присутствует его партнерша, разделившая с ним победу. Он помнит прикосновения своих рук к ее телу во время поддержек и вращений, но не помнит ни ее имени, ни фамилии, ни как они познакомились. Евгений не стал упоминать, что в его голове даже есть чудом попавшая запись о том, как после соревнований они занимались сексом.

В свою очередь Эвелина поделилась своим прототипом виннера.

– У меня все время в памяти бесконечный бег по стадиону, потом я – то есть не я, конечно, а мой двойник – делает усилие и всех обходит. Ну а дальше как у тебя: аплодисменты, награды и желание побеждать. Раньше я никогда не любила бегать. А теперь с удовольствием встаю на беговую дорожку в тренажерном зале. Может, и ты теперь сможешь поучаствовать в ледовом шоу?

Оба засмеялись. Евгений обнял Эвелину. У них было много общего, что помогало им становиться ближе и ближе.

– Еще меня беспокоит ощущение, что я стер какую-то важную информацию, и кому-то сейчас нужна моя помощь. Но этот человек безвозвратно ушел из моей жизни по моему желанию. Послушай, но ведь ты должна помнить что-нибудь обо мне.

– Ты говорил, что работал в закусочной и у тебя были проблемы с начальством. Потом тебя уволили.

– Ну а еще? Был ли я женат, были ли у меня дети?

Эвелина, передернув плечиками, заметила, что мужчины редко признаются в том, что женаты, поэтому она таких вопросов не задавала.

Разговор прервался стуком в дверь. На пороге появился Андрей Щербаков, как всегда безукоризненно одетый и причесанный с одинаковой, но все же симпатичной, улыбкой. Эвелина шутила над отглаженными стрелками его брюк и зеркальной поверхностью ботинок.

– У меня для вас приятная новость! Вы успешно закончили программу, и руководство решило, что вам можно приступать к работе. Есть два отличных предложения. Для Евгения это должность директора в новом ресторане «Каскад», а для Эвелины работа по оформлению старинного особняка. К работе можете приступать с понедельника, как только переедете на новую квартиру.

– А собеседование? – хором спросили Евгений и Эвелина.

Щербаков улыбнулся. О том, что эти два заведения принадлежали директору, упоминать не стоило.

– Мы обещали, что после завершения программы вы получите высокооплачиваемую работу. И мы свое слово держим. Ваши резюме были отправлены и положительные согласия от работодателей получены. Так что я говорил, успешным людям у нас открыта дорога. Поздравляю вас обоих. Детали обговорим завтра. Он попрощался и закрыл дверь, сказав, что завтра им надо подойти к директору в десять утра, чтобы заключить новый контракт.

Эвелина и Евгений повернулись друг к другу.

– Наконец-то!

– Мы прошли программу!

– Может быть, завтра они отдадут нам наши тетрадки? -

– Она так тебе нужна?

– Мне уже хочется узнать были ли у меня родители? И, вообще, знаешь, если бы не ты, – Евгений нежно провел пальцем по бархатистой щеке девушки, – я бы уже сошел с ума от этих мыслей. Мне кажется, что еще чуть-чуть, и мне удастся сложить кусочки воспоминаний и узнать кто эта девушка.

– Зачем тебе это?

– Мне кажется, мы знакомы.

– На самом деле она уже давно не девушка, – улыбнулась Эвелина. – И даже, если когда-нибудь тебе удастся найти ее, я хочу, чтобы она оказалась старой толстой коровой лет пятидесяти. Ты только мой, я сама тебя выбрала и очень рада, что тебе стерли из памяти всех твоих женщин.

Лычкин усмехнулся: ревность Эвелины тешила его мужское самолюбие. Он шутливо повалил ее на диван и навис над ней, держась на вытянутых руках.

– Ты так меня любишь?

– Да!

– Повтори!

– Я тебя люблю!

– Я тебя тоже, милая, – Евгений прижался к её губам, и, как всегда, когда он прикасался к ней, все тревоги уходили, оставляя место более приятным ощущениям.

После разговора с Эвелиной и Евгением Андрею нужно было пойти к шефу с очередным отчётом. Каждый раз, попадая в роскошный кабинет Караева Константина Борисовича, он удивлялся происходящей с ним перемене. Здесь он превращался в одного из тех неуверенных мужчин и женщин, попадающих в виннерский клуб в надежде стать удачливыми и счастливыми. Когда Андрей начал работать на Караева, он испытывал желание отправить будущих подопечных восвояси, пока они, что называется, не натворили дел. Позже, когда ему понравился новый образ жизни, а совесть не так часто заявляла о себе, Андрей, сознательно копируя шефа, научился испытывать презрение к неудачникам.

Карьера директора виннерского клуба начиналась с фигурного катания. Когда он выходил на лед и делал свою знаменитую дорожку, толпы девушек визжали от восторга. Спорт закончился в двадцать семь, оставив пылящиеся в шкафу кубки и медали, а перед ним встал вопрос, как, а точнее на что, жить дальше. Возможность участвовать в ледовых шоу и в популярных у телезрителей танцах со звездами вызывала у него отвращение. Он не из тех, кто будет позориться на льду с какой-нибудь актрисулькой из сериала, которую надо выкатывать на себе, потому что на коньках она последний раз стояла еще в детстве. Его жизнь кончилась и в то же самое время по иронии судьбы только начиналась, и он должен был снова побеждать. К тридцати годам, не имея специального образования, но основательно изучив психологию человеческих отношений, Константин создал виннерский клуб. Конечно, свою роль сыграла неожиданная встреча с изобретателем, придумавшем машину стирания воспоминаний.

Руководители тратят много времени, нанимая и увольняя персонал, пытаясь сэкономить на зарплате, и в то же самое время хотят иметь квалифицированных специалистов без комплексов. Он придумал, как использовать своих сотрудников всю жизнь, давая им возможность чувствовать себя победителями.

– Ну и какова реакция наших подопытных? – голос Караева Константина Борисовича звучал как всегда иронично, а в глубине серых глаз притаилась безжалостность.

– Думаю, все будет нормально, – бодро сказал Андрей.

– Смотри у меня. Как продвигается дело с оформлением квартиры?

– Договор с новым собственником уже подписан. Возникли некоторые проблемы с выселением жены и дочери Лычкина. Но это вопрос решаемый.

Андрей вздохнул: полные слез глаза девушки, не желающей верить, что отец продал их вместе с квартирой, до сих пор стояли перед глазами.

Заметив, что семейка Лычкиных – материал уже отработанный, шеф поинтересовался, как идёт поиск новых лузеров. Чужие страдания Константина не трогали, они лишь приближали его к цели. Победителей не судят. Каждый получает то, что заслужил. Надо осторожнее выбирать спутников жизни и хорошенько за ними приглядывать.

– Сколько новых договоров ты планируешь заключить до конца месяца? – спросил он, глядя своему помощнику в глаза.

– Пока не могу назвать точную цифру. Завтра у меня намечено две встречи.

– Хорошо, работай, – покровительственным жестом Караев отпустил Щербакова, который поспешил вернуться к прозвонке. Но после десятка бесполезных разговоров, приуныл. Если бы шеф знал, как трудно раздобыть клиентов. Но жить-то хочется и хочется жить красиво. На выходных обещал свозить Галинку в Париж. Пусть развлечется, а то бедняжке скучно дома. Да и он не против пройтись по Елисейским полям. Купить жене красивую одежду. Ему нравилось, что он может дарить подарки.

Черта с два он будет сегодня работать. Сейчас поедет домой, вдохнет с порога домашний запах приготовленной еды, подойдет к Галинке и прижмется к ее горячей щеке. Пожалуй, сегодня можно выпить вина, чтобы расслабиться. Снова вспомнилась дочь Лычкина. Да, не повезло тебе с папашей, девочка. Продал он тебя за мифический успех. Никогда не стать лузерам виннерами. Уж в этом-то он уверен.

Глава 6

Реальный мир обрушился на Евгения и Эвелину, словно они не были в родном городе много лет. Люди в общественных местах казались злыми и равнодушными, новых обязанностей было так много, что к вечеру оставались силы только дотащиться до кровати. Конечно, еще были выходные, но все чаще им приходилось работать сверхурочно или брать документы на дом. К счастью, никому из них не приходило в голову упрекать друг друга в невнимании, поскольку находились в равных условиях. Да, они действительно раньше мечтали о подобной работе. Только не думали о том, что это достанется так тяжело. Какой смысл в большой зарплате, если почти всю ее надо отдавать за приобретенные в кредит способности?

Теперь они жили в съемной квартире на Тишинке с безликим ремонтом в пастельных тонах с учетом современных технологии и дизайна. Светлые стены, минимум мебели, пустые полки шкафов, просящие, чтобы их заполнили новыми книгами и милыми безделушками, придающими домашний уют. Только не было времени читать и желания покупать сувениры. Прижавшись к другу, скорее по инерции, чем от нежности, они смотрели в большой глаз телевизора, засыпая в самых волнующих моментах фильма.

Эвелина работала за компьютером в соседней комнате, оборудованной под кабинет, когда Евгений, взяв пульт, переключился с новостей на спортивный канал. Вместо матча по футболу, который собирался посмотреть, показывали соревнования по фигурному катанию предыдущих лет. Испанская мелодия в духе Кармен и происходящее на экране показалось Лычкину таким знакомым, что он весь подался вперед. Он определенно знал эту девушку с темными короткими волосами, выполняющую вращение. Знал каждый элемент их программы и буквально ощущал, как у него напрягаются мышцы перед тройным прыжком. Казалось, он может почувствовать вес партнерши во время пируэта. Все происходило так, словно на льду, подбадриваемый хлопками зрителей, катался он сам. Музыка закончилась, фигуристы раскланивались. Евгений с трудом дышал. Высокий молодой человек с темными волосами, спускающимися на плечи, казался настоящим гордым испанцем, способным на убийство неверной Кармен, а его партнерша с удивительно знакомым лицом была кокетлива и задорна. Комментатор объявил, что выступали серебряные призеры чемпионата мира Рахматова Карина и Молчалин Павел.

Евгений долго сидел на кухне уже после того, как Эвелина легла. С Мариной Рахматовой он катался в шестнадцать лет. Еще до травмы. Он вышел на кухню, смотрел, как ветер качает кроны деревьев. В темном неприветливом небе повис только что родившийся месяц. Евгений пил воду маленькими глоточками и думал. Судя по его ощущениям, единственное, что могло произойти, поскольку он никак не мог быть Молчалиным Павлом, ему закачали картинки из его памяти. Вероятно, бывший чемпион, оставивший к настоящему времени, фигурное катание, каким-то образом оказался в фирме «Дотянись до успеха». Предположим, ему потребовались деньги, и он решил стать одним из доноров, которые составляют виннерскую базу.

«Ну что ж, теперь я знаю, кому обязан успеху», – Лычкин поднес стакан рту и обнаружил, что тот уже пуст. Снова налил воды из кулера. Мысли потекли по другому направлению. Так, значит, Карина стала чемпионкой. Как он мог забыть о ней? Наверно, ее – с ней тоже были связаны боль и поражение – вместе с плохими воспоминаниями стерли из памяти. Но ее не стирали полностью, в этом не было необходимости. Евгений помнил, как они ездили на сборы, пили горячий чай в холодном автобусе, как он согревал ее замерзшие руки. Сколько не старался, не мог вспомнить их тренера. Помнил гладкий лед, и послушное его движениям маленькое сильное тело партнерши. Выпив еще воды, заставил себя отправиться в кровать. Эвелина вздохнула во сне и перевернулась на бок. Отодвинулся дальше, чтобы не разбудить ее. Лычкин понимал, что не успокоится, пока не найдет эту девушку. Конечно, она уже не девушка, взрослая женщина, старше Эвелины. И, может быть, самое верное было бы ничего не предпринимать, но желание узнать, кем он был в прошлой жизни, заглушило голос разума. Эвелина тихонечко застонала во сне и обхватила его рукой. Он замер на месте, словно уличенный в измене. До сих

пор у них не было тайн друг от друга. Евгений знал, ревнивая спутница не даст разрешения встретиться с бывшей партнершей по многим причинам. Не будите спящих собак и не ворошите прошлое. Но Карина – ключ к нему самому. К тому, от которого он отказался, чтобы получить то, что имеет сейчас. Знать бы тогда, что будет мучиться от этих провалов в памяти и чужих картинок.

На работе Лычкин заметил, как секретарша Леночка с интересом рассматривает фотографии на экране монитора. Увидев его, свернула файл и покраснела.

– Так-так, в рабочее время занимаемся личными делами, – улыбнулся он. – Евгений убрал ее ухоженную ручку с длинными красными ноготками с мышки и открыл файл. Симпатичная девчушка в бикини улыбалась с экрана, приминая худенькими ножками белый песок на фоне голубого моря.

– Извините, Евгений Владимирович. Нашла в «Одноклассниках» свою школьную подругу и не смогла удержаться, чтобы не посмотреть ее фотки, – оправдывалась Леночка.

Евгений вздрогнул от появившейся идеи.

– И что, там действительно можно найти своих прежних друзей?

– Конечно, здесь хорошая система поиска по номеру школы, по возрасту и... Евгений Владимирович, а хотите я для вас страничку заведу? Найдете своих знакомых. Интересно же узнать, кто кем стал. Можно даже не общаться, а просто посмотреть. Все же фотки свои выкладывают. Если вы знаете фамилию и год рождения кого-нибудь, с кем бы вы хотели пообщаться, я могла бы поискать.

– Хорошо, – вдруг решился Евгений. – Карина Рахматова. Год рождения, ох, не помню. Кажется, моя ровесница. Значит, семьдесят седьмой или, может быть, семьдесят восьмой.

– Сейчас посмотрим.

Леночкины пальцы ловко забегали по клавиатуре, и вскоре он узнал милое лицо Каринки. Как зачарованный не мог оторвать глаз от экрана. Леночка деликатно удалилась выкурить сигаретку, а он поспешно занял ее место. Конечно, бывшая фигуристка изменилась, повзрослела. Черты лица стали более определенными и строгими. На одной фотографии она была вместе с мужем, на другой с симпатичным кудрявым мальчишкой.

Менеджер ресторана с трудом отвлек его от компьютера. Весь день перед бывшим лузером стояли раскосые глаза Каринки и не оставляла идея, что от нее он может узнать свое прошлое. Тетрадки, в которых они записывали информацию о людях, которых решили стереть из памяти, Щербаков так и не вернул. Сначала говорил, что рано, а потом рассказал про какой-то пожар. Лычкин не поверил и очень сильно разозлился.

Вечером, оставшись один в кабинете, он зарегистрировался на сайте «Одноклассники». Имя оставил прежнее, изменил фамилию, наугад выбрал школу. Он точно знал, на какое сообщение его бывшая партнерша не сможет не откликнуться.

«Твоему старому другу нужна помощь. Жду тебя в кафе «Белая лошадь» в семь вечера».

Евгений не стал дожидаться ответа, интуитивно чувствуя, что Карина будет в назначенном месте. Выйдя из метро Маяковская, поразился чудесному розовому освещению. Евгений никогда не думал, что в Москве во время заката может быть так красиво. Старинные дома казались сказочными. Порадовался, что отпустил водителя и с удовольствием прошелся пешком. Лычкин удобно расположился за столиком лицом к входу и, бегло просмотрев меню, заказал пива. Официант, молодой провинциальный юноша лет восемнадцати, мельком скользнул по нему взглядом. Евгений был уверен, что его хороший костюм и дорогие часы не остались не замеченными. Литровая кружка с пеной появилась мгновенно. Евгений сделал глоток холодной жидкости и улыбнулся. В прошлой жизни он, наверно, любил пиво, но сейчас, подчиняясь сначала требованиям Щербакова, а потом просьбам Эвелины, отказался от спиртного. Удовольствие было так велико, что он даже захотел, чтобы Карина опоздала, чтобы у него осталось время спокойно посидеть.

Бывшая чемпионка появилась через пятнадцать минут после назначенного времени. Остановилась у входа, оглядывая сидящих за столиками посетителей. Евгений подошел к ней, испытывая странное чувство, что они снова школьники. Издалека Карина выглядела, совсем как раньше. А вот сейчас стали заметны морщинки.

– Ну, здравствуй, Карина!

– Поверить не могу, что это ты!

На некоторое время они застыли, оглядывая друг друга. Карина была в легком голубом платье с короткими рукавами с лаковым широким поясом. В тон к нему лаковая сумка и черные босоножки без каблуков.

– Ты совсем не изменилась.

Молодая женщина улыбнулась.

– Так и думала, что ты это скажешь. Конечно, я изменилась. И ты изменился, но мне нравится, как ты выглядишь. Так будет честнее, не так ли?

Евгений кивнул, ругая себя за банальный комплимент и радуясь тому, что его бывшая партнерша осталась искренней. Они прошли за столик, официант снова подал меню.

– Выпьем за встречу? – предложил Евгений.

– Конечно. Мне martini с соком.

– А мне виски, – неожиданно для себя попросил Лычкин. Он уже допил пиво и чувствовал, как приятное тепло распространилось по телу, заглушая

беспокойство от предстоящего разговора. Вдруг все, что он собирался рассказать ей, показалось абсурдом.

– Расскажи о себе, – попросил он, оттягивая время. – Вчера я видел тебя по телевизору. – Карина удивленно подняла темные брови. – Показывали соревнования прошлых лет. Стоя на пьедестале, ты вся светилась от счастья.

– Неужели ты не смотрел соревнований?

– Нет, – он пожал плечами, удивляясь, как такое могло произойти.

– Все это в прошлом, – улыбнулась Карина. – Сейчас работаю тренером. Пытаюсь вырастить чемпионов.

– Ты замужем?

– Да, мой муж не имеет ничего общего с фигурным катанием, чему я очень рада. У нас сын. Но ... – она внимательно посмотрела Евгению в лицо. – Наверно, будет лучше, если ты объяснишь, зачем я тебе понадобилась? Ты вовсе не выглядишь человеком, которому нужна помощь.

На Лычкина напал страх. Как он расскажет ей, что ввязался в такую авантюру? Он медлил, смотрел в окно. Карина сделал вид, что увлечена меню.

Когда официант принес напитки, Евгений поднял стакан.

– За тебя. Рад, что встретились.

Сделав большой глоток, Евгений слегка сморщился.

Карина пригубила мартини.

– Рассказывай. Я не поверю, что после всех этих лет, ты захотел узнать, как я живу.

Евгений говорил так долго, что у него пересохло в горле, следя за изменчивым выражением лица собеседницы.

– Как ты мог решиться на это? Ведь ты теперь так и не узнаешь, кем ты был.

Евгений опустил глаза. Стало стыдно. Все доводы потонули в глазах его спутницы. Она смотрела на него с жалостью, а вовсе не с восхищением. Женя кашлянул.

– Расскажи, почему мы расстались? Ведь мы катались вместе, я это помню.

– Ты получил серьезную травму, но... Наверно, есть какие-то другие более важные вещи, которые ты хотел узнать.

– Мои родители? У меня были родители?

Карина охнула.

– Ты и этого не помнишь?

– Нет.

Молодая женщина инстинктивно прижала руку ко рту. Видимо, для того, чтобы удержать слова, рвущиеся против воли.

– Хорошо. Я буду рассказывать все, что помню. А ты задавай вопросы. Только ведь у меня устаревшие сведения. Сколько лет прошло, как мы не виделись. Я даже не знаю, жива ли твоя мать.

Евгений допил виски, махнул официанту и попросил повторить. Карина заказала еще мартини.

– Может, поешь? – мягко спросила она, рассказав ему о том, что она помнила.

– Кусок в горло не идет. Значит, моя мать меня не очень-то и любила, – заметил Евгений, пытаясь оправдаться.

– Как ты можешь так говорить?! – возмутилась Карина. – Конечно, она любила тебя, но по-своему. Человек посвятил свою жизнь, чтобы вырастить тебя, а ты его стер из памяти. Надо же было такое придумать!

В десять часов позвонила Эвелина. Хотела знать, где он пропадает. Лычкин сослался на деловую встречу и вдруг понял, что не хочет возвращаться в квартиру, которую называли домом. Она никогда не была домом с его теплом и уютом. Да и они не были семьей в том смысле, который в это вкладывают. И вовсе не потому, что у них не было детей. Семья может состоять и из двух человек. Задумался. Да кем же они были? Это же даже не сформулировать. Лучше не думать. Потом. Завтра. Сегодня он много выпил и расстроен.

Карина сказала, что ей пора домой. Ее взгляд совсем добил Лычкина. Карина смотрела на него, как на смертельно больного человека, которого вынуждена оставить. Они вышли на шумную Тверскую, где заманчиво сверкали вывески кафе и магазинов. По тротуарам шли люди. Сейчас Евгений завидовал каждому из них. Пешком они спустились до метро «Охотный ряд», Лычкин хотел проводить Карину, но она отправила его домой. Пока доберется, будет уже поздно, а завтра рано вставать.

Образ жизни, который вел Лычкин, напоминал хорошо отлаженный механизм. Зачем он работает? Зачем живет? Ради большой зарплаты и оплаты еще больших счетов? Что он выиграл? Завтра после работы он попросит водителя отвезти его на свою бывшую квартиру. По счастливой случайности Карина помнила адрес. А вдруг, оказавшись на месте, случится чудо, и он все вспомнит? Ведь бывает же, что память возвращается. Евгению стало страшно. Мозг под воздействием спиртного возопил, что он чужой. Единственная связующая нить с прошлым – Карина. Мужчина вынул из кармана мобильный и набрал знакомый номер. Ему срочно нужно убедиться, что бывшая партнерша по фигурному катанию не является миражом, а существует на самом деле. Карина сняла трубку после первого сигнала.

– Прости за поздний звонок.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, – тихо сказал Лычкин, радуясь, что слышит ее голос. – Просто хотел убедиться, что ты... Наверно, все это глупо.

– Все в порядке. Думаю о тебе. Постараюсь помочь, чем смогу.

Лычкин почувствовал, как темное небо над головой посветлело, серые тучки раздвинулись, обнажив узкую, но светлую полосу, дающую робкую надежду на изменение погоды. Ему захотелось спросить, не презирает ли его она за то, что он сделал, но Карина вдруг быстро заговорила.

– Я, конечно, не должна этого говорить, но только сейчас поняла, что все еще люблю тебя.

Он вздохнул и замер, не в силах двигаться дальше, прижимая крепче телефон к уху. Она любила его все эти годы? А он даже ни разу не позвонил, не поздравил с победой.

– Карина...

– Прости, я уже дошла до подъезда. Вешаю трубку. Береги себя.

– Ладно, – ответил Евгений и поплелся к метро. Хотелось сказать, что беречь, в общем-то, нечего. Он чувствовал себя пустым, несуществующим и чужим одновременно.

Утренний поцелуй Эвелины не был так приятен, как раньше. После встречи с Кариной Евгений ощущал презрение к своей сожительнице: она была такой же, как он. Отверженной от себя. Предательницей себя. Ему понравилось это выражение. Да, можно подать в суд на виннерский клуб, но оправдать собственную слабость гораздо сложнее. По всему выходит, что он, Евгений Лычкин решил отказаться от себя, чтобы понравиться другим.

Эвелина спросила, что случилось. Он внимательно посмотрел на нее, словно увидел впервые. Что общего у него с этой женщиной, кроме общей глупости?

– Знаешь, я, кажется, начинаю жалеть обо всем.

– Надеюсь, ко мне это не относится? – Эвелина игриво прижалась к нему.

– Нет, – Лычкин, выждав паузу, легонько отстранился. Приятные прежде прикосновения сегодня казались чужими и ненужными. Шутить не хотелось, – он положил мобильный в карман, взял кожаный портфель с бумагами, которые так и не просмотрел. Не до них вчера было, но сегодня настал новый день и нужно оплачивать счета, чтобы вырваться из рабства. Несмотря на то, что водитель, который отвозил их на работу, еще не приехал, решил выйти на улицу.

Лычкин стоял возле подъезда, вдыхая запах весны, который трудно перепутать с каким-нибудь другим ароматом и невозможно разделить на составляющие. Он снова влюбился. Нет, он первый раз влюбился. Дружба между мальчиком и девочкой переросла в любовь. Опять не так. Но зачем-то же они встретились? Набрал номер, воровато оглядываясь на окно.

Услышав голос Карины, назвал ее по имени, вложив в звуки всю свою любовь.

– Не могу говорить сейчас, – быстро прошептала женщина и в трубке раздались короткие гудки. Наблюдая, как во двор завернула черная Тайота, Евгений положил телефон в карман, размышляя о том, как странно получилось, что он полюбил Карину в тот момент, когда предал себя.

На работе пришлось позабыть обо всем. Бурлящая чужая жизнь, недовольные клиенты, гора скопившихся бумаг и ежедневных форс-мажоров не располагали к мыслям о любви.

Карина перезвонила через несколько часов и предложила вместе пообедать. Евгений хотел перенести встречу на вечер, но она заявила, что не хочет поздно возвращаться домой.

– Ты можешь прийти в ресторан, где я работаю, – Женя мысленно представил, как будут, стараясь угодить ему, суетиться официанты, и она поймет, что его положение все-таки чего-то стоило. Он хотел оправдания. Вчера Карина смотрела на него как на человека, которого стоит уважать, слишком недолго, пока не узнала, чего стоит респектабельный облик.

Карина мягко отказалась, предложив выбрать нейтральное место. За пятнадцать минут до назначенной встречи он сидел за столиком кофейни и смотрел в окно. Хотел увидеть, как она войдет, как будет искать его взглядом среди посетителей. Но, заметив, что она переходит дорогу, выбежал из кафе на встречу. Как мальчишка. И сам, засмутившись, остановился. Карина выглядела собранной, деловой и грустной, словно и не она вчера призналась, что до сих пор его любит.

Заказав кофе, она сразу заговорила.

– Утром связалась с одним своим знакомым. Оказывается, его жена в свое время тоже попала на эту удочку, но на нее ничего не оформлено. Это общая схема, которая прикрывается разными лозунгами. Можно идти к полной свободе, можно к материальному богатству. Люди, работающие там, хорошие психологи, обученные надавливать на кнопки. Два пути, разные представления, но одна цель. – Евгений смотрел на нее, с трудом улавливая смысл. Он вспомнил про паспорт, якобы, сгоревший от пожара. Ему сделали новые документы. Наверно, изменили его фамилию.

– Назови мою фамилию. – Он крикнул слишком громко. На них начали оглядываться. Карина мягко положила ладонь на его руку.

– Твоя фамилия Лычкин. Лычкин Евгений Владимирович.

Мужчина усмехнулся.

– По новому паспорту я Орлов Евгений Львович. Мне милостиво сохранили мое имя.

Карина взяла его за руку, но даже от теплоты пальцев не потеплело на душе.

– К сожалению, я узнала еще кое-что. Твоя квартира оформлена на других людей. Ты сам подписал генеральную доверенность.

Неразбериха в голове Евгения начала проясняться и появились смутные воспоминания. Он действительно подписал доверенность, но ему пообещали, что воспользуются ей в случае его отказа вернуть потраченные деньги. Но он же пашет, как вол. Выходит, его обманули.

Он нерешительно посмотрел на Карину.

– Значит, я жил один?

– Там жили твоя жена и дочка.

– И где они сейчас? Куда они их дели? Куда? – Евгений стукнул кулаком по столу. Чашки подпрыгнули. К ним подошел официант, чтобы вытереть стол, но Лычкин крикнул, чтобы тот убирался.

Молодой человек направился к охраннику и что-то зашептал ему.

– Умоляю тебя, не шуми. Давай выйдем. На воздухе тебе станет лучше. – Карина позвала официанта. Лычкин тупо смотрел, как его спутница расплачивается, не в силах достать свой бумажник.

Вышли на улицу. Молча шли между людей, торопившихся по своим делам. Теплая рука Карины на сгибе локтя. Почему он предал родных людей? Что они ему сделали?

– Ты знаешь, как звали мою дочь?

– Ася.

– Ася. Ася. Ася, – Евгений повторял имя, надеясь, что память вернется, и перед ним появится облик дочери. Но ничего не произошло. Имя осталось чужим.

– Сколько ей лет?

– Четырнадцать.

– Четырнадцать? – повторил Лычкин, пытаясь вспомнить, как выглядят девочки в таком возрасте.

– Столько же было нам, когда мы начали кататься вместе, – заметила Карина.

Быстро посмотрел на собеседницу.

– Я ничего не помню. Понимаешь? Ничего! Как такое могло произойти со мной? Зато у меня есть чужая память о том, как мы заняли третье место в чемпионате Европы.

Карина тут же вспомнила этот день. Как она тогда была счастлива. Они купили фруктов, шампанского и пошли в номер, чтобы заняться любовью. Казалось, что весь мир принадлежит им.

Лычкин смотрел себе под ноги, пытаясь справиться с навалившейся информацией. Оказывается, у него есть жена и дочь! Где они сейчас? Их имена не вызвали никаких эмоций. Телефонный звонок зама с текущими вопросами отвлек его. Деловито выдал несколько распоряжений и повернулся к Карине.

– Боюсь, мне пора.

Евгений задержал ее руку в своей, потом коснулся губами щеки. Возникшее внезапно желание напомнило о том, что он знает, какое наслаждение могут доставить ее ласки.

– Могу я задать один вопрос?

– У нас с тобой что-нибудь было, когда мы катались вместе?

– Нет. Мы просто дружили.

– Значит, это не мои воспоминания, – грустно сказал он, не заметив, как покраснела Карина. – Но даже если это так, мне нравится то, что я чувствую. Ведь это я чувствую, а не он. Правда?

Карина кивнула и порывисто поцеловала его в губы, словно пытаясь доказать, что все это происходит с ними.

Глава 7

Вечером Евгений рассказал Эвелине все, что узнал от Карины.

– Меня устраивает моя жизнь, и я совершенно не хочу знать свое прошлое. Уверена, у нас было достаточно оснований, чтобы стереть наших родных из памяти. И, вообще, ты нарушил условия договора.

– Плевать на договор, – отмахнулся Лычкин. – Разве тебя не волнует, что в той жизни, остался кто-то из твоих близких? Может им нужна твоя помощь?

Эвелина задумчиво накрутила на палец длинную прядь волос и нахмурилась.

– Но мне нравится мой новый мир и какой я стала.

– Это не твой мир! Это чужой мир! Ты себя потеряла! Понимаешь? Предала себя и других. Как ты не можешь понять простую вещь? Из нас сделали идиотов. И мы еще на них работаем. С каждой зарплаты больше половины уходит на выплачивание долга.

– Меня все устраивает!

Евгений не сдержался.

– Ты просто дура!

Минуту Эвелина растерянно смотрела на него. Они почти никогда не ссорились и, хотя их пылкость пошла на убыль, молодая женщина считала, что с Лычкиным ей повезло.

Она молча встала и пошла в кухню. Прижалась лбом к холодному стеклу темного окна, пытаясь сдержать слезы.

Евгению стало стыдно. Эвелина не заслужила такого обращения. Но у него в голове все гудело, он был влюблен в Карину, где-то жила его законная жена. И как теперь ему выпутаться из этой ситуации? Он пошел на кухню. Дотронулся до ее плеча.

– Прости меня.

Эвелина повернулась, всхлипнула, прижавшись к нему.

– Ты не должен был искать эту женщину. У нас все было хорошо, а с тех самых пор, как ты увидел эти соревнования, ты сам не свой. Обещай больше не звонить этой фигуристке.

Евгений молчал.

– Обещай! Иначе...

Он грустно посмотрел на нее.

– Боюсь, все кончено.

– Что кончено? – в глазах Эвелины мелькнул страх, потом надежда. Молодая женщина подняла лицо, пытаясь прочитать ответ.

– Послушай меня. После того, что я узнал, мне необходимо выяснить, где моя дочь. Я должен разобраться, почему они выселили моих близких. Если понадобится, я пойду до конца и подам в суд...

– Ты ничего не сможешь доказать в суде. Мы подписывали договор, соглашаясь на эксперимент.

– Тогда я их убью! – мрачно сказал Лычкин, сжимая кулаки. – Я им покажу настоящего виннера. Они пожалеют, что создали весь этот клуб.

Эвелина отпрянула. Мужчина, стоящий с ней, не был похож на того Женю, которого она знала. Его лицо исказилось от ненависти, губы сжались в одну линию. Даже безвольный подбородок, который ей так нравился, сейчас выглядел упрямым.

– Ты можешь продолжать оставаться в неведении, если хочешь, – добавил он, немного помолчав, – но думаю, что в этом случае нам лучше расстаться.

Высказавшись, Евгений испытал некое облегчение. Расстаться из-за того, что они мыслят по-разному, казалось более приемлемым, чем признаться в любви к другой женщине. Несмотря на возникшие разногласия, Эвелину обижать не хотелось. Некоторое время они были счастливы.

– Значит, ты ... – она хотела сказать «бросаешь меня», но гордость удержала ее от продолжения. Девушка вздернула подбородок. – Можешь убираться, хоть сейчас. Ты как был лузером, так и остался.

Евгений усмехнулся.

– Приемы психотерапевта больше со мной не сработают. Эти деятели понакачали мне всякого дерьма, но какая-то часть меня все же осталась. Пожалуй, ты права. Наверно, лучше уйти прямо сейчас.

Он вернулся в комнату, чтобы собрать вещи. Широкая незастеленная кровать словно призывала задуматься. Еще вчера они спали вместе. В проеме двери появилась Эвелина в синем халатике, на который он только сейчас обратил внимание. Как часто этот комочек шелка валялся на полу во время их страстных занятий любовью.

Под пристальным взглядом партнерши, Лычкин покидал свои вещи в сумку. Молния с трудом застегнулась. Еще раз оглядел комнату. Здесь не было ни фотографий, ни безделушек, которые хотелось бы взять на память. Безликая чужая комната и чужая красивая женщина в дверях, с которой больше ничего не связывает.

Подошел к ней с сумкой в руках, чувствуя, что должен что-то сказать, но Эвелина посторонилась, и он вышел в коридор. Надел ботинки, ветровку и повернулся к безмолвно застывшей фигурке. Так и не придумав нужных слов, повернулся и вышел.

За спиной, отрезая прошлое, холодно щелкнул замок. Спустившись по лестнице, Лычкин подумал, что идти-то в сущности некуда. Если бы на месте бывшей сожительницы оказалась Карина, все было бы иначе. Уж она-то

уговорила бы переночевать, а Эвелина думает только о себе. На него наплевать. И ладно. Уходить никто не заставлял. Мог бы и завтра этот разговор затеять. Да вот уж больно не хотелось делить одну постель. Вышел во двор, заметил неподалеку скамейку. Сел, поставив сумку на землю. В темном безоблачном небе сияли холодные звезды. Такие же холодные и красивые, как женщина, от которой он избавился. Просидев на скамейке полчаса, вышел на улицу и поймал машину, чтобы поехать в Кузьминки. К дому, в котором когда-то жил. Дому, который, он тоже предал. Таксист затормозил возле белой пятиэтажки, и Евгений, расплатившись, вышел. Пока ехал, надеялся на чудо: вдруг память вернется. Но пятиэтажка с редкими светившимися квадратиками окон казалась такой же чужой, как имя дочери. На всякий случай Лычкин обошел вокруг и уселся на скамейку возле бывшего подъезда. Стало грустно, безумно хотелось, чтобы рядом оказалась Карина, она нашла бы нужные слова. Желание было так велико, что Евгений вытащил из кармана мобильный, но увидел, что уже больше двенадцати ночи. Карина, наверно, уже спит рядом с мужем, а в соседней комнате посапывает сынок. Вздыхнув, Лычкин решил размять ноги. За кинотеатром «Высота» оказался лесопарк. Вспомнились прогулки в одиночестве. Чудом сохранившаяся информация немного улучшила настроение. Ворвалась в голову мысль, что воспоминания, когда человек был один, не могут оказаться настолько болезненными, чтобы их захотелось стереть. Боль и унижения несут другие люди. Люди, которых принято считать родными и от которых ждешь счастья. Вот придет она, любимая, и все будет хорошо. Ты ждешь ее с раскрытым сердцем, желая получить ласковые слова и тепло объятий, а она, разозлившись за какой-нибудь ничтожный, как потом оказывается, проступок, называет тебя дураком. Наверно, так и произошло с Майей. Темный лес оборвал размышления, приковывая к себе внимание. Рядами призраков стояли деревья, заливался соловей. Сумка оттягивала руку и била по ногам. Лычкин сел на скамейку под фонарем и, вдыхая бодрящий ночной запах, принялся составлять план действий выхода из создавшейся ситуации. Дождется утра и придет в свою бывшую квартиру, чтобы пообщаться с новыми хозяевами. Выяснив информацию, поедет на разборки с Щербаковым. Потом начнет искать Асю. Бездомного виннера, заснувшего на скамейке, разбудило солнце. В лесу чирикали птицы, а деревья и трава сверкали бусинками естественных брильянтов. Евгений встал и с наслаждением потянулся. Тело ломило, но он все равно сделал несколько упражнений и даже пробежался по берегу озера. После того, как Эвелина приучила его к зарядке, тело каждый день требовало упражнений. Выйдя из парка, купил в магазине бутылку питьевого йогурта и направился в сторону дома. Домофон оказался сломанным, и Евгений легко поднялся на четвертый этаж. Дверь открыл заспанный мужчина в майке.

– Вам кого?

– Меня зовут Лычкин Евгений Владимирович. Ранее я проживал в этой квартире с семьей и, прежде чем передавать дело в суд, хотел узнать на каком

основании, вы здесь живёте и куда уехали мои родные. Мы будем разговаривать на лестнице или вы позволите пройти?

Маленькие глазки у мужчины неуверенно забежали, в них заметался страх.

– Валера, кто там? – раздался женский голос.

– Бывший хозяин вернулся, – пробормотал мужчина. – Хорошо, проходите. Но имейте в виду, у нас все законно, мы купили квартиру через фирму.

Лычкин вошел в коридор. На вешалке висели куртки, на тумбочке валялись перчатки, расчески, шапки. Квартира, по сравнению с той, которую им предоставил виннерский клуб, казалась крошечной. Неужели он здесь жил? Снимая ботинки, прислушивался к себе, но сознание окутывало то же самое густое одеяло, не пропускающее никаких ощущений, чувств и запахов.

– Идите на кухню, – буркнул Лычкину новый собственник.

Евгений вошел в крохотную кухню и сел на коричневый диванчик. На столе кружка с недопитым кофе и откусанный бутерброд с вареной колбасой. Новые хозяева любовью к порядку явно не отличались. В их съемной квартире каждая вещь знала свое место. Теперь уже и не узнать, врожденное ли это качество или приобретенное вместе с виннерским пакетом.

Хозяин дома появился с папочкой документов, которые, подвинув тарелку, разложил перед Евгением.

– Вот, пожалуйста: свидетельство о собственности и договор купли-продажи. – Лычкин быстро пробежал первые строчки и вздохнул. Виннерский клуб продал квартиру, воспользовавшись его генеральной доверенностью. Со времени подписания договора купли-продажи прошло полгода.

– Скажите, вы видели мою жену и дочь? – спросил Евгений.

– Да, – кивнул Валера и отвел взгляд в сторону. Сердце у Лычкина болезненно сжалось.

– Вы знаете, куда они уехали?

– Нет. Мы оформили сделку через фирму. Идите туда и разбирайтесь, куда они выселили ваших родных. Имейте в виду: мы никуда не уедем. – Он крикнул жене: – Люся, да иди же ты сюда.

На кухню бочком протиснулась женщина лет тридцати пяти с короткой стрижкой, похожая на маленького воробья.

– Что вы от нас хотите? Мы за эту квартиру в гаденьком районе комнату на Чистых прудах отдали. Нам-то какое дело, что кого-то пришлось отсюда выставить силой?

– Силой? – поразился Лычкин.

– Да, вызывали милицию. Они оставили почти всю мебель. Плакали, что им некуда идти. Говорили, что это какая-то ошибка. Нам, конечно, было их жаль. Но мы-то в чем виноваты? Не мы, так другие бы купили вашу квартиру? Вы давали эту доверенность или нет?

– Это уже не важно, – смутился Евгений. – Меня тоже обманули.

– Понятно, – Люся положила локти на стол, словно предъявляя на него свои права. – Думать надо было. Так только алкашей обманывают. Мы у нотариуса проверяли: доверенность никто не отзывал.

Мозг Лычкина лихорадочно работал. Он плохо знал бюрократические моменты продажи квартиры, но представлял, что дочку, она же была несовершеннолетней, нельзя выписать в никуда. Словно в подтверждении его слов, заговорил Валера.

– Люся, так им вроде купили какой-то дом в Подмосковье?

– Да, где-то под Шатурой. У меня есть выписка, там указан точный адрес.

Она вернулась с листком бумаги, который протянула Лычкину.

– Можете взять бумагу себе. Не думаю, что вы их там найдете. Ваша жена сказала, что скорее покончит с собой, чем туда поедет.

Лычкин чувствовал злость. Похоже, в той жизни он был полным лохом. В комнату забежала девочка в синей юбочке и таком же пиджачке.

– Мам, ты скоро? Я в школу опоздаю, а у нас контрольная по математике. А еще косу заплетать.

Евгений поднялся из-за стола. Похоже, делать ему тут нечего. Эта семья стала такой же жертвой.

– Извините за беспокойство. Дайте мне на всякий случай телефон агентства, которое вас расселяло.

– Сейчас найду, – Люся вскочила из-за стола и вскоре вернулась с визиткой, на которой значилась фамилия Щербаков Андрей Львович.

Евгений выдохнул. Круг замкнулся.

Как во сне он вышел из ставшей чужой квартиры и спустился пешком по давно немытым ступенькам. Дверь, скрипнув, выпустила на залитую солнцем улицу. Посмотрел на часы. Восемь пятнадцать утра. Решил поехать к Щербакову. Пока шел к метро, позвонила Карина.

– Ну как ты?

Лычкин почувствовал, как замерло от радости сердце. Какие бы не были неприятности, если бы не эта история, они бы никогда не встретились. Вкратце рассказал о последних событиях. В ее голосе послышалось сочувствие, когда он рассказывал о проведенной на скамейке ночи.

– У меня есть адрес, куда прописали Майю и жену. Надо туда съездить. Но сначала я хочу разобраться с Щербаковым.

– Будь острожен и держи меня в курсе, ладно?

Он повесил трубку, чувствуя себя гораздо лучше.

Лычкин ворвался в кабинет Щербакова, впервые в жизни испытывая желание, если не убить, то, по-крайней мере, ударить. На том же самом убогом стуле, где он когда-то принял решение отказаться от себя, сидела новая жертва: мужчина средних лет с потерянным взглядом. Редкие, зачесанные назад волосы, не скрывали лысину. Евгений стреп будущего виннера за лацканы дешевого пиджака:

– Будет лучше, если вы отсюда уйдете!

– Что вы себе позволяете?! – возмутился мужчина, не делая никаких попыток вырваться.

– Считайте, что я вас спас! Впрочем, если хотите продать свою память и свои воспоминания дьяволу, оставайтесь. Потом забудете, как вас зовут.

– Сейчас же прекратите! – крикнул Андрей, но незадачливый клиент уже попятился и исчез за дверью.

Лычкин облокотился на стол, нависая над Щербаковым:

– Что вы сделали с моей женой и дочерью?

Андрей почувствовал, как желудок сжался от страха. Выражение лица Евгения не обещало ничего хорошего. Иногда ему снился сон: приходили лузеры и требовали отдать их воспоминания. Потом тащили его в короб. Он оказывался в темноте и просыпался от страха. Долго лежал, глядя в темноту, прислушиваясь к ровному дыханию жены и прижимаясь к ее теплему телу. Наверно, сон немного подготовил Щербакова к такому повороту событий, ему удалось быстро овладеть собой.

– Вы нарушили условия договора!

– Плевать я на него хотел! Вы продали мою квартиру. Где теперь мои родные?

– Им купили дом.

– В деревне Шатурского района? Больше ста километров от Москвы? Вместо квартиры в Москве?

Мозг Щербакова лихорадочно работал, ему необходимо было связаться с шефом, но тот, как это частенько бывает, отдыхал на Бали и к телефону не подходил.

– Я не могу сейчас ответить на ваши вопросы. Через неделю приедет директор...

– Лучше ему остаться там навсегда! – заорал Лычкин. – И не вешайте мне лапшу, что у вас был пожар. Если вы вернете мне мой паспорт и тетрадь с записями, я соглашусь подождать до приезда вашего начальника.

– Хорошо-хорошо! – согласился Андрей. Челочка, задорно торчащая хохолком, грустно повисла. Глаз подергивался. – Не нужно так кричать! Мы можем как-нибудь договориться.

– Я уже сказал, что мне нужно!

Неожиданно Щербаков осознал, что эксперимент удался: лузер превратился в победителя. Разница между мямлящим Лычкиным с глазами побитой собаки и этим мужчиной, готовым разнести все на своем пути, была очевидна. Интересно, где они допустили ошибку? Неужели кто-то из членов семьи или знакомых нашел его? Андрей вдруг неожиданно понял, что находится на стороне клиента. Он помнил, как Лычкин любил свою дочь и хотел, чтобы она им гордилась. У Щербакова не было дочери, но если бы кто-нибудь стер из памяти его жену, он убил бы этого человека.

Щербаков устало откинулся на спинку кресла и вытер платком мокрый лоб.

– Если я принесу вам паспорт и тетрадь, вы пообещаете не поднимать шума? Ведь в вашем случае эксперимент удался. Если бы вы могли сравнить, вы не пожалели бы о том, что воспользовались нашими услугами.

Лицо Лычкина исказила гримаса отчаяния.

– Я схожу с ума от чужих воспоминаний. Я не говорил этих слов и не видел этих людей. Вы сделали из меня больного человека. Не говоря о том, что я не помню своей матери.

Чувство вины за содеянное уже давно терзало Щербакова, но он не позволял себе давать волю эмоциям. А вот сейчас осознал, что сдулся. Больше не сможет привлекать других клиентов.

Андрей сглотнул слюну и, вытащив из кармана, ключ от сейфа, медленно отпер его. На верхней полке лежала стопка паспортов недавних клиентов. Протянул малиновую книжечку Лычкину.

Евгений развернул первую страницу и долго смотрел на фотографию, не веря своим глазам. Разве это его лицо? Откуда эти обрюзгшие веки и щеки, спадавшие на воротник, как уши у спаниеля. А потерянный взгляд? Теперь он выглядит моложе лет на десять. Захлопнул паспорт.

– Тетрадь?

– Она в другом сейфе. У шефа. У меня нет ключа от кабинета.

– В таком случае мы взломаем его.

Щербаков пожал плечами. Вдруг вспомнилась сожительница Лычкина, Эвелина. Они казались удачной парой.

– Эвелина тоже хочет закончить программу? – вдруг спросил он.

– Нет. Она по-прежнему ничего не хочет знать о себе.

– Вы уверены, что вам нужна эта тетрадь?

– Абсолютно.

Щербаков сполз с кожаного кресла. На самом деле у него был ключ от сейфа и от кабинета, и он решил не рисковать.

Во время его отсутствия в дверь заглянула девушка.

– Можно?

– Заходи! – разрешил Лычкин.

Она неуверенно протиснулась в дверь, словно опасаясь распахнуть ее пошире, и остановилась на полпути, заранее ожидая, что ее прогонят.

– Извините, что помешала, – она глупо улыбнулась. – Меня интересует программа для лузеров.

– Интересно, почему она вас интересует?

Девушка потупилась.

– Я понимаю, со мной будет очень трудно, но я на все готова, буду делать, что скажете...

– Стоп! – заорал Лычкин и вскочил со стула. – Он подбежал к девушке и взял ее холодные руки. – Милая, я один из так называемых облапошенных клиентов этого заведения, в результате я потерял себя и своих близких.

– Как? – пискнула девушка.

– Они стерли из памяти всех моих родных и забрали мою квартиру. Так что я теперь бомж. Сегодня ночевал на скамейке. Хочешь присоединиться?

– Как? Неужели снова обман? А я надеялась. Ведь я самый настоящий лузер.

– Беги домой, милая. Купи книг по самосовершенствованию, запишись в спортклуб, внушай себе каждый день, что ты самая-самая и все получится. А чудес не бывает. Нет смысла терять себя в погоне за призрачными победами.

– Спасибо, – девушка исчезла за дверью, а Лычкин удовлетворенно вздохнул. Ну что ж, двоих он спас. Если бы полгода назад кто-то отговорил его самого. Звонок мобильного телефона прервал сожаления.

– Евгений Владимирович, у нас проблема с поставщиками. Рыбу не подвезли, а у нас банкет назначен. Вы когда будете?

– Слушай, Глеб, а ты тоже проходил эти курсы по улучшению жизни? – поинтересовался Лычкин у своего заместителя.

– Да, конечно. А что?

– Тогда реши проблему сам, ладно? Ты же виннер. А я в этом ресторане больше не работаю и тебе не советую, – он выключил телефон. Бросил взгляд на шкаф и заметил ключ. Быстро открыл дверцу и сгреб горстку паспортов в сумку. После чего запер сейф и положил ключ себе в карман.

Щербаков зашел в кабинет со школьной тетрадкой в руке. Лычкин открыл первую страницу и прочитал имя своей матери. К горлу подступил ком, и он поспешно вышел из кабинета. Дождь на улице смешивался с его слезами, когда он вышел из кофейни, где перечитал свои скудные записи. Если он решился на эксперимент ради дочери, значит, очень ее любил. В ближайшем ларьке купил букет красных роз и поехал на Митинское кладбище. От сорок второго указателя, десятая могила. По иронии судьбы сегодня оказался день смерти его матери. Евгений надеялся, что на могилке, как положено, стоит памятник с фотографией, но увидел лишь покосившийся металлический крест, на котором черной краской чья-то равнодушная рука вывела: «Лычкина Антонина Алексеевна». Далее следовали годы жизни, а потом стандартная надпись «Светлая память», которая больно царапнула по сердцу, напомнив о собственном предательстве. В носу защипало, и он тихо сказал: «Прости меня, мама», а потом долго, словно это могло помочь, прибирался на могилке. Уходя, оглянувшись: красные розы издали казались каплями крови.

Пока ехал в автобусе, позвонила Карина. Виноватым голосом сказала, что свидание отменяется. У нее дела. Расстроенный Евгений спустился в метро. Если он не хочет провести еще одну ночь на скамейке, надо решать вопрос с жильем. Он вышел на Краснопресненской и, купив газету, направился к скверу возле Белого дома, где занял скамейку подальше от детской площадки. Их радостные крики действовали на нервы. Лычкин набрал с десяток телефонов агентов, прежде чем, попал на собственника. Одинокая пенсионерка сдавала комнату недалеко от метро Первомайская за десять тысяч

рублей в месяц. Лычкин поехал по названному адресу. Тамара Михайловна оказалась приятной полной женщиной в очках с седыми короткими волосами, в которых преобладал чернильный оттенок. После внесения аванса Тамара Михайловна накормила его борщом, и они мило побеседовали. Потом Лычкин ушел к себе, разобрал сумку и растянулся на диване. После проведенной на скамейке ночи испытал облегчение и даже подумал, что заснет, но не смог. Решил завтра поехать в Шатуру. Захотелось перечитать свои записи. Когда полез в сумку за тетрадкой, наткнулся на украденные паспорта, о которых забыл. Начал их перелистывать, разглядывая фотографии. Может, стоит проехать по этим адресам и раздать их родственникам? Но тогда придется рассказывать собственную историю. Вот наивный. Вероятно, их квартиры принадлежат, подобно его собственной, другим людям. Вздохнул, открыл последний паспорт и увидел лицо Эвелины. Вгляделся внимательнее. У нее тоже был этот затравленный взгляд зверька, попавшего в западню. Может и неудивительно, что она не хотела знать, что случилось в ее жизни. Перевернул страницу паспорта, куда включали детей, и обнаружил запись о трехлетней дочери. Должен ли он сообщить ей об этом? Евгений сложил документы и сунул в ящик стола. Он разберется с ними позже, когда решит, что делать с клубом виннеров.

Евгений чувствовал себя усталым и измученным, но жалость к себе, как вдруг неожиданно обнаружилось, ему больше не была свойственна. Он пересчитал наличные деньги. На этой неделе нужно найти работу. Заставил себя встать с дивана и сесть к ноутбуку. Будет лучше, если он сейчас займется составлением резюме, которое разошлет по всем ресторанам и даст по известным газетам и сайтам. Взял образец резюме и тихонько охнул. Он не помнил ни школы, которой заканчивал, ни института, ни прежних мест работы. Ему стало страшно. Что они с ним сделали? Евгений вскочил с места и принялся ходить по комнате. А потом почему-то вспомнил, как однажды застал Эвелину, делающую отжимания. Тогда она сказала, что это помогает избавиться от злости, а в голову приходят правильные решения. Когда Тамара Михайловна постучала в дверь, мышцы на его руках одеревенели, а со лба катился пот. Он отжался двадцать четыре раза на кулаках.

– О, простите! Вовсе не хотела мешать. Просто вдруг вспомнила, мой прежний жилец – он учился в университете – подключил интернет. Вдруг вам понадобится.

– Спасибо! – выдохнул Лычкин. – Вы даже не представляете, как помогли мне.

Приняв душ, включил ноутбук и, зайдя на сайт, начал просматривать чужие резюме. Если его жизнь теперь представляет микс чужих побед, значит, и резюме у него будет миксом из самых лучших. Быстро отсортировал кандидатов, претендующих на самую высокую зарплату в ресторанном бизнесе, и начал работать. В два часа ночи, кинув взгляд на составленный им файл, расхохотался и тут же зажал себе рот рукой, чтобы не разбудить мирно

похрапывающую за соседней стенкой хозяйку. Такого виннера, которого он придумал, любой крутой ресторан примет на работу с распростертыми объятиями. Ленивые работодатели и не подумают проверять. На всякий случай завтра наведет справки обо всех указанных заведениях, чтобы не поплыть от неожиданного вопроса. Уверен, что они удовлетворятся его знаниями и внимательным осмотром внешнего вида. Вспомнил, как Эвелина заставила его купить итальянский костюм. «В костюме от «Тримфорти» ты всегда будешь чувствовать себя уверенно». Заставив его перемерить все, что подходило по размеру, убедила взять самый дорогой из новой коллекции. Так же она поступила и с другими аксессуарами, включая мобильный телефон, ежедневник, ручку и часы. Так что экипирован он, благодаря бывшей подруге, как надо. Спать не хотелось, пошел на кухню выпить чаю. Тамара Михайловна до сих пор, вероятно из экономии, пользовалась обычным чайником, поэтому он достаточно долго смотрел в темное окно, ожидая знакомого с детства посвистывающего звука. На крохотной кухне, несмотря на старенькие полочки и потертый уголок, царил образцовый порядок, и он вдруг вспомнил свою бывшую квартиру и новую семью, которую туда заселили. Люди, которых он видел, ни в чем не виноваты. Главное – найти Асю. Выпив чаю с сушками, Лычкин расстелил диванчик и, несмотря на пережитые волнения, мгновенно уснул.

Глава 8

Проснулся Евгений, как обычно, в семь часов. Машинально протянул руку, ожидая почувствовать знакомую теплоту. Эвелина так крепко спала, что не слышала сигнала будильника. Рука коснулась прохладной простыни, и Лычкин открыл глаза. Желтоватые разводы на советских обоях в розовую полоску напомнили, что Эвелина уже стала частью прошлого. А в настоящем он запланировал предпринять первый шаг по розыску Аси. Доченька, как бы я хотел вспомнить твою улыбку, твои глаза, как ты первый раз назвала меня папой. Поймал себя на мысли, что не представляет, как выглядят девочки в четырнадцать лет. К горлу подкатил уже знакомый ком, но он заставил взять себя в руки. Выбрался из мягкой постели, сделал зарядку, принял контрастный душ и, выпив чашку кофе, вышел из пахнущего кошками подъезда. Ручеек невыспавшихся хмурых людей из пятиэтажек тянулся сквозь зеленые, наполненные гомоном воробьев, дворики. Лычкин шел к метро, вглядываясь в лица людей, которые не могли себе позволить поехать на машине. Ему хотелось крикнуть: не грустите, у вас есть ваши воспоминания, ваши дети и память о ваших родителях. Ему все это предстояло обрести заново. Кроме того, что не вернется. Прости меня, мама. Я не устану каждый день молить прощения за свое предательство. Навстречу попались две девчушки в одинаковых синих пиджачках и зеленых сарафанах в клеточку. Ему так и

хотелось прервать их веселую болтовню, чтобы спросить, сколько им лет. Тринадцать? Четырнадцать? Или уже шестнадцать?

В вагон метро набилось столько народу, что он не мог не вспомнить о машине с шофером, ожидавшей его каждое утро, чтобы отвезти на работу. Из окна автомобиля мир выглядел более приветливым. Можно успеть сделать нужные звонки, составить план на день. Евгений повис на поручне и закрыл глаза. Завтра он займется поисками работы и решит эту проблему. Директору ресторана положена машина, пусть даже без шофера. А уж водить он умеет. Впрочем, откуда взялась подобная уверенность? Лычкин хмыкнул. Придется сходить в ГАИ и навести справки.

С Казанского вокзала до станции Шатура шла электричка. С утра загород никто не спешил, и Лычкин занял место у окна, наслаждаясь прохладой летнего ветерка. Напротив него сел мужчина средних лет с бутылкой пива в руке с угрюмым выражением лица. Что заставило его искать спасение в алкоголе с самого утра? Поссорился с женой, которая считала его неудачником? Потерял работу?

Последнее время, несмотря на преследующие Лычкина неприятности, которые можно было назвать и несчастиями, он не чувствовал подавленности. Наверно, это надо приписывать закачаным в мозг правилам виннера. Воля к победе. Никогда не сдавайся. Борись до последнего.

Через два часа, Евгений еле сдерживаясь от нетерпения, занял место в небольшом пыльном деревенском автобусе, который ходил строго по расписанию. Что, если его жена и Ася действительно нашли там пристанище? Как он сможет объяснить случившееся с ним?

На улице Школьная Евгений замедлил шаг. Сердце то билось слишком сильно, то замирало в груди. По спине бежали противные ручейки пота. Остро пахло зеленым, над зацветающим шиповником кружили пчелы. Мужчина замер перед домом с номером одиннадцать. Покосившиеся зеленые ворота, ржавый ящик для почты. Скрипнув, калитка открылась, и Лычкин, ступая по свежей траве, подошел ближе. Дом уныло глядел в мир треснутыми грязными окнами и казался необитаемым. Евгений поднялся по кривым ступенькам крыльца и постучал. Тишина. Лычкин вышел в заросший высокой травой сад и, заметив скамейку, опустился на нее, чтобы передохнуть и подумать, что делать дальше.

Появившаяся на соседнем участке соседка привлекла его внимание.

– Здравствуйте! – крикнул он, бросаясь через крапиву к потемневшему от времени забору. Женщина лет пятидесяти с круглым розовощеким лицом подошла к забору со своей стороны.

– Здравствуйте! – она приветливо улыбнулась. – Вы новый хозяин?

– Нет. Я ищу свою дочь. Вы не видели, чтобы сюда приезжали женщина с девочкой четырнадцати лет?

– Нет, – покачала головой женщина, поправляя светлую косынку. Этот дом давно пустует. Хозяева живут за границей. Вас увидела, подумала, что вы его купили. Места-то тут у нас хорошие. Воздух свежий.

– А вы все время здесь живете?

– Постоянно. У меня тут и куры, и корова, и огород, – поделилась женщина.
– Если бы кто приезжал, я бы узнала первой.

Евгений все еще молчал, когда соседка любезно предложила.

– Может, молочка выпьете холодненького? А то в такую даль зря проехали. Да и в электричках сейчас перерыв.

– С удовольствием.

Наверно, хозяйке хотелось поговорить, но Лычкин пребывал в подавленном настроении и односложно отвечал на вопросы. Поблагодарив за молоко, поднялся и вышел на проселочную дорогу, продолжая размышлять, как найти Асю. Хотелось бы надеяться, что Майя сможет позаботиться о дочери, но уверенности не было. В голову залезла мысль, что он предал свою молодость. Прожил с Майей пятнадцать лет и захотел избавиться от воспоминаний. Неужели это произошло только из-за того, что она считала его неудачником? Или было что-то еще? На станции подошел к киоску, купил бутылку холодной воды и журнал «Работа для вас». Открыл яркие страницы, пестревшие объявлениями о наборе официантов, рабочих и менеджеров среднего звена. Руководящих работников требовали три ресторана. Усмехнувшись над названием «Золотой павлин», Лычкин договорился о собеседовании на завтра. Сегодня он подготовит свое новое резюме и выгладит костюм. Завтра получит работу.

Мысли снова забегали по привычному кругу. Надо поговорить с соседями по подъезду, найти школу, где училась Ася. Может быть, все не так и плохо. Например, они живут у родителей Майи, и Ася ходит в ту же школу. Впрочем, если бы у Майи были родители, он бы записал о них в тетрадке.

Когда позвонила Карина, он рассказал последние новости.

– Не расстраивайся, мы обязательно их найдем. Наверно, у твоей жены была какая-нибудь соседка, которая заходила к ней выпить чашку чая, – ее слегка хрипловатый голос звучал участливо. Ему нестерпимо захотелось увидеть Карину.

– Мы встретимся сегодня? – нетерпеливо спросил он.

Молчание.

– Алло! Ты здесь?

– Да, здесь, – тихо ответила она. – Я сейчас очень занята. Готовимся к чемпионату. Не знаю, как удастся вырваться. – Лычкин уловил в ее голосе оттенок фальши. Она что-то не договаривала.

– Что-то случилось? Скажи все, как есть. Даже если ты не хочешь встречаться со мной.

- Это не совсем так. Я просто боюсь.
 - Боишься чего?
 - Я чувствую, как меня тянет к тебе. Но ты должен понимать, что у меня...
 - Да, семья и ребенок. И ты, в отличие от меня, поганца, не можешь позволить себе стереть их из памяти.
 - Зачем ты так? Я не знаю, что делать.
 - Карина, не бросай меня.
 - Конечно, нет. Наши встречи выбивают меня из колеи, но это не значит, что я не готова тебе помогать...
 - Я понял, – прервал ее Лычкин. – Прости за беспокойство, которое я принес в твою жизнь. Пошли меня к черту. Я справлюсь сам.
- Лычкин подумал, что ослышался, когда она прерывающимся голосом, в котором отчетливо слышались и страсть, и слезы, призналась, что любит его.
- Милая, я тоже тебя люблю. Мы что-нибудь придумаем.
- Они простились, так и не договорившись ни о чем. Наконец, подошла электричка, Лычкин сел у окна и закрыл глаза. Всю дорогу грезил о Карине, пытался решить, что им делать.

Евгений волновался, как мальчишка перед первым свиданием, когда увидел вывеску катка «Метеор». Он прохаживался неподалеку от входа, рассматривая молодых мам и бабушек, встречающих своих чад после занятий фигурным катанием. «Что, если эти милые детишки когда-нибудь решатся стереть из памяти своих родных? – мелькнула мысль у Лычкина. Надо все же как-то разобраться с руководителями Виннерского клуба и закрыть его».

Полы расстегнутого сиреневого плащика Карины игриво развевал ветерок, открывая стройные ноги в черных туфельках. Она медленно шла, подставив лицо солнцу. Евгений сделал несколько шагов, желая догнать ее, как вдруг подумал, что хотел бы незамеченным проводить ее домой. Зайти вместе с ней в магазин, посмотреть, какие продукты она выберет для ужина. Дождаться пока в доме загорится ее окно. Увлеченная своими мыслями Карина не оглядывалась. Только повернула голову, когда переходила дорогу, предоставляя возможность полюбоваться вздернутым носиком и растрепавшейся от ветра челкой. Не в силах продолжать нечестную игру, Лычкин догнал ее. Безмятежность на лице сменилась смущением.

- Откуда ты здесь? Что-нибудь случилось?
- Я вдруг понял, что должен увидеть тебя.

Карина опустила глаза, и ее светлая кожа с веснушками слегка порозовела. Евгений вдруг почувствовал, что ему настолько нравятся эти маленькие пятнышки, что он желает немедленно расцеловать их. Наклонился, Карина потянулась навстречу. В глубине сознания Евгения сидела уверенность, что он знает вкус ее губ, но, целуя, понял, что это были чужие ощущения его партнера, на самом деле все оказалось сильнее и ярче. Карина опомнилась

первой, отступила на шаг и провела рукой по губам, словно хотела стереть поцелуй.

– Что мы делаем?! Нас могут увидеть мои ученики или их родители.

– Прости. Буду держать себя в руках, – краешек губ Евгения съехал на бок в застенчивой улыбке. – Провожу тебя до метро?

Она кивнула. Евгений попытался разобраться в себе. Теперь ему придется научиться отделять свои ощущения от ощущений того парня, который сидит в мозгу. Евгений посмотрел на Карину и не удержался, чтобы не сжать маленькую ручку. Он любил каждый волосок коротких темно-русых волос, челку, падающую волной. Когда ветерок убирал волосы назад, становились заметны три морщинки на упрямом лобике, которые хотелось стереть поцелуями.

– Пожалуйста, перестань так на меня смотреть, – жалобно сказала Карина.

– Почему?

Молодая женщина резко остановилась.

– Ты действительно хочешь знать почему?

– Конечно.

– Я умираю от желания остаться с тобой наедине.

Евгений быстро огляделся по сторонам.

– На улице никого нет, – прошептал он и крепко прижал ее к себе, впиваясь в губы.

Поцелуй был так долог, что весь остальной мир растворился, и Карину вдруг перестало волновать, что их могут увидеть. Голова кружилась как после каруселей. Держась за руки, влюбленные прошли до конца улицы и остановились от неожиданности. «Уютное гнездышко. Номера на час», – вещал приютившийся возле дома желтый штендер.

Евгений боялся взглянуть Карине в глаза, но она сжала его руку и первой шагнула на ступеньку. Лычкин уплатил за два часа и получил ключ от номера. Пока друг за другом поднимались пешком по узкой лестнице на второй этаж, Евгений дрожал от нетерпения и желания. Оставшись в спасительном уединении, мужчина сразу прижал Карину к себе и зашептал на ухо.

– Поверь, я бы хотел, чтобы это было иначе.

Она прижала палец к его губам.

– Не имеет значения. Главное, что мы вдвоем.

Они вошли в маленькую комнату, основное пространство которой занимала широченная кровать, аккуратно застеленная розовым покрывалом с рюшечками. У окна сиротливо приютилась тумбочка с оранжевым абажуром.

Раздевая Карину, Евгений понял, что знает ее тело. Сделал над собой усилие, чтобы не повторять чужие движения. Пальцы ласково погладили спину, она отклонилась назад и застонала. Его ощущения были ярче, полнее, чем внедренные. Он чувствовал каждую клеточку ее тела. Целовал глаза, шею, медленно опускаясь вниз, стараясь изменить навязанный ему ритм, пока был еще в состоянии контролировать себя, изо всех сил боролся с тем, кто теперь жил в нем, насмехаясь над ним своим знанием ее тела.

А потом она рыдала, уткнувшись ему в плечо, и в этих слезах были и стыд за свое огромное счастье, и раскаяние, и безнадежность. Евгений поднял ее лицо и начал губами стирать слезы.

– Ну не надо, милая. Разве все было так плохо?

– Слишком хорошо. Просто я не знаю, как теперь буду жить.

Он коснулся губами ее губ и, почти не отрываясь от них, прошептал:

– Будет так, как ты скажешь. Я приму любое твоё решение.

– Но я не могу ничего решить.

– Пока не можешь.

Она отстранилась, села, облокотившись на подушку, вытерла слезы кулачками, как ребенок.

– Конечно, мне не надо было приходить сюда. Но я мечтала о тебе еще с тех пор, как мы катались вместе. – Лычкин недоверчиво смотрел на нее.

– Ты когда-нибудь говорила, что любишь меня?

– Конечно, нет. Надеялась, что ты поймешь, но ты ничего не замечал. Пока мы вместе катались, я терпеливо ждала, хотя и знала, что ты встречаешься с другой. Даже еще тогда после травмы надеялась, что мы будем кататься вместе. Долго не решалась найти себе партнера. Ждала, что ты не сможешь без коньков.

– Тогда бы ты не стала чемпионкой.

Она покачала головой.

– Сейчас это уже не важно. Кто помнит о тех соревнованиях?

– Ты помнишь, – он улыбнулся. – В отличие от меня, искусственного виннера со стертой памятью, ты настоящая победительница.

– Когда я с тобой, нам снова по четырнадцать лет и ты высокий, немного угловатый парень, с непокорными волосами. Перед соревнованиями я их сама тебе укладывала.

– Понять не могу, как я мог не обращать на тебя внимания? – улыбнулся Лычкин, лаская ее взглядом. – Ты просто восхитительная.

– Тогда ты так не считал.

– Прости меня за это.

– Все сложилось, как сложилось.

– Скажи, а если бы не травма, то я... мы... Ну в общем, были ли у меня способности? Или я все-таки был лузером?

– У тебя были прекрасные способности, изумительные чувство ритма, пластика. Но ты не был ориентирован на победу. Ты просто катался и все. Получал удовольствия от самого процесса, от музыки, от движения тел. Тебя все время приходилось подталкивать, заставлять тренироваться. Мне кажется: когда ты узнал, что тебе придется уйти из фигурного катания, то испытал облегчение. Для меня бы подобная травма стала трагедией. Думаю, что все равно, несмотря на запреты врачей, продолжала бы тренировки. Жизни не могла представить без фигурного катания.

– С тобой все ясно, а я был настоящим лузером, – усмехнулся Евгений. – Мы хотя бы одни соревнования выиграли?

– Нет.

– Ну что ж, в виннерском клубе я оказался неслучайно. А каким человеком был твой партнер?

– Пашка был прирожденным победителем. Наталья Ивановна выгоняла его с катка. Ты помнишь нашего тренера?

Лычкин задумался, а потом покачал головой. Желая утешить, Карина нежно провела пальцами по его лицу.

– Наталья жутко орала. Иногда я давала себе слово, что перейду к другому тренеру, но Павлу было все равно. Он считал: главное результат и никогда не обижался. Она и любила его больше всех своих учеников. Даже как-то сказала мне, что если бы не Павел, я бы ничего не добилась. В нашей паре он был лидером, я шла за ним. Он принимал решения, я подчинялась. В награду знала, что меня ждут его сильные руки. Я обожала его руки. Когда мне казалось, что я падаю, он всегда успевал подхватить меня.

– Ты любила его? – ревниво спросил Женя.

– Скорее это можно назвать увлечением. Мы даже собирались пожениться, а потом ...

– Что потом...

– Мне бы не хотелось говорить сейчас об этом, ладно? – Карина потянулась и посмотрела в окно, заметив, что последний солнечный луч, скользивший по стене, скрылся. – Я даже боюсь посмотреть на часы.

Евгений дотянулся до мобильного.

– Без трех минут восемь.

Вместо того чтобы вскочить, Карина зарылась в подушку, но почти сразу подняла голову.

– Не хочется расставаться. Как глупо, что судьба распорядилась, чтобы мы встретились сейчас, когда я уже успокоилась и начала получать удовольствие от жизни.

Он взял ее руку, разжал пальцы. Поцеловал ладонь.

– Я могу исчезнуть.

– Ты не понимаешь, что я не смогу жить без тебя. Однажды уже это пережила и не хочу пройти через это еще раз.

Она встала с постели и стала одеваться, не смущаясь и не кокетничая под пристальным взглядом Евгения, который не мог оторвать взгляда от ее сильных, правильной формы ног, женственных бедер, плавно переходивших в тонкую талию. Несколько милых складочек на животе, к которым так и хотелось прикоснуться. Ее фигура коренным образом отличалась от фигуры Эвелины. Та высокая, узкокостная с мальчишескими бедрами, маленькой грудью и плоским животом. Карина выглядела женственной, соблазнительной и домашней. Ее хотелось взять на руки и защитить. Евгений вдруг разозлился на себя. Какого черта он, вообще, их сравнивает?

Карина достала из сумочки расческу и подошла к зеркалу на стене. Лычкин заставил себя выбраться из постели и начал одеваться, стараясь не упустить ее каждое движение. Хотелось видеть, как она расчесывает свои короткие волосы, как подкрашивает ресницы. Карина достала из сумки помаду и он, обняв за плечи, повернул ее к себе:

– Подожди.

Ее губы были мягкими, слегка солоноватыми на вкус. Пальцы Карины разжались, помада покатилась под кровать, где и осталась, забытая хозяйкой, всецело поглощенной своими ощущениями.

– Я люблю тебя, Каринка, я так тебя люблю, – прошептал он ей на ухо, зарываясь носом в ее душистые волосы.

– А я-то тебя как люблю, – она почувствовала, что глаза от одновременного ощущения счастья и боли, греховности и чистоты их чувства, вновь наполняются слезами. Женя слизывал их языком, и ее боль стала их общей, вытеснив все остальные чувства, кроме горечи предстоящего расставания.

Глава 9

Собеседование в «Золотом павлине» назначили на два часа, так что Евгений не спеша выгладил шелковый костюм и рубашку. Принял душ, тщательно расчесал мокрые волосы, чтобы они легли красивой волной. Посмотрев на себя в зеркало, подумал, что седины поубавилось. Противные серые волосы еще пронизывали виски, в то время как остальная часть шевелюры явно потемнела. Усмехнулся. Так еще чего доброго, когда исчезнут морщины, он будет выглядеть как двадцатилетний юноша. Снова взгляделся в свое отражение. Морщинки на своих местах, но, кажется, стали менее заметными. «Неужели я помолодел?!» – воскликнул вслух Лычкин. Мысль его позабавила. С утра он успел сделать несколько звонков и записался еще на три собеседования на завтра. Не то, чтобы он сомневался, что подойдет для работы в «Золотом павлине». Вовсе нет, был уверен, что его возьмут. Хотелось из всех выставленных на рынок вакансий занять самую лучшую. Зря, что ли, он, свои воспоминания заложил, как душу?!

После этого Евгений потратил пару часов, собирая различную информацию о ресторане «Золотой павлин», изучая меню и читая отзывы посетителей. Перед собеседованием решил составить собственное впечатление о ресторане, отведав бизнес-ланч. Конечно, лучше было сходить туда вечером, но наличных денег оставалось не так много, а после посещения «Уютного гнездышка» захотелось снять отдельную квартиру, чтобы встречаться с Кариной. Ему с самого утра хотелось позвонить, чтобы услышать ее голос, но передумал. Что он мог ей дать, кроме любви? Как долго продлятся их тайные встречи, и что произойдет, если узнает муж? Евгений спросил себя, ревнует

ли он к нему Карину. Уж если ревнует, так к Павлу, который сидит у него в голове и путает его ощущения.

Лычкину что-то понадобилось в тумбочке, и он наткнулся на паспорта, которые забрал из сейфа. Что, если ему сходить по нескольким адресам и узнать, что случилось с желающими добиться успеха? Пожалуй, надо так и сделать. Возможно, членам их семьи больше повезло и их квартира еще не продана. Один из будущих виннеров жил недалеко от метро "Пушкинская", где находился ресторан «Золотой павлин». Евгений тщательно оделся, немного повозился перед зеркалом, завязывая галстук. Может быть, у него это получилось, не так профессионально, как у Эвелины, но все же довольно сносно. Тамара Михайловна, увидев арендатора в коридоре, забыла, что шла на кухню и замерла на месте.

– Прекрасно выглядите! – наконец вымолвила женщина, оглядывая его с ног до головы. – Не иначе как на свадьбу собрались!

– Всего лишь на собеседование.

– Не сомневаюсь, что получите работу, – заявила она.

– Спасибо! – Лычкин довольно улыбнулся. – Я в этом уверен.

Евгений Владимирович уверенно вошел в ресторан «Золотой павлин» и сел на предложенное официантом место у окна. Огляделся. Офисные работники рассеянно жевали, то и дело, отвечая на телефонные звонки. Лычкин заказал бизнес-ланч молодому официанту с зализанными назад темными волосами, на бейдже которого было написано «Максим», и вернулся к наблюдению. Интерьер ресторана, выполненный в золотистых тонах, выглядел помпезно, но сочетался с бардовыми скатертями на столиках. Грибной суп ему понравился, чего нельзя было сказать о макаронах по-флотски, которые оказались переваренными и недосоленными. Но будущий соискатель работы был голоден и съел все, не забывая наблюдать за посетителями и обслуживающим персоналом. Пока дожидался счета, внимательно ознакомился с меню. Цены показались заоблачными. Свое мнение о ресторане он составил и был полностью готов к собеседованию. Лычкин расплатился и попросил проводить его в отдел кадров, шепнув по дороге:

– Максим, если я буду здесь директором, вам придется вести себя порасторопнее и поменьше кокетничать с официантками. Вы отвлекаетесь сами и отвлекаете их.

Лицо молодого человека вытянулось, а Лычкин проследовал к указанному кабинету.

Поздоровавшись, Евгений Владимирович спокойно остановился посередине, обозревая начальника отдела кадров. В глаза бросился плохо завязанный узел галстука, не подходившего по цвету к сорочке и костюму. В то же время кадровик быстро скользнул профессиональным взглядом по фигуре соискателя и проговорил слащавеньким голоском.

– Проходите, пожалуйста, садитесь. Вы, если не ошибаюсь, Лычкин Евгений Владимирович. – Кадровик пытливо рассматривал кандидата. Что-то смутно знакомое проглядывало в чертах его лица. Кажется, они где-то встречались.

Евгений удобно устроился на стуле и после этого спокойно спросил.

– Как я могу к вам обращаться?

– Александр Львович. Начальник отдела кадров.

– Знаете, Александр Львович, прежде чем зайти к вам, попробовал бизнес-ланч.

– И как?

Лычкин улыбнулся и сделал паузу. После чего в нескольких точных выражениях высказал свое мнение, не забыв упомянуть про медленное обслуживание болтливого Максима.

– М-м-м, – промычал Александр Львович, думая о том, как повернуть собеседование в нужное русло. – Я доложу руководству. Спасибо, что обратили внимание. Давайте немного обсудим ваше резюме. – Он взял листок. Итак, последнее место работы – директор ресторана «Молния». Если не секрет, почему уходите оттуда?

– Нет дальнейших перспектив для роста. Я сделал нашим учредителям заманчивое предложение, как повысить уровень дохода ресторана и улучшить качество обслуживания, чтобы привлечь больше посетителей, но им это не показалось интересным. Люди, к сожалению, слишком консервативны. А как ваше руководство относится к новаторским предложениям?

– Думаю, что положительно. Нам пока э-э-э, – замялся Александр Львович, – никто ничего интересного не предлагал. Взяли вот недавно человека на место директора, так пришлось уволить. И полгода не проработал. Так нехорошо себя повел. Ну, не будем об этом.

– Я понял, – Лычкин холодно кивнул. – Уровень зарплаты указан в резюме. Еще будет необходим отдельный кабинет и служебный автомобиль с шофером.

Высказавшись, Евгений Владимирович, посмотрел на часы.

– У вас еще есть вопросы?

Александр Львович замотал головой, пытаясь определить стоимость его часов. Он был просто уверен, что лучшего человека на место директора ему не найти и думал только, как удержать его.

– Дело в том, что мы могли бы решить этот вопрос сегодня. Наш учредитель сегодня в офисе и мог бы переговорить с вами. При его положительном решении вы могли бы приступить к работе завтра.

– Считаете ли вы дело настолько решенным, чтобы я отменил два следующих собеседования?

– Подождите минуточку, – кадровик набрал номер.

– Владимир Иванович. Здесь у меня на собеседовании Лычкин Евгений Владимирович. Вы видели его резюме. Не хотите с ним переговорить? Да, считаю. Сейчас провожу его к вам. – Он повесил трубку и повернулся к

Лычкину, равнодушно рассматривающего обстановку кабинета и размышляющего о том, что за время собеседования он не испытал никакого волнения и вполне мог предсказать, что будет незамедлительно принят на работу.

Выйдя из ресторана, Евгений набрал номер Карины.

– Привет, как ты?

– Нормально. Как твоё собеседование?

– Получил работу директора в ресторане «Золотой павлин».

– Так это же замечательно, – её голос стал более воодушевленным. – Я волновалась, что в связи с кризисом, процесс поиска работы может затянуться.

– Кризис не имеет значения для виннеров, – пошутил Лычкин. – Вычистив мозги неудачника, они научили меня выигрывать. – Во сколько мы сегодня встретимся?

– Со мной твои принципы не сработают. Сегодня мне нужно побыть дома. Вчера пришлось соврать, что встречалась с подругой.

– Бедная моя, – его голос звучал так ласково, что Карина почувствовала, как руки стали горячими. Если бы только можно было обо всем забыть и отдаться своему чувству. Просто любить и быть счастливой, сколько позволит судьба. – Так соскучился, не представляю, как проживу без тебя этот день. – Карина поняла: ещё несколько подобных слов, и она согласится с ним встретиться. И не важно, что потом будет очень тяжело.

Вчера она старалась занять как можно меньше места в супружеской кровати, даже притворилась спящей, а когда муж обнял её, сжалась в комочек, чувствуя, как каждый нерв, каждая клеточка сопротивляется его прикосновениям. Что будет, когда придется согласиться? А ведь до этого у них с мужем были прекрасные отношения. Пусть не все получалось в интимной жизни, но она смирилась, находя смысл в другом. А теперь все её тело молило о других руках и губах. И нет оправдания тому, что они с Женей познакомились раньше, её жизнь обещана другому.

– Карина, почему ты молчишь?

– Задумалась.

– Могу я хотя бы встретить тебя, чтобы проводить домой?

– Нет.

– Почему?

– Ты понимаешь почему. У меня семья и я не хочу потерять её, – она вдруг спохватилась, подумав, что он может обидеться. – Прости.

– Ты права, сделаем паузу. Использую этот вечер, чтобы пройтись по знакомым и собрать сведения об Асе. Позвоню завтра. Целую.

– Целую.

Карина отбросила телефон, уже пожалев о своей стойкости. Если бы он ещё немного поговаривал. День потерял свое очарование. Сегодня они не

встретятся. Нужно сосредоточиться на работе. Карина занялась своим маленьким учеником, у которого не получалось вращение, но мысли о Жене крутились в голове, а при воспоминании об их близости, внутри все обмирало, требуя повторения.

Положив телефон в карман, Евгений вздохнул. Длинный день и еще более длинный вечер без Карины. Надо привыкнуть к мысли о кратковременных свиданиях и о вороватых взглядах любимой на часы. Желая отвлечься от грустных мыслей, вытащил из кармана паспорт бывшего лузера, и некоторое время рассматривал фотографию молодого мужчины с затравленным, как у зверька в клетке, взглядом. Что не ладилось в твоей жизни, и почему ты решил стереть себя? Где ты, напичканный чужими стремлениями товарищ по несчастью? Лычкин проверил адрес и решил прогуляться до дома пешком. Четырехэтажный дом без лифта на Петровке. Унылое здание внутри каменного мешка с одним и тем же номером, только под разными строениями. Благодаря помощи жильцов, Евгений добрался до восьмого строения семнадцатого дома. У подъезда остановился и поднял вверх голову. Многие окна зашторены, видимо, жильцы вовсе не хотели выставлять свою жизнь напоказ для дома со строением семь. Во дворе не росли деревья, и сюда не заглядывало солнце, тем не менее, квартира лузера располагалась всего лишь в пяти минутах ходьбы от метро «Пушкинская» и стояла кучу денег.

Лычкин терпеливо ждал, чтобы войти в подъезд. Наконец, из дома вышла молодая женщина с ребенком на руках, и Евгений легко поднялся на четвертый этаж и нажал кнопку звонка, рассматривая шикарную новую дверь. Собственно говоря, уже можно было уходить. Результат того, что фирма по улучшению жизни уже получила деньги за квартиру своего клиента, был налицо. Тот, кто мог купиться на слова "перестаньте быть лузерами» явно не мог обладать подобной дверью. Лычкин услышал тихие, видимо, женские шаги, потом почувствовал, что его разглядывают в глазок.

– Кто там? – послышался тихий голос.

– Мне нужен Ковалев Дмитрий.

Дверь приоткрылась.

– Здесь таких нет, – заметила молодая женщина в шелковом длинном халате.

– Странно, он давал мне этот адрес, – сыграл удивление Лычкин.

Евгению показалось, что женщина почувствовала себя неловко. В конце концов, если она приобретала квартиру по доверенности, то могла и вспомнить фамилию хозяина, поэтому и дверь открыла.

– А вы, простите, давно здесь живете?

– Три месяца.

– Понятно. Может, соседи что-нибудь знают?

– К соседке снизу лучше не звоните. Мы когда ремонт делали, она на нас в суд подала.

– Не знал, что привести квартиру в порядок подсудное дело, – усмехнулся Лычкин.

– Сука она просто, – без особых эмоций заметила женщина. – Денег хотела поиметь за нашу незаконную перепланировку. А кто сейчас узаконивает? Ну, совместили ванную с туалетом. Так при этой планировке...

– Понятно, – кивнул Евгений. – И все-таки, мне очень нужен Дмитрий. Может обратиться к соседям напротив?

– Как хотите, – пожала плечами женщина, дверь еле заметно поползла на него, щель уменьшилась. Похоже, ей не терпелось уйти.

– Последний вопрос, – вставил Лычкин. – Меня тоже интересует покупка квартиры в центре. Действительно ли здесь бешеные цены или возможны варианты?

Женщина усмехнулась.

– Варианты всегда возможны. Вопрос, захотите ли рисковать. Телефончик маклера могу дать, он лучше объяснит, что к чему. Нам, когда сказали деньги поднести, мы поднесли, когда подписать, подписали. В дальнейшем не вникали. В результате живём в центре.

– Был бы вам очень благодарен, – Евгений почувствовал, что сейчас срыгнет от собственной двуличности и слащавости.

– Одну минутку, – дверь закрылась. Евгений сглотнул горькую слюну и вспомнил Андрея Щербакова. Сложно это, ломать комедию каждый день, зная, что за этим стоит.

Женщина протянула ему клочок бумаги в клеточку, на которой было написано: Щербаков Андрей Львович, далее шли цифры мобильного телефона.

– Спасибо, – Евгений сунул бумажку в карман и спустился пешком во двор. Почувствовал странное желание закурить, а еще лучше выпить чего-нибудь крепкого. Навалившаяся слабость лишала последних сил. Он вышел из подворотни на запруженную автомобилями Петровку и нерешительно остановился. Что делать? Как быть? Самой первой и неправильной мыслью было помчаться в виннерский клуб, чтобы избить Щербакова. Но разве этим что-нибудь докажешь?! Нельзя наживаться над отсутствием способностей. Способности даются от Бога. Кстати, а верит ли он Бога? Ответа на этот вопрос не было. На Петровке по-прежнему пыхтели в пробке автомобили. Не в силах разбираться с направлениями, он свернул направо, зная по опыту, что куда бы ты ни шел, через несколько минут наткнешься на станцию метрополитена. Лычкин шел очень быстро, стараясь подавить единственное желание: набрать телефон Карины и умолять о встрече. Ему нужна ее жалость, ее любовь. Он был неединственным лузером, кто попался. В городе орудовала целая банда, которая обманывала людей, продавая им будущее. Завтра, послезавтра, через неделю или две он соберется с силами и придумает, как их наказать. Ну а сейчас ему хотелось женской жалости и нежного податливого тела.

Мобильный телефон зазвонил, когда он переходил дорогу к метро "Пушкинская". Впереди манили вывески кафе и кинотеатров. Карина! Кариночка! Разрывалось напрасно глупое сердце, несмотря на то, что определитель показывал совершенно незнакомый номер.

– Евгений Владимирович? – мужской голос звучал властно и уверенно.

– Да, это я.

– Меня зовут Владимир Куркин. Я представляю секретную службу организации «Дотянись до успеха». Вы нарушили условия договора.

– Да будет вам известно, – разозлился Лычкин, что виннерский клуб представляют жулики, которые, воспользовавшись людскими слабостями, обманными путями завладевают их квартирами, превращая их близких в бомжей.

– Вы нарушили ваши обязательства, и я должен вас предупредить, – Куркин не обратил никакого внимания на выпад Евгения, – что против вас будут приняты крайние меры.

– Вы мне угрожаете?

– Мы отвечаем за наших клиентов, и если кто-то из них выходит из-под контроля, то ради его же безопасности...

– Да бросьте вы! Ваши люди продали мою квартиру...

– Вы должны действовать в рамках подписанного вами договора. После того, как вы пройдете соответствующие программы...

– Вы имеете в виду, когда меня окончательно сотрут? – саркастически поинтересовался Евгений, чувствуя, что этот так называемый секретный агент позвонил ему как нельзя вовремя.

– Предупреждаю вас, если вы не явитесь сегодня в офис, против вас и членов вашей семьи будут приняты экстренные меры.

При упоминании о семье, нервы у Евгения сдали.

– Может уже хватит?! Я собираюсь подать в суд.

– Вам лучше добровольно вернуться для продолжения программы...

– Да пошли вы...

Евгений нажал кнопку отбоя. Стоит только послушаться и все добытые с таким трудом сведения будут стерты, а он превращен в послушное, считающее себя успешным, животное. Евгений запаниковал, даже начал оглядываться по сторонам. Потом успокоился. Никто не знает, где он находится. Внезапно вспомнил, что Карина рассказывала, как муж ее подруги, воспользовавшись услугой, вычислил по мобильному, куда ходила его жена. Лычкин выключил телефон, вынул сим-карту и зарядное устройство. Сел в подошедший троллейбус. Почувствовал панику. Если им удастся схватить его, ему никогда больше не увидеть Карину. Вышел у метро «Пушкинская» и поспешно сел в поезд, следующий в сторону Кузьминок. Только сейчас понял, что должен действовать как можно быстрее. Все его опасения, что подумают соседи, исчезли. Пусть считают его полным лохом, но помогут найти дочь. Теперь,

когда его будут искать – а в этом Евгений не сомневался – времени оставалось мало.

В метро Евгений забился вглубь переполненного вагона и терпеливо висел на поручне до нужной остановки. В Кузьминках – вот ведь центр вселенной! – все люди из вагона вышли вместе с ним и, разделившись на два рукава, побрели к левому и правому выходу. Уже знакомой дорогой Лычкин добрался до своей бывшей пятиэтажки. Поднялся на пятый этаж и надавил на кнопку звонка квартиры под номером восемнадцать. Дверь распахнулась, на пороге возник симпатичный парень двадцати лет. Темные волосы с челкой, зачесанной на лоб. Среднего роста, среднего телосложения. В глубине квартиры слышалось бормотание телевизора.

– Вам кого? – на лице парнишки появилось удивление, видимо, он ждал гостей, вот и открыл так быстро.

– Я ищу Асю Лычкину. Не знаете, где она сейчас?

– Асю? Она жила здесь раньше.

– Где она сейчас?

– Вы ... её отец? – спросил он неуверенно.

– Да. Можно войти? Неудобно на лестнице разговаривать.

– Проходите, – парень отодвинулся, продолжая его рассматривать. Этого мужчину даже неловко было назвать, так как он привык называть, дядей Женей. А отчества он, конечно, не помнил. А, может, и не знал. – Говорили, что вы пропали.

Парень прислонился к стене, продолжая разглядывать соседа. Жаль матери с отцом нет, вот бы удивились.

– Со мной приключилась одна история, в результате которой я потерял память. Пока я, так сказать, находился в изоляции, мою семью куда-то выселили, а квартиру продали. Ты знаешь что-нибудь об этом?

– Только то, что мать рассказывала. Однажды тетя Майя пришла к ней и пожаловалась что вы... – парень замялся.

– Продолжай.

– Продали их вместе с квартирой, а им некуда идти.

– Ася не говорила с тобой?

– Однажды я поднимался пешком и увидел, что она сидит на лестнице и плачет. В руке мобильный. Я сел рядом и спросил в чем дело. Сначала она молчала, а потом сказала, что произошла ошибка: их выселяют из квартиры. Мне несколько раз хотелось зайти к ней, но я не решился, а потом увидел новых жильцов. Стал мать расспрашивать, она сказала, чтобы я занимался своими делами и не лез в это дело.

Лычкин почувствовал, как сдавило горло. Какой же он идиот! Ничего, он отомстит! Только бы найти Асю.

– И ты больше ничего не знаешь?

– Нет. Может, мать что-нибудь знает, но она сейчас в деревне. Уехала на все лето. Я тут за хозяина, – сказал мальчишка с гордостью и тут же спохватился. – Чаю хотите?

– Спасибо, нет времени. Ты можешь матери позвонить в деревню?

– Могу, конечно.

Парень достал новенький Самсунг и быстро набрал номер.

– Мам, привет! Тут наш сосед объявился. Да, из двадцатой квартиры. Отец Аси. Что? Ну почему? С ним несчастье случилось. Ладно-ладно, перезвоню.

Паренек выглядел расстроенным, некоторое время смотрел в пол, словно обдумывая что-то, потом поднял взгляд на Лычкина.

– Не знаю, что с ней. Не хочет сейчас говорить, но я поеду туда в выходные и постараюсь все выяснить. Ума не приложу, почему она так напугана. Мне судьба Аси небезразлична, я всегда хотел, чтобы мы – парень смутился. – Ну, дружили что ли. Она мне нравилась, да только как-то не складывалось. Ну, вы понимаете, как бывает.

– Понимаю, – сказал Лычкин, думая о том, что даже не знает, красивая ли у него дочь. Судя по этому пареньку, наверно. Уж, извини, забыл имя твое, – Евгений внимательно взглянул на и заметил, что глаза у него серые с темными длинными ресницами. Добрые глаза.

– Макс. Вы мне номерок скиньте, я перезвоню.

– Сейчас, – Евгений по привычке вытащил мобильный, потом нахмурился. – Вот, черт. Я ведь симку старую выкинул, а новой не купил.

– Тогда мой запишите, – с готовностью предложил Макс. – Звоните на следующей неделе.

– Хорошо, – Лычкин записал телефон на листке бумаги и вдруг, повинуясь какому-то необъяснимому желанию, криво оторвав половину бумажки, быстро записал знакомый номер Карины. – На всякий случай, вдруг со мной что-нибудь случится.

– Лады! – парень спрятал листок в карман.

– Как думаешь, соседи могут что-нибудь знать об Асе?

– За стенкой тетя Дуся живет, она уже старенькая, к ней бесполезно идти. А там, жильцы сменились, ремонт делают. На третьем этаже знаю только тех, кто под нами, но они вряд ли вам помогут.

– Понятно, – кивнул Лычкин. – А в какой школе Ася училась?

– Не знаю, – пожал плечами Макс. – Я же старше ее на четыре года.

– Ладно, спасибо. Перезвоню. – Евгений протянул руку. Максим крепко сжал ее.

– Скажите, а как ваше отчество? – смущенно спросил молодой человек.

– У тебя тоже амнезия?

– Да нет. Просто как-то неудобно ... как раньше...

– А как раньше-то звал?

– Дядя Женя.

– Вот так и зови. Мне будет приятно.

Евгений спустился на пролет вниз и остановился поразмышлять. В конце концов, решив не упускать случая, позвонил во все квартиры на четвертом и пятом этажах. Ничего нового не узнал. Тетя Дуся оказалась глухой, а другие то ли не хотели говорить, то ли ничего не знали о том, куда переехали Лычкины. В общем, соседи были заняты только собой: захлопнув после тяжелого рабочего дня свои крохотные квартиры, растворялись в мире сериалов, шоу-программ и реклам.

Евгений вышел из подъезда и побрел к метро. На улице стемнело. В окнах домов приветливо загорался свет. Навалилось одиночество. Захотелось поговорить с Кариной. Вытащил из кармана телефон и вспомнил, что выкинул симку. В салоне «Связной» купил новую карту и послал смску. На экране дружелюбно появились сомкнутые руки – фрагмент вечной картины вечного художника, используемого сотовой компанией. Телефон молчал. Любимых рук, протянутых к нему, не наблюдалось. Вошел в метро, сел в полупустой вагон и поехал в Измайлово, подводя итоги. Прошел еще один день, а он все топчется на месте. На Макса надежды мало. Придется завтра идти по школам.

Карина позвонила утром, когда Лычкин сидел, пытаясь разобраться с бумагами.

– Ну как ты?

– Нормально, весь в работе, – бодро отозвался Евгений. Вчерашняя грусть прошла, и он с удовольствием окунулся в дела.

– Я не во время? – нерешительно спросила Карина.

– Ты всегда вовремя. Мы сегодня встретимся?

Пауза. Карина молчала так долго, что он подумал, что их разъединили.

– Ты здесь?

– Прости, сегодня не выйдет. – Сердце у Евгения упало: день, начинавшийся так хорошо, снова предстояло провести без нее. Он с трудом заставил себя слушать. – Я позвонила сказать, что кое-что узнала. Мой знакомый навел справки. У тебя есть чем записать? Твоя дочь училась в 328 школе в десятом «А».

Он сглотнул.

– Почему ты говоришь в прошедшем времени?

– Нет, успокойся, это не то, что ты подумал. Просто она не вернулась в школу после зимних каникул. И не была больше зарегистрирована ни в одной московской школе.

Дыхание перехватило. В голову закралась черная мыслишка: а жива ли его дочь?

– Женя, ты не переживай, – пыталась утешить Карина. – Возможно, они переехали. Вдруг у твоей жены были родственники в другом городе?

– Да, – тихо согласился Лычкин. Можно строить предположения, если знать, как в той или иной ситуации повели бы себя его жена и дочь. Но у него

вместо представления о живых людях, с которыми он прожил долгие годы, есть только буквы их имен и пустота.

Карину отвлекли, и она сказала, что перезвонит позже.

Лычкин положил телефон на стол. Усилием воли заставил себя заняться работой. Эвелина называла это: «Я подумаю об этом завтра». Интересно, откуда она взяла эти умные вечные фразы, работающие во всех случаях жизни?

Лычкин выглянул в зал. Ресторан медленно заполнялся. Появлялись красивые и не очень, но роскошно одетые женщины с мужчинами и без них. Шумная компания развлекалась в правом уголке зала. Оттуда доносились взрывы смеха и возбужденные голоса. Евгений прошелся по ресторану, чтобы оценить работу официантов. Придаться было не к чему: заказы быстро выполнялись, неубранной посуды и грязных пепельниц не наблюдалось.

На балконе прибывшие недавно музыканты настроили свои инструменты. Ресторан наполнили первые звуки модной в этом сезоне песни Стаса Михайлова «Ты моя, королева вдохновения». Мужчины зашевелились, приглашая своих женщин на медленный танец. Евгений остановился, наблюдая за танцующими. Как он хотел бы кружить Карину по залу. Закрыв глаза. «Золотой павлин» исчез. Во всем зале только они вдвоем, эта прекрасная песня и их любовь. И нет никакого прошлого и обязательств. Кто-то, проходя мимо, задел его, возвращая в реальность. Ты здесь, а твоя любимая в своем доме готовит ужин для мужа и сына. В том ее мире нет места для него. Последние звуки композиции замерли, короли усаживали своих королей на место. Евгений заставил себя встряхнуться и пошел к себе в кабинет. Горы документов отвлекут его от сердечной боли. Он вдруг осознал, что ему больно. Больно, что его любимая принадлежит другому и больно, что внутри него живет мужчина, который обладал ею в прошлом. Евгений заставил размышлять хладнокровно: ревнует ли он Карину к ее бывшему партнеру, воспоминания которого теперь принадлежат ему? Наверно, ревность неправильно подобранное слово. Как можно ревновать к части себя? А, как это ни грустно осознавать, но Павел стал его неотъемлемой частью. И даже должность директора этого ресторана он получил благодаря его убеждениям.

Лычкин все еще сидел за бумагами, когда увидел на определителе номер Карины.

– У меня есть минутка, скажи, что ты меня любишь.

– Люблю. Очень. Когда мы встретимся?

– Ты, правда, этого хочешь?

– Я умираю без тебя. Медленно, но каждый день.

– Ты сказал именно то, что я чувствую. Я пыталась бороться с собой, но...

Мне так стыдно...

– Не обвиняй себя, милая.

– Я гадкая, грешная. Мне стыдно за себя, но я так хочу снова в «Уютное гнездышко».

Евгений почувствовал, как замерло сердце. Нахлынули воспоминания. Ее руки, губы... Карина не играла с ним, подобно другим женщинам, она раскрывалась ему навстречу, щедро отдавая себя.

– Я встречу тебя завтра после работы, – его голос звучал глухо. – Люблю тебя.

– Мне надо идти, – в ее голосе появились тревожные нотки.

– До завтра. – Евгений слышал, как рядом с Кариной прозвучал мужской голос. Радость сменилась болью. Ложь Карины стала его ложью, а ревность претерпела изменения: ее муж был конкретным человеком, который разделит с ней постель уже этим вечером, в то время как он ляжет в одиночестве, предаваясь воспоминаниям об их близости и терзаясь мыслями, не потребовав ли супруг своего права обладания. Лычкин отодвинул бумаги в сторону и, посмотрев на часы, решил, что можно возвращаться домой. Домой? Одернул себя. Дома у него нет и в ближайшее время не предвидится. Для того чтобы купить квартиру, придется хорошенько поработать. Поймал себя на мысли, что это не пугает его. Переполюющая уверенность в своих силах не давала падать духом, несмотря на угнетающие белые пятна воспоминаний. Прежде чем поехать в комнату, временно ставшую домом, побродил по опустевшим переулкам в центре, думая о том, что произойдет в его жизни, если Майя и Ася найдутся. Представить рядом другую женщину казалось кошмарным. Значит, возвращение не возможно. Но он хочет и должен общаться с дочерью.

Глава 10

Караев кричал так, что его лицо покрылось красными пятнами, над верхней губой выступили капельники пота, а голос сорвался на фальцет.

– Как ты мог такое допустить?

От уверенности Щербакова не осталось и следа. Кокетливая челочка обвисла, лицо вытянулось, левый глаз задергался.

– Я не знаю, Константин Борисович. – Он прижал указательным пальцем уголок глаза. – Каким-то образом произошла утечка информации о продаже квартиры Лычкина.

– Да как такое могло произойти? – Директор виннерского клуба стукнул по столу кулаком. – Теперь необходимо найти этого лузера.

Щербаков выпрямился. После бессонной ночи созрело решение отказаться от вербовки новых виннеров. Можно попытаться выкрутиться. Занять денег у знакомых для погашения кредита. Устроится на другую работу, вернет. Галинку, правда, в Париж не свозит. Так у них вся жизнь впереди. Еще хуже люди попадали.

– Извините, но я решил больше не работать в вашей компании.

– Что ты сказал? Повтори!

– Я увольняюсь, – сказал Щербаков тихим голосом.

– А как ты собираешься кредиты возвращать? Кто, мать твою, тебе будет такую зарплату платить?

– Я решу свои проблемы.

– Нет, сначала ты решишь проблемы, которые здесь наворотил, а потом можешь убираться ко всем чертям собачьим. Никто держать не будет. Ты, – Караев показал на Щербакова пальцем с квадратным аккуратно постриженным ногтем, – сначала найдешь Лычкина и приведешь сюда. А уж тут мы устроим сольное выступление. Превращение человеческого недоноска в растение. Но до этого, имей в виду, даже не рыпайся. Иначе – как там твою жену зовут? – адресок у меня имеется.

– Она здесь ни при чем.

– Жена – хороший рычаг для воздействия, – Караев сощурил серые глаза, и они впились в Щербакова, как два остро заточенных карандаша. – Ты знаешь, как можно поэкспериментировать в нашей лаборатории? Забудет за кого замуж вышла. Ха-ха-ха. – Смех шефа прозвучал зловеще.

Щербаков вспотел от страха. Караев словно подслушал его мысли. Только вчера думал об этом, глядя, как жена спала, подложив маленькую ладошку под щеку. Милое доверчивое лицо. Он не простит себе, если что-нибудь случится с Галинкой.

– Но ... – голос Щербакова звучал глухо, он даже удивился его странному звучанию. – Я не представляю, где можно найти Лычкина.

Караев улыбнулся.

– Видно крепко ты жинку любишь, если спорить не стал. Другой разговор. Покопайся в его деле, найдешь зацепку. Придется тебе в следователя превратиться, если не хочешь, чтобы Галя стала растением. Я вот тут даже песенку вспомнил: «Уж если ты залез в чертополох, ты просто лох, братан, ты просто лох». Когда вычислишь его местонахождение, я дам тебе ребят в помощь. А теперь иди к себе и думай.

Андрей, еле передвигая ноги от навалившейся тяжести, вышел от босса, прикрыв дверь. Впервые показалось, что прихватило сердце. Боли не ощущал, только острую нехватку кислорода и жуткую слабость. Если бы мог, опустился бы на четвереньки и уполз в нору, словно раненый зверь. Какой же он был идиот, если надеялся, что ему удастся выпутаться из этой истории. Выхода не было, завяз слишком глубоко.

Щербаков добрал до своего кабинета и, ссутулившись в кресле, взял папку Лычкина. Кроме подробной записи процессинга, к делу прилагалась запись разговора на диктофон. После тщательного изучения бумаг и прослушивания записи никаких идей не возникло. Андрей чувствовал, что его мозг буквально взрывался от вопроса: как такое могло произойти? Молодой человек уронил голову на руки и предался воспоминаниям, пытаясь свести воедино всю

информацию о Лычкине, но тут же отвлекся. Вообще, если брать просто эксперимент, Щербакову нравилось наблюдать, как в результате процессинга лузеры начинали источать уверенность в себе. Менялось буквально все: взгляд, речь, посадка головы. Их виннерский клуб перечеркивал поговорку о том, что старую собаку не научишь новым трюкам. Другое дело было в том, что эксперимент не был до конца честным: у собаки менялся мозг, то есть это была уже некая совокупность двух собак. Устав от духоты кабинета, Щербаков решил походить по коридору. Не пройдя и двух шагов, наткнулся на спешившую куда-то Эвелину. Решение созрело мгновенно.

– Эвелина, как хорошо, что вы оказались здесь. Мне нужно с вами поговорить.

Девушка пожала плечами и молча проследовала за ним в кабинет.

– Почему вы расстались с Лычкиным? – спросил Андрей без всяких предисловий.

– Мне кажется это не ваше дело, – Эвелина вздернула точеный носик и закинула ногу на ногу. Мысль о том, что ее бросили, до сих пор причиняла боль.

– Пожалуйста, простите, – смутился Щербаков. На его птичьим лице появилось чувство вины. – Я все объясню, но сначала ответьте на вопрос: нравится ли вам, какой вы стали после прохождения программы?

– Допустим, что да. Но к чему эти вопросы?

– Вы хотели бы, чтобы другие люди испытали подобные ощущения?

Девушка задумалась. Внедренный в мозг образчик победы раздражал и мешал. Зажав волю в кулак, она наматывала бесконечные круги по стадиону, тренируясь к соревнованиям. Промокшая от пота футболка и приятная тяжесть медали на пьедестале. Ощущение, что ты лучше всех. Все это в разные моменты времени появлялось у нее в голове и заставляло действовать из последних сил.

– Пожалуй, да.

И тут Щербаков подумал, что, скорее всего, виннерский сожитель предлагал ей бороться вместе, и если она осталась, то должна быть на их стороне. Немного подумав, решил идти напролом.

– Буду откровенен. Своим уходом из команды Евгений поставил существование виннерского клуба под угрозу. – Тонкие брови Эвелины поползли вверх от удивления. Щербаков быстро затараторил: – Видите ли, Евгений грозился подать в суд за то, что не помнит некоторые факты – заметим: не самые полезные для выживания – из своего прошлого. Если наш центр будет закрыт, многие люди так и останутся лузерами, в то время как наша цель... – Лычкин слегка наклонился к девушке и понизил голос: – Если бы вы знали, какие огромные планы у нашего руководителя. – Андрей сделал театральную паузу, убедившись, что в глазах молодой женщины вспыхнул огонек интереса. – Константин Борисович хотел избавить сначала наш город, а потом и всю страну от лузеров. Если бы это удалось, сильные и способные вновь превратили бы Россию в могучую державу. Ведь это очень обидно, что

наши огромные территории используются как сырьевой придаток, а россияне считают глупыми и невежественными. Новые люди, так сказать, созданные в нашем центре, изменят мир к лучшему. И вы, прошедшая этот путь в первых рядах, со временем займете руководящую позицию и поведете за собой других.

Эвелина никогда не рассматривала виннерский клуб в подобном ракурсе, и слова Андрея заинтриговали. Встать во главе нового центра, принять участие в избавлении страны от лузеров. Наверно, это более интересно, чем изыскивать новые дизайнерские решения для интерьера. После предательства Евгения молодая женщина грезилась о переменах.

– Что вы хотите от меня? – спросила она прямо.

– Нужна ваша помощь, чтобы как можно скорее найти Лычкина, пока он не наделал глупостей.

Девушка закусил губу, напряженно глядя перед собой.

– Мне бы не хотелось снова встречаться с ним.

– Я понимаю ваши чувства. Если пожелаете, мы организуем бесплатный процессинг по удалению воспоминаний.

Эвелина согласно кивнула: такое решение устраивало.

– Значит, решено. А сейчас если не возражаете, я задам вам необходимые вопросы.

Не желая ничего упустить, Щербаков незаметно включил диктофон. Поскольку Евгений был единственным клиентом, с которым произошел сбой, хотелось выяснить, где это произошло. Ожидания не обманули, когда бывшая сожительница упомянула о Карине. Надо же было случиться, что виннер, чьи воспоминания переключались в голову лузера, были знакомы с одной и той же женщиной.

Андрей отпустил девушку и принялся расхаживать по кабинету. Найти известную в прошлом фигуристку и выяснить информацию о ней заняло пару часов. После просмотра фотографий и записи выступлений Щербаков задумался, сравнивая двух женщин, чтобы лучше разобраться в мотивациях Лычкина. Темненькая маленькая, невероятно живая Карина казалась полной противоположностью виннерской партнерши. Страсть и энергия наполняли каждое движение фигуристки, заставляя взрываться от восторга зрителей. По сравнению с ней Эвелина казалась холодной и отстраненной.

Дело оказалось запутаннее и интереснее, чем Щербаков мог ожидать. Он был просто уверен, что Лычкин влюбился в Карину. А это означало, что его можно найти через нее.

Щербаков потянулся и встал из-за стола. Время приближалось к десяти вечера. Мобильный пропел знакомую мелодию, и на экране появилось личико Галинки.

– Ты домой собираешься? Ужин давно остыл, – в ее голосе слышались нотки обиды. В их семье было заведено, что он приходит домой ровно в семь. Они садятся за стол, пьют по бокалу вина для аппетита, а потом не спеша смакуют ужин, делясь новостями.

– Милая, не сердись, я уже выхожу из офиса.

– Я приготовила мясо по-сицилийски, но оно уже похоже на подошву.

– Я поеду быстро-быстро.

– Поезжай аккуратно.

Щербаков навел порядок на столе и спустился во двор. Что ни говори, а пока на свете есть Галинка, жизнь остается прекрасной, и он никому не позволит разрушить их счастье. По дороге домой думал о Лычкине и жалел, что придется применить стирание. Но с другой стороны, тешил он себя оправданием, это убережет семью Карины от развода. Караев не успокоится, пока мозг новоиспеченного виннера не превратится в чистый лист бумаги. Щербаков почувствовал, как сжалось сердце. Не повезло Лычкину. Хотел бы помочь, но придется думать о Галинке и о себе. Он попробовал сегодня поиграть в благородство: ничего не вышло. Придется до поры до времени затаиться.

Карине заснуть не удавалось. Отодвинувшись на краешек кровати подальше от супружеского тела, Карина вдруг осознала, что время обмана самой себя безвозвратно прошло. Ночью, когда Дмитрий оказался на ее половине, сердце зашлось от страха.

– Ну что, пошалим немножко? – рука мужа скользнула под рубашку и сжала грудь. Карина еле сдерживалась, чтобы не закричать и не оттолкнуть прильнувшее горячее тело. Дмитрий принадлежал к тому типу мужчин, который, быстро сделав свое дело, засыпал крепким сном. Потерпев неудачу в попытках привнести в их сексуальную жизнь какое-нибудь разнообразие, она научилась относиться к этому спокойно. Но в этот раз сношение причиняло боль. Когда Дмитрий удовлетворенно обмяк, Карина приняла решение не отказываться от любви и не чувствовать себя виноватой. Позволить вихрю чувств и эмоций закружить себя и быть счастливой, пока есть возможность.

Весь день Карина посматривала на часы. Звездочкам-спортсменам, как она их называла, в этот раз не удавалось завладеть вниманием влюбленной женщины, мысленно пребывавшей в объятиях Евгения.

В семь вечера, прихорашиваясь перед зеркалом, увидела свои сияющие глаза. Быстро подправила макияж, посмеявшись над собой. Зачем она это делает? Его горячие губы все равно сотрут косметику. Ах, как же приятно

снова чувствовать себя желанной. Встречи с Женей возвращали молодость. «Будь, что будет», – прошептала она.

– Ну, здравствуй!

– Привет!

Они стояли, лаская глазами друг друга, не решаясь ни взяться за руки, ни поцеловаться. Желание завладело телами, окружающий мир превратился в лишённую красок застывшую декорацию. Никто из них не обратил внимания на мужчину в темных очках и низко надвинутой бейсболке.

Узнать, где работала Карина, не составило особого труда. Представившись отцом, желавшим определить свою дочь в школу фигурного катания, Щербаков выяснил, когда можно застать бывшую чемпионку на месте. Повесив трубку, представил, что он на самом деле хочет устроить их с Галинкой дочь в школу фигурного катания. Андрей вздохнул, в который раз пожалев, что у них нет детей. Врачи уверяли, что оба здоровы, но никто этому не верил. Щербаков заставил себя думать о Лычкине. Никаких особых планов, когда он подъезжал к катку «Метеор», не было. Собирался понаблюдать за Кариной, а, если выпадет удобный момент, то и поговорить.

Заметив топтавшегося у входа на стадион Лычкина, Щербаков изменил план. Надвинув кепку на лоб и нацепив солнцезащитные очки, спрятался за кустами сирени. Карина была одета в легкое серое платье с соблазнительным вырезом и широкой юбкой чуть ниже колена, позволяющей видеть сильные ноги. Пока влюбленные созерцали друг друга, Щербаков решил, что пойдет за ними, держась на расстоянии. Увидев, что парочка вошла в подъезд, Андрей осторожно приблизился к штендеру. «Уютное гнездышко. Гостиница на час». Вот это да! Значит, известная чемпионка занимается любовью недалеко от места работы. Ай-ай-ай. Видно, любовь совсем голову закружила. Щербаков вернулся за машиной и, удачно припарковавшись у входа, приготовился ждать. Жалел, что растерялся и не сфотографировал их входящими в «Уютное гнездышко». Вздохнул и начал думать, как использовать новую информацию. Собрать на гуляющую жену досье и, пригрозив рассказать мужу, потребовать выдать местонахождение Лычкина? Вдруг, когда ее любовник исчезнет в недрах виннерского клуба, Карина Рахматова обратится в суд? Насколько для бывшей чемпионки важно сохранить семью? Андрей вышел на яркое солнце. Он дошел до киоска, купил бутылочку ледяной воды и встал в тень. Времени еще было достаточно, чтобы принять решение. С тех пор, как парочка скрылась в «гнездышке», прошло всего тридцать пять минут. А, судя по их откровенным взглядам, они вряд ли окажутся рекордсменами в занятии сексом. Скорее всего, будут делать это медленно, получая удовольствие от каждого прикосновения. Хотя, Щербаков поправил себя: откуда ему знать, как занимаются сексом в их возрасте. Между ними была огромная разница в тринадцать лет. Вот если бы ему удалось сделать снимок в комнате. Это могло бы произвести большое впечатление на Карину. Впрочем, может, будет

достаточно и совместной фотографии. Щербаков достал профессиональный фотоаппарат и выбрал удачный ракурс.

Второй раз их близости показался обоим еще более восхитительным. Стеснение прошло, а ласки за неделю разлуки стали более откровенными. Когда сильнейший оргазм всколыхнул тело Карины, Евгений перестал сдерживаться. В этот раз даже не закрывал глаза. А потом, уткнувшись в его шею, Карина заплакала, и это было так сладко плакать в его руках и жалеть себя. Прекрасно понимая, что они никогда не будут вместе, здесь, в этой широкой кровати с простым бельем в розовый и голубой цветочек, хотелось верить, что все будет хорошо. И еще хотелось забыть, что еще сегодня ночью Карина позволила мужу исполнить свой долг. Пусть она была не с ним, пусть думала о Жене, но это все равно было предательством. Евгений, словно прочитав ее мысли, приподнялся на локте:

– Скажи, твой муж настаивает на...

Он не закончил вопрос, увидев, как чувство вины искривило любимое лицо.

– Ты занималась с ним сексом после того, как стала моей?

Женщина с трудом кивнула.

– Как ты могла?

– Дмитрий – мой муж, – тихо сказала Карина. Конечно, можно признаться, что не испытывает оргазма с мужем и во время исполнения супружеского долга думает только о том, как бы все скорее закончилось, но оправдываться казалось лишним. Ревность и боль захватили Евгения настолько, что захотелось ударить ее по лицу. Она предала его. Их! Нужно было найти причину, чтобы уклониться от этой близости. Если бы она возражала, но ее молчание погасило все чувства, кроме боли, и Лычкин вдруг увидел ее безжизненной и бледной под другим мужчиной, использующим ее тело для своего удовлетворения. Евгений взял ее руку и медленно начал целовать пальцы. Карина тихо спросила:

– Ты презираешь меня?

– Я жалею тебя.

Из «Гнездышка» влюбленные вышли понурыми. Последний разговор горчил во рту, и эта горечь отравляла счастье. Сощурившись от солнца, Карина остановилась на верхней ступеньке, разыскивая очки в сумочке, и, предоставив вспотевшему от неожиданной удачи соглядатаю, возможность несколько раз их сфотографировать на фоне вывески «Уютное гнездышко. Почасовая оплата».

Расплатившись, Щербаков вышел из фотоателье и остановился, чтобы рассмотреть фотографии. Действительность превзошла ожидания. Лица Карины и Евгения были видны даже более отчетливо, чем можно было рассчитывать. Бережно убрал фото в конверт и позвонил Галинке.

– Милая, собирайся. На улице слишком хорошая погода, чтобы сидеть дома.

Глава 11

Заметив Карину издалека, Андрей Щербаков залюбовался ее легкой походкой. Она шла в туфлях без каблука, быстро, размахивая левой рукой, придерживая правой сумочку на плече. Он без колебаний шагнул ей навстречу.

– Здравствуйте, Карина Рафаэлевна.

Женщина остановилась и сняла продолговатые солнцезащитные очки. Щербаков впервые видел чемпионку так близко. Очень живое лицо, маленький нос с веснушками. Она почти не пользовалась косметикой и не выглядела на свой возраст. Встретив ее на улице, дал бы ей меньше тридцати. А еще она выглядела счастливой.

– Здравствуйте! – Карина смотрела прямо ему в глаза, в которых не мелькнуло ни тени удивления. «Наверно, решила, что я пришел устраивать свое чадо в школу фигурного катания», – смекнул Андрей.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – вкрадчиво спросил он.

– Вы, наверно, на счет Ванечки?

– Нет, я по другому вопросу. – Только сейчас на ее лице появилось недоверие. Она взглянула на часы. – У меня через пятнадцать минут начинаются занятия.

Андрей протянул конверт с фотографиями.

Карина пересмотрела все пять снимков. Подняла на него глаза.

– Кто вас нанял? Почему вы шпионите за мной?

– Вы хотите обсудить это прямо здесь или присядем куда-нибудь? Может, вы отмените свой урок?

Карина посмотрела на часы.

– Ничего я отменять не буду. Если вам что-то нужно от меня, вы подождете до вечера.

– А если ваш муж...

– Тогда вы бы караулили его у офиса, а не меня, не так ли?

Щербаков отдал должное ее самообладанию. Настоящий виннер, черт возьми. Хороший материал для какой-нибудь потерявшейся бабы, которая польстилась бы на листовку «Дотянись до успеха». Только вот вряд ли Карина Рахматова из тех, кто даст записать свои воспоминания.

Щербаков решил сбавить обороты. Выпускать ее было никак нельзя.

– Это займет всего несколько минут. Моя машина вон там. Может быть, присядем?

Карина заколебалась, нерешительно поглядывая по сторонам. Будет не очень удобно, если кто-нибудь из знакомых увидит ее с этим типом.

– Хорошо, – наконец, согласилась она.

Андрей галантно распахнул дверку Лексуса с затемненными стеклами. Здесь, в этой дорогой, пахнущей кожей, машине, Карине стало не по себе. Она резко повернулась к забравшемуся на сидение Андрею.

– Кто вас нанял? Мой муж?

Щербаков усмехнулся.

– Уверяю вас, что не имею никакого отношения к вашему мужу. Надеюсь, он все еще пребывает в неведении относительно ваших походов.

Карина покраснела.

– Вы не имеете никакого права так со мной разговаривать! – выпалила она, испытывая некоторое облегчение от того, что Дмитрий оказался ни при чем.

– Да бросьте вы! Если уж начинаете гулять от мужа, готовьтесь к тому, что вещи будут называть своими именами.

– Вы решили прочитать мне лекцию о порядочности?

– Вовсе нет, – усмехнулся Андрей. – Вы мне, вообще, не очень нужны. Если пообещаете вести себя тихо, ваше маленькое приключение останется в тайне.

– Тогда какого черта?

– Не нужно так нервничать, Карина Рафаэлевна! – Щербаков почувствовал удовлетворение, что ему удалось вывести фигуристку из себя. Когда люди теряют самообладание, то обычно совершают ошибки. Даже виннеры. Он снова сделал паузу и забарабанил пальцами по рулю.

– Выкладывайте что вам нужно. Я спешу!

– Мне нужно встретиться с господином Лычкиным. Я пытался ему позвонить, но он сменил номер телефона. Уверен: вы в курсе, как его найти. Если вы будете так любезны, помочь мне и пообещаете держать нашу встречу в тайне, можете вернуться к своим подопечным.

– Так вы из той фирмы, которая стирает прошлое?

– Совершенно верно. Господин Лычкин нарушил условия контракта и должен вернуться в центр.

Сердце Карины замерло. Если Женя вернется, эти подонки сотрут все, что произошло с ними, и он даже не вспомнит её имени. Эта мысль показалась ей самой обидной. Значит, этот «хохол», как она назвала про себя парня с торчащей челочкой, предлагает сделку. Она выдает им клиента и ни во что не вмешивается. В противном случае их фотографии увидит Дмитрий. Карина почувствовала западню. Что не грозило бы ей в будущем, она не выдаст Женю этой ужасной организации.

Щербаков достал телефон.

– Итак, Карина Рафаэлевна, вы уже поняли: у вас нет другого выхода, как продиктовать его номер.

– Оставьте Женю в покое!

– Это невозможно. Он нарушил условия...

– Вы обманули его! – закричала Карина. – Его и многих других! Это не сойдет вам с рук. Вы наживаетесь на людских слабостях. Еще неизвестно, как это скажется на их здоровье.

Щербаков почувствовал уважение. Карина не испугалась и не сдала своего любовника в обмен на молчание. Она боролась. Пожалуй, просто так с ней не справишься. «Неужели действительно любит?» – удивился Щербаков, глядя на возмущенное раскрасневшееся лицо Карины.

– Вы забываете о фотографиях! Не думаю, что ваш муж будет в восторге.

– Прекратите меня запугивать! – возмутилась Карина, лихорадочно соображая, как выпутаться из ситуации. Телефон она им, конечно, не даст, но если Дмитрий увидит фотографии... Ну что ж, значит, так тому и быть. Все тайное становится явным.

И вдруг Щербакову в голову пришла спасительная мысль. Он соврет, конечно, но...

– Скажу вам по секрету, что вы зря делаете ставку на любовника. На вашем месте, я бы подумал о семье. У вас же сын, не так ли? У меня тоже семья, и мне было бы больно оказаться в положении обманутого мужа. К тому же, программа, которую прошел господин Лычкин, определенным образом сказалась на его здоровье.

– Что?! – на лице Карины впервые отразился страх, что не укрылось от внимательного взгляда Щербакова. Но это был страх не за себя, а за другого человека. – Что с его здоровьем?

– Ну вы же знаете: ничего не бывает просто так. Скажу по опыту наших пациентов, вскоре после прохождения программы, наблюдается снижение гормона тестостерона, что ведет к уменьшению интереса к женщинам и к быстрому угасанию половой функции. А зачем вам любовник, с которым вы не сможете пойти в «Уютное гнездышко»?

– Негодяи! – закричала Карина. – Вы ничего не получите от меня. Можете делать, что хотите! – она рванула ручку двери, чтобы выйти из Лексуса, но дверь не поддавалась. Предусмотрительный Щербаков закрыл центральный замок после того, как они сели в машину.

– Выпустите меня сейчас же! – голос Карины дрожал, когда она повернулась к нему.

– Вы сами сделали свой выбор, – Щербаков взял электрошокер и потянулся к Карине. Она отпрянула, а он быстро ткнул в руку чуть выше локтя. Раздался треск, тело обмякло. Некоторое время Щербаков ничего не предпринимал, глядя на жертву. У него даже появилась шальная мысль увезти ее в виннерский клуб. Но, порывшись в ее сумке, он обнаружил мобильник, где в контактах был записан новый номер Евгения. Щербаков осторожно опустил стекло и огляделся по сторонам. Метрах в пяти от них возле подъезда скамейка. Он выскочил из машины и, убедившись в отсутствии прохожих, оттащил туда Карину. Рядом оставил сумку. Андрей с некоторым беспокойством взглянул на покрасневшую, словно от ожога, кожу чемпионки, и заставил себя сесть в

автомобиль, утешая себя мыслью, что кто-нибудь обязательно ей поможет. Действие электрошокера не должно быть длительным.

– Карина Рафаэлевна, Карина Рафаэлевна! – настойчивый голос прорывался сквозь пелену бессознательности. – Да что же это такое?! Товарищи! Помогите! Надо вызвать скорую.

Услышав про скорую, Карина приоткрыла глаза. Знакомое лицо маячило перед глазами, но она никак не могла вспомнить его обладателя. Ноги были ватными, а правое плечо нестерпимо болело. Карина заставила себя посмотреть по сторонам и обнаружила испуганного Олежку, чей урок должен быть первым. А что же с ней случилось? Вспомнился Хохолок с его угрозами дать телефон Жени. Она отказалась и тогда... Что он с ней сделал?

– Где моя сумка?

– Вот она! Рядом! – бабушка Олежки положила сумку ей на колени. – Проверьте все ли на месте.

Карина чувствовала слабость. Скосив глаза, увидела покрасневшее от ожога пятно. Хохолок прислонил к этому месту какую-то штуку, после этого она отключилась. Мерзавец просил Женин телефон. Внезапно женщина похолодела. Телефон! Конечно, он взял ее мобильник. Несгибающими пальцами Карина открыла сумочку, но в специально выделенном кармашке ее старенького Самсунга не оказалась. Все еще сомневаясь, стала рыться в сумке, уже понимая, что произошло. Надо предупредить Женю. Позвонить ему с городского. Карина вдруг поняла, что не помнит его номер наизусть, и, конечно, он нигде не записан. Общих знакомых у них нет. Черт! Обвела быстрым взглядом участливо смотрящих на нее людей. Надо собраться. Выдавила из себя улыбку, больше похожую на гримасу и обратилась к Олежке.

– Ну что, нам пора идти заниматься?

– Вы уверены, что достаточно хорошо себя чувствуете? – спросила бабушка. – Может, стоит отложить урок?

– Чашка кофе и я буду в полном порядке, – Карина встала со скамейки и слегка покачнулась, но удержалась на ногах.

– У вас голова кружится! Вам надо полежать. Давайте-ка мы вас проводим. А позаниматься можно и в другой раз. В сумке все на месте? Деньги, документы?

– Да, кроме мобильного, – сказала Карина.

– И ведь середь бела дня, – бабушка посмотрела на Олежку – А ты злишься, что я тебя провожаю. Видишь, что творится на улицах. Сплошной разбой!

Провести урок Карина так и не смогла, и бабушка увела Олежку домой, чтобы та смогла отдохнуть. Но отлеживаться было некогда. Карина, подзаяв денег у знакомых, отправилась в ближайшую Евросеть покупать новый мобильник и восстанавливать номер. А то Женя будет звонить, а она не отвечает. Ну, ничего. Появилась мысль позвонить ему на работу. Внезапно

холодок пробежал по спине. Она не помнила названия ресторана. Что-то экзотическое, связанное с Нет, она не помнила. Идиотка! Ведь Женя, наверно, говорил об этом. Почему она была так невнимательна? Как теперь его предупредить?

– Карина Рафаэлевна, к вам пришли!

Как быстро пролетело полтора часа, не успела она разобраться с новым телефоном, как пришел следующий ученик. Нужно работать. Заставила себя выкинуть плохие мысли из головы, стараясь думать о том, что Женя позвонит до того, как его найдут. Или она вспомнит название ресторана. Карина перебирала разные слова весь день, пока ученики делали вращения и прыжки. Время шло, телефон молчал. Как она могла согласиться сесть в машину к Хохолку? Ругала себя последними словами. День дополз до конца. Женя так и не позвонил. Совершенно истерзанная волнениями, не зная, что еще предпринять, Карина отправилась домой.

Когда Дмитрий открыл дверь, Карина сжалась, пытаясь по выражению лица угадать, видел ли он фотографии. Но муж выглядел спокойным, участливо спросил, почему она так странно выглядит. Пришлось рассказать о нападении и воровстве мобильного телефона. Выразив сочувствие, Дмитрий отправился на кухню и приготовил всем яичницу. Отставив недоеденную тарелку, Карина утонула в мягких подушках дивана и под монотонное бурчание телевизора пыталась придумать, что делать завтра. В голову ничего не приходило. Веки смыкались, словно она не спала много дней, и как человек оптимистичный, сказала себе, что новый день принесет решение всех проблем. Завтра позвонит Женя, и все окажется дурным сном. Завтра.... Сквозь пелену сна увидела, как муж заботливо укрыл пледом. Утром, едва проснувшись, снова вспоминала название ресторана, где работает Женя. Вроде бы там фигурировала птица, но уверенности не было. Кожана руке осталась красной, боли почти не чувствовалось. За завтраком, состоящим из мюслей с молоком и бутербродов с ветчиной, Дмитрий принялся обсуждать вчерашнее.

– Удивляюсь, кому нужен твой старый телефон? Почему вор не взял всю сумку или кошелек? – Карина следила за тем, как муж одновременно ест и говорит с некоторой неприязнью.

– Возможно, он убедился, что в сумке нет денег и ...

– Странная какая-то история. Зачем для этого использовать электорошокер, если можно отобрать сумку силой?

Карина ругнула себя, что упомянула про этот прибор. Надо было придумать что-нибудь поумнее. А что если этот Хохолок позвонит Дмитрию? Ведь теперь у него есть его номер.

Весь день телефон молчал, и к вечеру Карина убедилась, что Женю нашли и забрали в этот виннерский клуб. Ученик, делающий вращения, на катке упал, и она побежала к нему. Помогла подняться и вдруг, глядя на его пеструю

кофточку, вдруг вспомнила название ресторана. «Золотой павлин». Взяв мобильник, вошла в интернет и в яндексе выяснила телефон ресторана.

– Ресторан «Золотой павлин», здравствуйте! – жизнерадостно пропел голос девушки.

– Здравствуйте. Мне необходимо переговорить с вашим директором Лычкиным Евгением Владимировичем.

– Могу я узнать по какому вопросу?

– По личному.

– Звоните на мобильный.

Карина разозлилась.

– Дело в том, что я потеряла визитку.

– Извините, но мы не уполномочены давать телефоны руководства.

– Тогда позовите его к телефону.

– Одну минуту. – После долгого ожидания девушка вновь взяла трубку.

– К сожалению, Евгения Владимировича нет в ресторане, попробуйте позвонить завтра.

– Мне нужно поговорить с ним сегодня. Это очень важно!

– Я могу соединить вас с его заместителем.

– Соедините, – Карина мысленно взмолилась, чтобы тот, кого назвали заместителем, оказался полезным. В трубке раздался заученно-вежливый мужской голос:

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Мне срочно нужно связаться с Евгением Владимировичем. – Карина решила пойти ва-банк. – У меня есть информация, что ему грозит опасность.

– Вот как? – мужчина на том конце помолчал минут, но потом тоже решил быть откровенен. – Дело в том, что сегодня он не вышел на работу. Я пытался дозвониться, но телефон выключен.

Карина почувствовала, как сдавило грудь. Они взяли его.

– Я перезвоню, – хрипло выговорила она.

Некоторое время тупо смотрела, как упорно пытается прыгнуть ее подопечный. В другой раз бы обязательно подошла и начала исправлять ошибки. Но сейчас в голове упорно крутилась одна мысль: они забрали Женю. Все пропало. Я опоздала. Но в то же самое время другой голос твердил: ты должна собраться и придумать, как его вытащить. Только ты сможешь помочь ему. У тебя все получится.

Бывшая фигуристка посмотрела на часы и перенесла следующие два занятия, потом довела урок до конца.

Когда Карина вышла с работы, она уже знала, что делать. Зазвонил телефон. Женя? Номер не определился.

– Здравствуйте, Карина Рафаэлевна! Хочу извиниться за вчерашнее. – Карина скорее догадалась, чем узнала вкрадчивый голос Хохолка. – Этого не произошло бы, если бы вы оказались более сговорчивой.

– Что вы сделали с Женей? – закричала она так громко, что шедшая впереди женщина обернулась.

– Зря вы так нервничаете. Должен успокоить вас. Евгений Владимирович после стирания чувствует себя прекрасно. Чист как новорожденный.

– Сволочи! – Карина зажала себе рот рукой, чтобы не расплакаться в голос.

– Я позвонил предупредить, что за вами установлено наблюдение. Шаг влево, шаг вправо наказуем. Будет обидно, если придется и вас подвергнуть подобной процедуре.

Карина вздрогнула. Хохолок сменил тактику. Раньше пугал, что расскажет мужу, теперь потерей памяти.

– Я вас не боюсь. Ничего вы мне сделаете.

– Это предупреждение. Ваш супруг уже получил фотографии, дома ждет неприятный разговор. Наказание за непослушание. Следующее будет серьезнее. Обидно лишиться вас воспоминаний об «Уютном гнездышке», не так ли? А снова Евгений вряд ли составит вам компанию.

Карина сбросила звонок и всхлипнула. Некоторое время шла, как сомнамбула. Очнулась возле «Уютного гнездышка». Остановилась, вспоминая подробности. Все кончено. Жени больше нет. Зажала себе рот. Что она говорит? Он есть, но не такой, как раньше. Теперь даже не узнает ее, а ее воспоминания об их кратких встречах будут жить в памяти до самой смерти. Что же ей делать? Невозможно бросить Женю на произвол судьбы, но нарываться на неприятности глупо. Придется действовать по-другому. Внезапно Карина вспомнила об Антоне, однокласснике, дружили с детского сада. После выпускного бала пути разошлись. У Карины не оставалось времени ни на что, кроме тренировок. После того, как Женя ушел из спорта, дала себе слово, что станет чемпионкой. Недавняя встреча одноклассников оживила воспоминания. Каждый из пришедших хвастался завоеванным кусочком мира. Антон организовал собственное детективное агентство. Весь вечер рассказывал ей, как к ним обращаются обманутые жены и мужья, к которым она тогда испытывала жалость. Могла ли подумать, что окажется на их месте? Сердце заныло. Карина беспокоило мотнула головой, отгоняя мысли о муже. Надо позвонить Антону и попросить помощи. Придется, конечно, рассказать ему обо всем. Почувствовала, как кровь прилила к щекам. Но это все же лучше, чем в милицию. Пусть считает ее несерьезной и безответственной, но поможет вытащить Женю. В сумке запел мобильный телефон. Это был Дмитрий. Карина сжалась. Прежде, чем разговаривать, нужно подготовить отступление. Телефон звонил и звонил, а бывшая чемпионка тупо смотрела на него. Когда замолкла последняя трель, набрала номер Антона.

– Привет, Антоша! Это Карина!

– Какие люди! – его голос звучал насмешливо, но радостно. – Чем обязан?

– Надо проконсультироваться. Срочно. Могу я подъехать в твой офис?

– О кей, – сказал он после некоторой паузы. – Я отменю назначенную встречу и буду ждать. Не могу вспомнить, сколько лет я мечтал о подобном

свидании. – У Карины не было сил отвечать на шутку. Она записала адрес и направилась к метро.

Глава 12

Евгений чувствовал себя усталым, голова гудела. Сначала они долго шли по длинному светлому коридору без окон. Потом его провожатый открыл дверь ключом, и они оказались в маленькой комнате с узкой кроватью.

– Вам нужно поспать. Завтра вы будете чувствовать себя лучше, и мы обо всем поговорим.

Лычкин сел на узкую кровать и закрыл глаза. Казалось, что голову сжимает металлическим обручем. Где я? Он не знал. Почему я здесь? Неизвестно. Замок в двери щелкнул. Евгений не испытывал никаких эмоций, кроме желания провалиться в сон. Медленно разделся, бросив одежду на металлическую спинку кровати, и лег.

Усталый Щербаков постучал в кабинет шефа. Тяжелый денек. После того, как в руках оказался телефон Карины, он вычислил Лычкина в ресторане «Золотой павлин». Вместе с начальником охраны занял наблюдательный пост в машине. Евгений вышел поздно. Тихий переулок, выходящий на Тверскую, казался пустынным. Им удалось быстро запихнуть Лычкина в машину и вколоть снотворное. В виннерский клуб его привезли спящего.

– Ну как? – Караеву удалось скрыть нетерпение.

– Мне кажется все в порядке. После того, как мы закончили стирание, я задавал ему разные вопросы, но стрелка не реагировала. Он чист, я уверен.

Константин холодно кивнул.

– Единственное, что...

Караев приподнял брови, и Щербаков пожалел о том, что хотел сказать, но было поздно.

– Мне кажется, он очень слаб. Следовало бы кому-нибудь быть рядом на случай, если ему станет хуже.

– Приставить сиделку? Не слишком ли много чести. Позови Эвелину. Пусть присмотрит за бывшим муженьком. Еще вопрос: как у нее со статистиками?

– Высокие. Работает хорошо, часть программы оплатила.

Константин кивнул.

– Спроси у нее, хочет ли она своего мужика обратно? – он хохотнул.

– Константин Борисович, Эвелина просила стереть Лычкина из памяти.

– Тебе придется заставить ее поверить, что они могут начать заново. Предоставляется уникальный шанс: мужик ни одной бабы не помнит, она у него первая. Вообще, интересно будет с этим Лычкиным пообщаться. Мы же раньше никого не стирали полностью.

Андрей опустил голову. Какого черта он пообещал Эвелине, что Лычкина сотрут из ее памяти? Надо быть осторожнее. Теперь придется выкручиваться.

– Что застыл, как изваяние? Иди! Работай с Эвелиной.

Щербаков вздрогнул. Холодный голос за его спиной произнес, когда он уже взялся за дверь.

– Я обнаружил, что твои статистики упали. Так что не рассчитывай на высокую зарплату в этом месяце.

Андрей, повернув голову, замер, судорожно прикидывая, хватит ли денег для оплаты кредитов, хотя бы месяца на два.

– Нужны новые члены клубы, – процедил шеф, закуривая сигару.

– Я сделаю прозвонку.

– Этого недостаточно.

– Снова выходить с листовками? – содрогнулся Щербаков. После неприятного эпизода с Лычкиным он не чувствовал в себе ни уверенности, ни сил. Требовался отдых. Было бы здорово уехать куда-нибудь с Галинкой. – Константин Борисович, – взмолился он. – Я не очень хорошо себя чувствую. Могу я взять отпуск?

– Хочешь уехать со своей зазнобой поваляться на солнышке?

Андрей съежился: насмешливый тон начальника не предвещал ничего хорошего, но он кивнул.

– Сейчас не время. За то, что предал меня, будешь работать без отпуска. Вали отсюда.

Андрей закрыл за собой дверь и прошел мимо приемной, где секретарша с интересом вглядывалась в экран. На кукольном личике блуждала улыбка, и он понял, что Ирка сидит либо в аське, либо в одноклассниках. Длинногая и худая девушка была любовницей Караева. Ее мозгов хватало ровно настолько, чтобы отвечать на звонки, печатать письма и вести картотеку. Явно не парится, что происходит с людьми, попадающими в виннерский клуб. После разговора с шефом Андрей опять почувствовал, что увяз глубже, чем думал.

Он настолько увлекся своими мыслями, что вспомнил об Эвелине только после ее звонка. Девушка интересовалась, назначено ли ей стирание.

– Зайдите ко мне, – бросил Щербаков, прижимая пальцы к вискам, чтобы унять боль. Голова болела, словно сам подвергся процессингу.

Андрей залюбовался посетительницей, вновь отдавая дань виннерскому клубу. Эвелина вошла, словно человек, который уверен, что его всегда ждут. Для Андрея это тоже было своеобразным знаком. Уверен ли в себе человек или нет видно с первых минут знакомства. Люди закомплексованные стучат в дверь, войдя бочком, занимают краешек стула и не смотрят в глаза собеседнику. Лузеры каждым своим движением словно извиняются за свое появление на свет.

Девушка без приглашения опустилась на стол, красиво скрестив ноги, оперевшись на спинку. В устремленном взгляде был вопрос, на который ждала ответа.

– Прекрасно выглядите! – заметил Щербаков.

Светлые волосы, расчесанные на косой пробор, придавали красивому лицу загадочность, фисташковый сарафан на тонких бретельках, ложась складками, подчеркивал хрупкую фигуру. Удовлетворенный кивок головы и прямой взгляд. «Ну что ж, начнем выкручиваться», – подумал Лычкин и улыбнулся.

– Я знаю, что вам обещал. Но, – руководящий проектом поднял вверх палец, – у меня есть для вас более интересное предложение. Благодаря вам мы нашли Евгения. Пришлось подвергнуть его мозг полному стиранию. То, что произошло между вами, осталось только в вашей памяти. А это, значит, ваша гордость не пострадает, если вы попробуете еще раз. Не смею настаивать, но вы выглядели счастливой, когда были вместе.

Эвелина боялась признаться самой себе, что скучает по Евгению. Пустота, образовавшаяся с его уходом, не исчезала, несмотря на занятость и ухаживания других мужчин. Когда услышала, что он здесь, сердце защемило. Как бы ни старалась, забыть не вышло. Или не хотелось. Если попробовать начать сначала... Девушка сцепила и расцепила длинные пальцы, затеребила кольцо. Потом быстро подняла глаза на Щербакова.

– Вы уверены, что Женя не помнит... – она замялась, хотела спросить о Карине, но передумала, – что он был на свободе?

– Он чист как младенец. Можете рассказать любую историю, которую захотите. Например, что вы вместе много лет и всегда нежно любили друг друга. И он поверит в это, потому что в голове пусто. Помните фильм «Птичка на проводе»?

Эвелина задумалась. Предложение показалось неожиданно интересным.

– Могу я подумать?

– Не очень долго, – улыбнулся Щербаков, уже зная ответ. – Если решите принять Евгения обратно, нужно поспешить, чтобы успеть перенести его спящего в вашу комнату. Представляете, сколько женщин хотело бы оказаться на вашем месте? В его голове вы первая, потому что сравнивать не с кем. Он, – Щербаков улыбнулся, – девственник в душе.

Эвелина издала нервный смешок. Девственник. Можно представить, что он там вытворял с Кариной.

– Вы еще сомневаетесь?

– Но ведь он и меня не помнит. Вдруг я ему не понравлюсь?

– Вы кокетничаете. Сегодня я пожалел, что женат. После процессинга в вас появился такой шик, что ни один мужчина не сможет пройти мимо.

– Однако Женя ушел от меня, и это было после процессинга, – заметила она с обидой.

– Произошло случайное наложение информации, часть ощущений перешла оттуда. Нельзя быть уверенным, что Лычкин полюбил Карину. В его голову

попала информация от другого человека, который любил ее когда-то. Мозг – вещь загадочная, прошлое стало настоящим, вот его и потянуло к Карине. Вы вспомните, как это произошло.

– Он увидел соревнования по фигурному катанию по телевизору.

– А у него в мозгу есть запись об этих соревнованиях и об отношениях с партнершей. К этому нельзя ревновать. Побочный эффект процессинга. Компьютер, подобравший виннера, допустил ошибку. Это ненастоящая любовь.

Лицо Эвелины прояснилось, и Щербаков, прежде чем она открыла рот, уже знал, что победил.

– Хорошо, я согласна.

– Придется вам вернуться из вашего гнездышка в центр. Наш подопечный нуждается в некотором наблюдении. Думаю, он проспит всю ночь и проснется только к утру. И еще один совет: ничему не удивляйтесь. Это будет не тот Женья, к которому вы привыкли. Но зато вы сможете слепить из него все, что захотите. Да и еще: когда придумаете версию, как вы оказались вместе, дайте мне знать.

– Хорошо, – Эвелина поднялась и исчезла за дверью.

«Из этих двоих я выбрал бы Карину, – подумал Андрей, – она никогда бы не согласилась на такую подлость. Плакала бы в подушку, но жить в обмане не стала бы».

Детективное агентство Антона Королева располагалось на первом этаже пятиэтажного дома на улице Гончарова. Возле подъезда стояла принадлежавший ее бывшему однокласснику черный лупоглазый мерседес, которым он очень гордился. Молодой охранник проводил посетительницу в кабинет. Королев поднялся ей навстречу и дружески чмокнул в щеку.

– Рад видеть. Прекрасно выглядишь.

– Ты тоже, – Карина окинула взглядом крепкую фигуру бывшего одноклассника, вопиющую о недавнем отдыхе на море и тренировкам со штангой. Впрочем, качался Антон еще со школы, и девчонки из их класса с восхищением смотрела на его бицепсы. К тридцати семи годам объем мышечной массы значительно увеличился.

– Чай, кофе или, может, что-нибудь покрепче?

– Спасибо, ничего.

– Тогда присаживайся! – Антон кивнул на сиротливый стул для посетителей и утонул в кожаном кресле.

Молчание. Тактика, выработанная с годами. Клиент должен сам начать рассказывать о проблеме.

Карина прочистила горло. С чего начать? Как неудобно-то.

– Ты что-нибудь слышал о фирме, называющей себя «Дотянись до успеха»?

– Нет, но такого добра навалом в сети. Обещают, после семинаров будешь грести деньги лопатой.

– Это не совсем то, – Карина заерзала на неудобном стуле и вздохнула. – Начну по порядку.

Антон, нагнув коротко стриженную голову, быстро записывал на листке бумаги, уточняя подробности. Его внимательные карие глаза словно просвечивали рентгеном. Конечно, Карина смущалась. Особенно рассказывая о «Гнездышке». Но все же нашла в себе силы ничего не утаивать, понимая, что любая информация может оказаться полезной.

– Давай все-таки выпьем по чашечке кофе, – предложил в конце беседы Антон, складывая руки на груди и облокачиваясь на кресле. На правом бицепсе красовалась татуировка с большой змеей. Он сделал ее еще в школе. Карина заметила, что с тех пор змея потолстела. – Вот уж никогда не мог предположить, что ты окажешься в числе моих клиентов.

– Не мог предположить, что я заведу роман?

– Ты всегда была слишком правильной. И хотя по опыту знал, что рано или поздно любая женщина изменяет мужу, тебя считал исключением из правила.

Карина сидела молча, чуть наклонив изящную головку. Всем своим видом показывая, что пора бы уж вернуться к делу. Мораль здесь не причем, она сделала это из-за любви. Но объяснять не имело смысла. Для Антона она будет одна из его клиенток, решивших поразвлечься. Королев снял трубку и попросил кофе.

– Так ты возьмешься за это дело или нет? – нетерпеливо спросила Карина. – Я заплачу.

Антон отмахнулся.

– Дело не в деньгах. У меня было несколько случаев, когда клиенты просили найти их родственников, втянутых в религиозные секты. Дело не в том, что их трудно найти. Это дело техники. Они не хотят оттуда возвращаться. Потеряны для этого мира. Их мозги не станут прежними.

– Это совсем другое. Женя вернулся, но его похитили.

В дверь поскреблись, и на пороге появилась невысокая девушка с подносом. Осторожно поставила на стол кофе и вазочку конфет «Мишка на севере» и «Красная шапочка». Карина с наслаждением сделала глоток. Кофе показался удивительно вкусным и крепким.

– Спасибо, Надюша, – ласково сказал Антон, а когда секретарша удалилась, продолжил. – Допустим, мы вырываем его из лап этой организации. Но как будет жить человек, который ничего не помнит? У него нет ни квартиры, ни родных, ни работы. А сможет ли он работать, это еще вопрос. В экспериментах над мозгом нет ничего хорошего. Ты не сможешь его опекать, у тебя семья. Прежде чем начинать, подумай, стоит ли игра свеч. Вы хорошо провели время и ладно.

Карина подобралась на стуле, поставила чашку на стол.

– Антон, я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Как бы ни сложилась моя жизнь в дальнейшем, я не оставлю человека в беде. Если не сможешь мне помочь, найду другого.

Директор детективного агентства, слегка улыбаясь, поднял глаза на Карину. К счастью, она не изменилась. Сколько же он насмотрелся, когда женщины отказывались от своих любовников. Только бы простил муж, на коленях перед ним ползали, любые обещания давали. Его бывшая одноклассница слеплена из другого теста. Она так же упорно шла к своей цели спасения любимого, как десять лет назад к завоеванию медали.

– Я забыл, что ты никогда не отступаешь. Конечно, я сделаю все, что смогу, – уже серьезно сказал Королев, чувствуя некоторую зависть к потерявшему память, которого так любят. Они еще долго разговаривали, наметили план действий, Антон предложил подвезти ее до метро, а довез до самого дома. А когда бывшая одноклассница вышла из машины, жизнь вокруг показалась немного лучше, чем была сегодня утром. И он вдруг понял: Карина делает это не только из-за любви, а потому что не может иначе. И она будет продолжать это делать, даже если её благополучие окажется под угрозой.

Карина вошла в подъезд, пахнувший сыростью из подвала, и нажала кнопку лифта. Снова посмотрела на часы, чтобы убедиться, что отсрочки не будет. Муж, а он обычно, никогда не задерживался, уже вернулся с работы. Дмитрий не вышел ее встретить в коридор, как всегда делал раньше. Сбросив туфли, Карина заглянула в гостиную. Муж сидел на купленном в ИКЕЕ диване в цветочек и смотрел прямо перед собой. На журнальном столике фотографии. Неужели Хохолок встречался с ним?

Когда Дмитрий заговорил, его голос казался надтреснутым и скрипучим, с какими-то незнакомыми ей старческими нотками.

– Не верил до последнего. Даже когда получил по почте. Пошел и заплатил деньги, чтобы напечатать их. Надеялся, что это подделка. Но это же ты? – он протянул ей три снимка. На одном из них она улыбалась, глядя на Женю, а он смотрел на нее. Она не видела этой фотографии. Даже здесь было видно, что они счастливы.

– Да это я, – тихо сказала она, пряча фотографии за спину.

– Кто этот мужчина?

– Разве тебе не доложили?

Из глаз, казавшихся беззащитными и большими из-за снятых очков, сочилась обида и боль.

– Хотелось бы услышать от тебя.

– Когда-то мы тренировались вместе. Нам было по четырнадцать. – Карина отвернулась. Наверно, не стоило рассказывать, что Женя нравился ей с тех самых пор, да только тогда он не обращал на нее внимания. А в этот раз она просто не смогла справиться с собой. Хотелось счастья и любви. – Мне жаль, что так вышло, – выдавила она из себя.

– И что мы будем делать?

Карина вздохнула, возвращаясь в прошлое. Когда они с Павлом приняли решение уйти из спорта, оказалось, что кроме фигурного катания и секса их ничего не связывает. Жениться он не собирался, а ее взгляд все чаще останавливался на колясках. Хотелось семьи, детей. Друзья познакомили с Дмитрием. Кинулась в новые отношения, как в омут. Быстро забеременела. Потом, уже в браке, поняла, насколько они разные. Жалеть себя запрещала, приспособилась. А потом роман с Женей. Она бы ушла от Дмитрия, если бы не сын. Но как жить дальше? Все рухнуло в один миг.

– Я не знаю, – пожала плечами Карина, опускаясь в кресло напротив.

– У нас ребенок, и мы не имеет права это не учитывать. Я попробую все забыть, а ты обещаешь, что больше никогда не встретишься с этим человеком.

– Женя попал в беду...

– Не желаю ничего слышать. Ты обещаешь с ним не встречаться или...

– Или?

– Я подаю на развод с требованием оставить мне сына. Чему хорошему может научить ребенка гуляющая мать?

Это она-то гуляющая? Да что он может знать о любви? Внезапно Карина почувствовала, что сейчас расплечется. Не желая, чтобы он видел ее слезы, ушла в ванную, где долго редела, открыв кран с водой. В спальне муж лежал раздетый на своей половине кровати. Легла на бок, к нему спиной, лишь слегка натянув общее одеяло. Одна только мысль, что он может прикоснуться к ней, вызывала тошноту.

Глава 13

Евгений спал. Эвелина, отложив книгу, налила крепкого чая с лимоном. Проходя мимо большого зеркала в прихожей, остановилась. Черный кружевной халатик открывал длинные стройные ноги и подчеркивал белизну кожи. Ей казалось, так должна выглядеть жена, ухаживающая за больным мужем. Конечно, она бы предпочла, чтобы Евгений просто болел. Было немного страшно. Каким он проснется после стирания? Как отреагирует на ее присутствие? Вдруг все вспомнит? Или еще хуже: проснется сумасшедшим? Эта мысль пугала больше остальных. Эвелина прогнала её в дальний угол памяти, но подобно брошенной собаке, она в который раз высывалась оттуда.

Темные ресницы Евгения дрогнули.

Эвелина выпрямилась на стуле. Было бы хорошо броситься к нему и сказать:

– С возвращением, милый!

Кажется, так говорилось в американских фильмах, но голос пропал, и молодая женщина не могла выдать из себя необходимых в этот момент слов. Глаза Евгения обежали комнату и остановились на ней.

– Где я? – еле слышно спросил он.

– Ты дома, со мной, – Эвелина поняла, что пора начинать отрепетированную речь. Но слова, которые придумала, не шли с языка, с трудом выдавила только несколько предложений.

– Не может быть, – неуверенно произнес Евгений, потирая виски. – Ты моя жена? И, – он обвел комнату взглядом, – это наш дом?

– Временный. Когда ты поправишься, мы вернемся в нашу квартиру.

– Понятно, – стальной обруч продолжал впиваться в голову, хотя боль несколько ослабла. Окружающие предметы выглядели непривычно четко и выпукло. На висевшей напротив кровати репродукции, изображающей неестественно оранжевое дерево, он мог разглядеть каждый листочек. И это казалось странно.

– А... мы живем вдвоем?

– Да. Детей у нас нет. Пока нет, – поспешно ответила Эвелина, не зная, как новый Женя относится к воспроизведению потомства.

– Но что со мной произошло?

– Мы оба проходим процессинг по улучшению жизни.

Евгений слабо улыбнулся.

– Хорош процессинг, если после него чувствуешь себя так плохо. Не думаю, что я когда-нибудь еще захочу испытать подобное.

– Нет-нет, – испугалась Эвелина. – Тебе нужно продолжить. В прошлой жизни мы с тобой были неудачниками и теперь работаем над тем, чтобы измениться.

– Честно говоря, я ни черта не помню. И эта головная боль сводит меня с ума.

– Хочешь таблетку? – забеспокоилась Эвелина, вспомнив, совет Щербакова о том, что некоторое время Женя должен принимать успокоительное.

– Нет, – затряс головой Евгений. – Расскажи, как мы с тобой жили.

Просьба застала молодую женщину врасплох. Пробормотала, что ему надо отдохнуть. Евгений выглядел больным, глаза лихорадочно блеснули.

– На том свете отдохну. Рассказывай! – повторил он настойчиво.

– Может, ты вопросы позадаешь?

– Ладно. Давно мы женаты?

– Не очень, – уклончиво ответила Эвелина, присаживаясь на край кровати.

– И... как мы жили?

– Я была самой счастливой на свете, – фраза из мелодрамы вылетела помимо ее желания, и Эвелина прикусила язык.

– Значит, я был хорошим мужем, – констатировал Лычкин. – Почему же мы не соорудили детишек?

Эвелина покраснела.

– Мы очень заняты на работе.

– Ага! Работа! – Евгений поднял вверх палец и вымученно улыбнулся. – Может, подскажешь, где и кем я трудился?

– Директором ресторана «Зеленая кошка».

Глупое название ни о чем не говорило. Некоторое время Евгений пытался вспомнить хотя бы один ресторан. Сплошные белые пятна. Он что, никогда не был в ресторане? И вдруг появилась картинка: он сидит за столиком с женщиной с короткими темными волосами. В ее руке бокал с мартини, и у нее очень хорошая улыбка. Как же ее звали? Он, конечно, этого не помнит.

– Может быть, хочешь чего-нибудь?

Евгений посмотрел на женщину, сидящую на его кровати. С ее лицом что-то не так. Она словно пытается ему угодить. Да и, вообще, он не чувствует, что эта женщина его жена. Ее холодная красота кажется ему неприятной. Может, конечно, все дело в памяти. Но ведь должна быть какая-то ниточка, связывающая их.

– Единственное, что бы сейчас хотел, вспомнить, кто я, – пробормотал Евгений.

– Ты совсем ничего не помнишь?

Ему показалось, что в ее голосе, несмотря на нотки сочувствия, проскальзывала надежда. Вероятно, она что-то скрывает. Внезапно понял, что его насторожило. Жена, ухаживающая за мужем, вырядилась в откровенный прозрачный халатик. Было в этом что-то странное.

– Совсем, – покачал головой Евгений, спуская ноги на пол. – Пожалуй, мне надо пройтись. – Тапочки, стоящие у постели показались чужими, он их проигнорировал. За исключением слабости чувствовал себя довольно прилично, голова не кружилась. Вышел из спальни в гостиную. Жена следовала за ним.

– Здесь мы проводим свободное время, – сообщила Эвелина.

Лычкин посмотрел на огромный телевизор на тумбочке и пожал плечами.

– А это что? – Он с интересом посмотрел на черный футляр на журнальном столике.

– Твои очки. Обычно ты смотрел в них телевизор.

Очки лежали в кармане пиджака и, вешая вещи в шкаф, Эвелина выложила их на журнальный столик.

– Интересно, – Евгений щелкнул футляром и надел золотую оправу.

– О! – он тут же снял их.

– Что такое?

– Ты уверена, что это мои очки?

– Абсолютно. Но в чем дело?

– Что-то случилось с глазами, они мне не подходят.

– Может быть, зрение улучшилось?

– Что за чушь!

– Вовсе нет! – горячо возмутилась Эвелина. – Плохое зрение возникает в результате подавления в момент бессознательности.

– О чем ты?

– Ну, например, тебе пять лет, ты идешь с отцом в парке, засмотрелся на что-нибудь, и врезался лбом в дерево. Тебе больно, на лбу шишка. А в это время отец кричит на тебя: «Ты ничего не видишь!» Мозг фиксирует команду, зрение портится. Эпизод влияет на всю жизнь. Если во время процессинга этот случай стереть, зрение может улучшиться.

– Весьма интересно.

– Давай проверим, – Эвелина взяла журнал и, встав на другой стороне комнаты, начала спрашивать буквы, которые он безошибочно назвал.

– Ну, вот и первое улучшение! – она захлопала в ладоши.

– Ты что, издеваешься надо мной? Я не помню, кто я, а ты говоришь об улучшении.

– Но ведь это же здорово, иметь хорошее зрение.

Евгений вышел в коридор.

– Здесь кухня, туалет и ванная, – рассказывала Эвелина.

Лычкин заглянул в каждую дверь, только чтобы отметить, что совершенно не помнит, был ли он когда-нибудь здесь. В зеркале в ванной поймал свое отражение. Мужчина около сорока лет. В глубоко посаженных глазах притаился страх. Кто ты, незнакомец? Провел рукой по щеке. Очевидно, брился он не более двух дней назад.

– Хочешь принять душ?

Посмотрел на высокую женщину в дверях. Почему она не оставит его в покое?

– Да, хочу, – Лычкин принял из ее рук свежее полотенце и халат. Заперев задвижку, прижал нос к махровой ткани. От халата исходил слабый запах одеколона, который ни о чем не говорил.

Вытираясь после душа, Евгений приоткрыл дверь. Из комнаты доносился голос Эвелины. Лычкин замер, превратившись вслух.

– Да, все хорошо. Он в ванной. Что сказать? Хорошо. Хорошо. Буду держать в курсе.

Кто был этот человек, которого нужно держать в курсе?

Надев халат, заглянул в комнату и заметил, что Эвелина поспешно положила телефон на журнальный столик.

– С кем ты разговаривала?

Она вздрогнула, но заставила себя ответить.

– Андрей Щербаков интересовался твоим состоянием. Он хочет с тобой встретиться, как только ты придешь в себя.

– В себя приду, когда все вспомню. А этот Щербаков пусть зайдет и объяснит, как могло случиться, что на курсах по улучшению жизни, я потерял память.

Субботний денек выдался пасмурным. Жара отступила. После ночного дождя повеяло прохладой. Карина поняла, что не знает, как вести себя с этим ставшим вдруг чужим человеком, формально продолжавшем оставаться в

статусе второй половинки. И хотя к этой теме, они не возвращались, находиться в одном пространстве стало мучительно неудобно. Все совместные занятия разом исчезли, и Карина без конца задавала себе один вопрос: «А что же было общего раньше?» Желая отвлечься, затеяла уборку. Дмитрий, раньше бравший на себя чистку ковров, на этот раз не оторвался от телевизора. В дверь позвонили. Прижимая к себе загоревшего сынишку, Карина особенно остро поняла, как соскучилась. Когда они вместе с Сашей помахали в окно бабуле и дедуле, возник вопрос обеда. И тут Дмитрий предложил сходить в Макдональдс. Саша радостно захлопал в ладоши и сразу же выпросил хэппи милл. Карина привела себя в порядок, не переставая радоваться своевременному возвращению сына. В тот момент, когда они вышли втроем на улицу, ей показалось, что они снова счастливая семья. Она держала теплую ручонку сына, радуясь, что Дмитрий отвечает на его бесконечные «почему». В Макдональдсе заняли столик на улице и, время от времени подкамливая нахальных воробьёв картошкой, быстро справились с заказом.

– А я хочу мороженое! – заявил с набитым ртом Саша.

Дмитрий достал из бумажника деньги.

– Ты уже большой мальчик и сможешь сам постоять в очереди.

Зажав в кулачке купюры, Саша убежал. Повисло молчание. Карина не знала о чем говорить и потягивала ванильный коктейль, поглядывая вокруг. Когда улыбающийся Саша с мороженым в руке вышел на улицу, Дмитрий наклонился к Карине.

– И ты готова его потерять?

Она вздрогнула. Настроение село. Случившееся придавило ее. Вжалась в спинку кресла и побелевшими пальцами ухватила за стол. Она не может потерять сына. Ни за что. Карина смотрела на Сашу, облизывающего мороженное и видела только его одного.

– Мам, у тебя еще осталась картошка? Вон тот воробушек голоден. Можно я дам ему?

Карина как во сне смотрела, как шевелятся его губы и не слышала слов. Все ее существо кричало: «Он мой!»

Дмитрий взял пакетик Карины и передал Саше. Мальчик принялся кормить воробьев. Наглые пушистые создания сидели на столе, ожидая лакомства. Словно со стороны Карина услышала свой голос:

– Не надо меня запугивать! Это не поможет!

Она встала из-за стола и поцеловала Сашу в макушку, спугнув воробьев.

– Мне надо идти, милый. Вернешься домой с папой.

Поймала удивленный взгляд мужа.

– Куда ты?

Карина пожала плечами, не отвечая на вопрос. Просто вдруг поняла, что, несмотря на присутствие сына, не может выносить этого человека рядом. Быстро завернула за угол и пошла по улице. Запугивать ее бесполезно. Дмитрий должен это понять. Слава богу, она живет в стране, где нужны очень

веские основания, чтобы ребенка оставили с отцом, а с учетом ее прежних заслуг, это практически невозможно. Скорее Дмитрий перейдет на свидания с сыном по выходным дням, а вырастить ребенка она сможет и одна. Карина шла по улицам, когда уставала, присаживалась на скамейки, потом снова принималась бесцельно идти вперед. Она не должна себя жалеть. Сейчас главное вытащить Женю. Он нужен ей даже больным и потерявшим память. Вдруг в голову пришла шальная мысль: их любовь стереть невозможно. Как бы там ни было с памятью, но душа Жени узнает ее. Только бы найти его. Вся надежда на Антона.

Антон позвонил в понедельник. Его голос был против обыкновения равнодушным, холодным и покровительственным.

– Самое лучшее, что ты можешь сделать – это выкинуть из головы эту историю, – начал он после приветствия.

– Но... что случилось?

– Ты знаешь, я хорошо к тебе отношусь, поэтому скажу прямо: не лезь в это дело. Возвращайся к мужу и забудь своего любовника. Он все равно тебя уже не помнит. У этой организации слишком могущественные покровители, чтобы начинать борьбу. Если ты меня не слушаешься, они в прямом смысле сотрут тебя в порошок. А точнее оставят без башки. Забудешь, как тебя зовут.

Карина прикусила нижнюю губу.

– Если ты не хочешь мне помочь, я справлюсь сама.

– Карина, пойми, – его голос смягчился. – Не могу рассказать всего по телефону, но даже думать забудь, что ты можешь помочь. Навредишь себе и своей семье.

Антон чувствовал по ее молчанию, что она не отступится.

– Ладно, хорошо. Давай встретимся, и я расскажу, чем они занимаются.

– Я это прекрасно знаю.

– Ты ничего не знаешь, уверяю тебя. Давай вместе пообедаем. В час устроит?

– Да.

– Отлично, в час в «Матрешке» на Кутузовском. Не опаздывай.

Карина положила телефон в сумку и вздохнула. После его слов никакого смысла в этой встрече не было. Думать о том, что Антон струсил, не хотелось. Хотя кому нужны неприятности? Наверно, только ей. С тех пор, как Женя прислал письмо на «Одноклассники» ее жизнь изменилась. Вместе с горьким кратковременным счастьем, пришло разочарование в муже и осознание своих ошибок.

Когда Карина вошла, Антон уже сидел за столиком. Увидев ее, посмотрел на часы. Женщина разозлилась.

– Я много времени у тебя не отниму. Не думаю, что, вообще, есть смысл говорить о чем-либо после твоего отказа.

Антон смутился, как всегда мгновенно попадая под ее обаяние. Если бы он работал с ней бок о бок, то постоянно находился бы в состоянии влюбленности. Хорошо, что они редко встречаются. Вдохнул и заставил себя отвести взгляд от лица бывшей одноклассницы. Карина осунулась, побледнела, но в глубине глаз светился огонек. Это был вызов ему и остальным. Антон не был трусом, ему частенько приходилось рисковать жизнью, и он был готов делать это и сейчас, но не видел в этом никакого смысла. Слишком страшным на его взгляд оружием располагала организация «Дотянись до успеха».

– Давай что-нибудь закажем, и я расскажу тебе все, что мне удалось узнать. А потом ты сама сделаешь выводы.

Карина тупо смотрела в меню, понимая, что ее вывернет наизнанку. Названия любого блюда вызывали тошноту. Выбрала греческий салат. Антон заказал плов и салат из свежих овощей. После того, как официант удалился, повернулся к Карине.

– Организация «Дотянись до успеха» или как ее называют «Виннерский клуб» гораздо более могущественна, чем я ожидал. Более того, она существует при поддержке самого государства. – Карина нахмурилась, и он поправился. – Скажем так, некоторых государственных деятелей. Благодаря методике, которую их основатель держит в секрете, им стало очень легко избавляться от своих жен.

– Но зачем им это нужно?

– Не догадываешься? Например, муж заводит роман с какой-нибудь молоденькой красоткой. Жена в ярости, собирается подать на развод, отсудить половину имущества. Никому не выгодно. И тогда наш герой-любовник разыгрывает сцену примирения, дарит ей абонемент в центр успеха и предлагает вместе посещать кабинет психологической разгрузки для дальнейшего восстановления семьи. Естественно, делают они это по очереди. Так называемый психолог подсоединяет к ней проводки, подводит ток, и она уже не помнит, как здесь оказалась. Ее еще раз тестируют на детекторе, не помню, как он называется. – Карина кивнула, вспоминая рассказ Жени. – Потом ее, как потерявшую память, легко сбавить в психушку. Муж отваливает кругленькую сумму и продолжает наслаждаться жизнью. Так же можно избавиться и от надоевшей любовницы. Если подумать, то изобретатель машины стирания воспоминаний совершил настоящий прорыв в области медицины. Этой технике нет аналогов во всем мире. Непонятно, как она попала к тому, кто решил организовать этот бизнес, но думаю, что ученого просто так не отпустили.

– Что?

– Думаю, что ему или стерли память, воспользовавшись его же прибором, или отправили на тот свет, чтобы не плодить конкурентов. Им не надо никого убивать или уговаривать. Они подсоединили проводки и дело в шляпе. Говорят, для богатеньких придуманы всевозможные развлечения. Например,

решил в голову своей жены заложить мысли проститутки, заплатит денежки и получит.

– Но как туда попал Женя?

– Это другое направление. Так называемая программа связи с общественностью. Деньги всегда делаются на бедных, которые расплачиваются квартирами. После этого курса клиент, ничего не зная о том, что произошло с его близкими, работает, чтобы вернуть долг, не зная, что за все уже уплачено. Потом ему предлагают новую программу и так до бесконечности.

Официант принес заказ. Пережевывая листья салата и отодвигая в сторону кусочки курицы, Карина размышляла над тем, что услышала. Она-то думала, что речь идет о каких-нибудь прохвостах, на которых можно подать в суд. Листья салата казались горькими, и ей хотелось их выплюнуть. В горле пересохло. Уже несколько дней, с тех пор, как забрали Женю, она испытывала одновременно желание голода и тошноты, когда еда попадала в желудок. Устав бороться с собой, отодвинула тарелку.

– Я испортил тебе аппетит?

– Его нет уже давно.

– Неужели все так серьезно? Возьми себя в руки. Время лечит.

Карина тряхнула короткими волосами и прищурилась.

– Значит, ты испугался?

Антон подавился и кашлянул. Вытер губы салфеткой.

– Ты как ребенок. Я не испугался. Просто не вижу доступных методов борьбы с ними. Те, кто пробовал, сидят сейчас в психушке и даже маму не могут позвать, потому что не знают, была ли она у них. А у меня семья, две дочери. Мне это надо? И тебя прошу в это не вмешиваться. Все, что ты можешь добиться – это оказаться рядом с ним. Но встретившись, вы друг друга не узнаете. Так что никакого смысла в этом не будет.

– Ладно, я все поняла. В любом случае спасибо, что пытался предупредить. Мне нужно идти. – Карина подозвала официанта.

– Вот именно, что пытался.... Я слишком хорошо тебя знаю и понимаю, что ты не отступишься.

– Нет, – уверенно сказала Карина.

– Скажи хотя бы, что ты собираешься делать?

– У тебя есть адрес?

Антон кивнул.

– Дай мне его.

– Зачем?

– Если не придумаю ничего лучшего, притворюсь, что хочу превратиться из виннера в лузера.

– Но это опасно. Ты можешь все потерять.

– Не все, а только себя, – усмехнулась Карина. – Но меня уже нет, так что ничего страшного не произойдет. – Она перехватила счет у официанта и быстро в него заглянула.

– Перестань, я заплачу.

– Не надо, – Карина достала пятьсот рублей и положила в книжечку.

– Тебя подвезти? – спросил Антон, когда они вышли из ресторана.

– Нет, я хочу пройтись.

Она развернулась и легко пошла по тротуару. Он долго смотрел ей вслед, пока ее белое платье не исчезло в толпе. Добрел до машины и повернул ключ зажигания. Чувствовал себя отвратительно. Так, словно предал лучшего друга. И напрасно пытался уговорить себя, что Карина всего лишь бывшая одноклассница, в которую он когда-то был влюблен. Мысль о том, что Карина больше не захочет его видеть, причиняла боль. «Счастливцев этот Лычкин», – пробормотал Антон, испытывая неожиданное для него чувство ревности. После звонка одноклассницы Антон размечтался закрутить с ней роман, надеясь, что с годами она стала сговорчивее. Ну, где там?! Все досталось какому-то лоху.

Глава 14

Щербаков нервно постукивал пальцами по столу, с тоской посматривая на гору скопившихся бумаг. Вся активность куда-то улетучилась. Работа вызывала раздражение. Вчера после ужина смотрели с Галинкой «Вечное сияние чистого разума». Ситуация, произошедшая с героями, напоминала происходящее с Лычкиным и бывшей чемпионкой. Андрей просмотрел фильм на одном дыхании и порадовался за героев, отстоявших свою любовь и свои воспоминания. Прототип его самого в фильме тоже просматривался. Только в отличие от него главный герой совершил то, что сам Щербаков только собирался. Андрей залюбовался задремавшей Галинкой. «Я сделал это для тебя», – мысленно сказал он, но тот, кто сидел внутри него, вовсе не желал быть уговоренным и обзывался трусом. Щербаков застонал и пошел к бару. Янтарная жидкость в пузатом бокале и нескончаемый разговор с самим собой. Как быть? Что делать?

– Ах ты, пьянчужка, – засмеялась Галя, открыв глаза. – Неприятности на работе?

– Да, – Щербаков положил голову жене на колени, и она принялась гладить его по волосам, бормоча смешные детские фразы, которые всегда действовали успокаивающе.

Утром, раздавая листовки у метро, Андрей сам себе был противен. Куда только подевались его неиссякаемая уверенность и легкость в общении? Заученные и отрепетированные перед зеркалом фразы с трудом шли с языка.

При разговоре с очередным кандидатом не мог смотреть в глаза. Результат оказался налицо: ни один человек не заинтересовался его предложением.

От мыслей, как поднять статистики, о которых каждый день напоминал Караев, отвлек стук в дверь. Щербаков пригладил волосы, сел ровно и крикнул «входите». На пороге появились Лычкин и Эвелина. Евгений вглядывался в сидящего перед ним человека, пытаясь найти что-нибудь знакомое, но никаких картинок в памяти не возникло, кроме той, что этот молодой мужчина разбудил его после процессинга, не возникло.

– Присаживайтесь, Евгений, – Щербаков кивнул на стул и улыбнулся Эвелине. – Не возражаете, если мы с вашим мужем побеседуем наедине?

– Конечно, нет, – девушка вышла.

– Эвелина говорила, что вы руководитель проекта, – начал Евгений.

– Совершенно верно. И вы, Евгений – очень смелый человек, потому что приняли важное решение изменить свою жизнь. – Заученные фразы выкатывались из рта Андрея без особого напряжения, если не смотреть в тоскливые глаза сидящего перед ним человека.

– Это я знаю. Объясните, что со мной случилось?

– Видите ли, особенности мозга изучены не до конца. Что-то пошло не так, – Щербаков развел руками, – и ваши воспоминания оказались заблокированными. Но мы постараемся помочь вам.

– Да вы хотя бы понимаете, что я чувствую?! Все, что я знаю, знаю со слов Эвелины, которая утверждает, что она моя жена. Где мой паспорт, мои документы? Где я живу, в конце концов? Почему я должен вам верить?

– А зачем нам вас обманывать?

– Вдруг вам это выгодно?

– Да вы что себя миллионером вообразили! – разыграл возмущение Щербаков. – Наверно, Эвелина вам рассказывала, что вы, осознав себя неудачником, пришли к нам в центр, чтобы мы это исправили.

– Исправили?! И кто я теперь? Я требую, чтобы мне отдали документы и выпустили отсюда. Ваш центр напоминает психушку. Я по доброй воле сюда прийти не мог.

Щербаков начал терять терпение. Ну почему с этим Лычкиным все время возникают проблемы? И откуда после стирания у него взялась эта агрессивность? Процедура, которой подвергся Лычкин, применялась в центре несколько раз по просьбе VIP клиентов к людям, которые, вставляли у них на пути. Что случилось потом с этими «стертыми» никто не знал. Шеф как-то обмолвился, что они стали пациентами одной из неврологических клиник. Вот и Лычкин допрыгается когда-нибудь. Андрей добавил сладости в голос и попробовал мирно уладить проблему.

– Давайте попробуем посмотреть на случившееся с другой стороны. Вместе с хорошими воспоминаниями пропало много плохих, которые отрицательно влияли на вашу жизнь. Уверен, миллионы людей согласились бы оказаться на вашем месте, чтобы иметь уникальную возможность начать все заново. Взять такой простой пример, как супружество. Мужчина вашего возраста имеет, как

правило, от десяти до пятнадцати лет брака с одной женщиной, которая к этому времени уже стала подобно – извините за банальность – прочитанной книге. Заранее известно, как она поступит и что сделает в той или иной ситуации. Не говоря уже об интимной жизни, которая давно превратилась в привычку. Вы можете начать с нуля. Ваша жена Эвелина для вас новая женщина, которую вы встретили вчера.

Во время своей речи Щербаков не сводил глаз с подопечного, надеясь, что ему удастся его убедить, но Евгений выглядел раздраженным и недоверчивым.

– Знаете что, молодой человек, я вовсе не горю желанием начать все заново. Более того, я желал бы остаться один, чтобы обдумать свою дальнейшую жизнь.

– Но как же так? Эвелина...

– Вы так часто упоминаете о ней, что я убежден: вы в сговоре. Если бы она долгие годы была мне близким человеком, я бы это почувствовал здесь, – Евгений приложил руку к груди. – Несмотря на стертые воспоминания.

– Однако, вы сентиментальны, – скептически заметил Андрей, почесывая подбородок. Он совершенно не знал, что делать дальше. Со времени знакомства Лычкин появлялся перед ним в трех ипостасях. Сначала это был побитый жизнью неуверенный мужчина средних лет с пивным брюшком и мешками под глазами, потом, наоборот, способный пройти через огонь и воду, подчиняющий себе жизнь, победитель, и вот сейчас перед ним сидел отличный от этих двоих человек, которого не назовешь, ни лузером, ни виннером, да и, вообще, охарактеризовать трудно. Он стал недоверчив, подозрителен и по странной случайности очень внимателен.

– Довольно болтовни. Верните мне мои документы, и я покину ваше заведение немедленно.

– Но у нас нет ваших документов. То есть когда-то они у нас были, но вы забрали их с собой после программы. – В той квартире, которую вы снимали с Эвелиной, ваших документов нет.

– Может, мне стоит самому убедиться в этом?

– К сожалению, дело обстоит так, что мы, как люди ответственные, не можем отпустить вас на улицу в таком состоянии.

– Вы меня запрете? – нахмурился Лычкин.

– Евгений, будьте же благоразумны. Человек, который ничего не помнит и к тому же не имеет ни денег, ни документов тут же попадет в беду. В первую же ночь, которую вы проведете на скамейке, станете добычей нашей доблестной милиции, которая посадит вас за решетку до выяснения личности. Или другой вариант – вас отправят в психушку. Знаете, сколько там таких, страдающих амнезией?

Минуту Евгений раздумывал, потом обхватил голову руками. В словах уверенного молодого человека присутствовала логика. Потеря памяти пугала

его самого. Разговор измотал его, яркий свет дневных ламп резал глаза, и сейчас ему хотелось только одного – лечь и уснуть.

Состояние подопечного не ускользнуло от Щербакова.

– Думаю, лучше всего вам будет отдохнуть. Как только к вам вернутся силы, мы еще побеседуем.

Не в силах спорить, Евгений с трудом поднялся со стула и вышел из кабинета. Сидевшая в кресле Эвелина подскочила и взяла под руку. Ее теплая ладонь показалась неожиданно приятной. Он послушно шел с ней по бесконечным коридорам с белыми дверями, как в больнице. Сейчас он вовсе не испытывал желания остаться один. Пусть она даже и не жена, все же живой человек рядом.

На столе у Щербакова зазвонил стационарный телефон.

– Зайди ко мне! – властно прозвучал голос Караева в телефонной трубке.

«Шеф желает знать, как прошла беседа с Лычкиным», – подумал Щербаков, вставая со стула и машинально приглаживая волосы. Вышагивая по коридору, придумывал обтекаемые фразы, позволяющие не выдать своих опасений состоянием подопечного.

В кабинете на стуле напротив Караева сидел рыжеволосый молодой человек со светло-зелеными глазами.

– Представляю тебе твоего помощника: Федосеева Сергея, – с нажимом в голосе начал Константин. – Будет специалистом по связям с общественностью. В связи с последними событиями поток клиентов иссяк, и эта область требует срочной коррекции.

Молодые люди оглядели друг друга, словно противники в игре. От внимания Андрея не ускользнуло, что в глазах нового сотрудника промелькнула некая беспощадность, и он тут же подумал, что, может быть, уже подспела его замена. И еще мелькнула мысль, что этот «рыжик», как он окрестил его про себя, вряд ли будет жалеть людей, которым предстояло промывание мозгов.

– С завтрашнего дня Сергей будет работать на раздаче листовок. Первый раз пойдешь с ним, чтобы показать, как это делается.

– Хорошо, – кивнул Щербаков, испытывая облечение от того, что теперь ему не придется стоять в пыльном переходе.

– Ты, – холодные глаза Караева остановились на своем помощнике, – возьмишь списки и прозвонишь всех потенциальных клиентов. Все твои разговоры будут записаны и прослушаны с целью выработки оптимального подхода к клиенту. Тебе все понятно? – Щербаков кивнул.

– Оба свободны!

Молодые люди вышли, а Караев откинулся в кресле, подумав о другом направлении деятельности, где дела обстояли гораздо лучше. Благодаря постоянно меняющимся пристрастиям членов правительства и бизнесменов,

клиенты, а точнее, клиентки, появлялись в его офисе постоянно. Константин получал коротенький звоночек, а после стирания памяти надоевшей жене или любовнице, на его счет падала кругленькая сумма. Подобная работа, хотя и приносящая постоянный доход, казалась неинтересной. Караева не покидало желание переделать мир, заселив его людьми способными и уверенными себе. К тому же лузеры приносили солидное приданое.

Константин подошел к бару и, плеснув в пузатый стакан виски, предался воспоминаниям. На гребень успеха основателя виннерского клуба вознесло два события. Сначала появился Дружинников со своим изобретением. Ученый безуспешно пытался продать машину. Караев сразу оценил, какую выгоду можно извлечь, если грамотно подойти к делу. Произведя опыт на себе, пришел в полный восторг, которого не высказал. Почувствовав, что у Дружинникова дела идут плохо, купил прибор по дешевке и финансировал новое исследование ученого по записи воспоминаний. Вскоре ученый смог исполнить давно лелеемую мечту уехать в Германию, а Константин открыл свою фирму «Дотянись до успеха». Раскрутка шла тяжело, давать широкую рекламу боялся. И, возможно, все и заглохло бы, если бы на приеме он не познакомился с подвыпившим депутатом, встречающемся с восемнадцатилетней девушкой. Постаревшая жена скандалила и требовала разрыва. Константин сказал, что попробует помочь и рассказал о приборчике. В пресыщенных глазах государственного служащего появился неподдельный интерес. Он пьяно стукнул по столу кулаком.

– Стереть ее к такой-то матери!

Они благополучно подправили жене мозги и после медицинского освидетельствования отправили в частную клинику для умалишенных за границу, а депутат незамедлительно привел следующих клиентов. Константин вовсе не удивился, когда депутат появился снова. Менялись женщины, проблема оставалась: каждая хотела быть единственной и любимой. Подобные желания обходились женщинам очень дорого.

Константин Борисович потянулся. Последние несколько лет он чувствовал себя уверенно. За его спиной стояло государство, но, как человек предприимчивый, к тому же ненавидящий людей, а потому ожидающий от них всяких пакостей, очень хорошо подготовился к всевозможным неожиданностям. Никто не знал, что машина умела не только стирать воспоминания, но и сохранять. На специальных дисках в огромном сейфе хранились воспоминания клиентов. Караев подошел к шкафу, стоящему в углу его роскошного кабинета и усмехнулся. Можно все отыграть назад, а можно перепутать воспоминания и сделать из Кати Машу. Так что он очень хорошо подготовился. Напрасно думают власть имущие, что это они правят миром. В любой момент можно «вылечить» от амнезии их бывших жен, вернув им воспоминания. Королем был он, Константин Караев. А все остальные – только пешки. Именно поэтому он не останавливался, а продолжал набор новых лузеров, становившихся потом дешевой рабочей силой. Отчисления из их

зарплаты – он в шутку называл их «налоги на успех» – поступали на специальный счет. На каждого лузера была заведена папка с прикрепленным к нему диском, фотография, старый паспорт, тетрадка с информацией о стертых людях, записанная им самим же. Караеву вдруг захотелось открыть тетрадь Лычкина. Все-таки, что ни говори, но он был занозой. До сих пор все проходило по плану. Директор «Дотянись до успеха» подошел к сейфу и набрал комбинацию символов.

В дверь заглянула Ира. Губы, накрашенные яркой блестящей помадой, улыбались призывно и нагло.

– Могу я сегодня уйти пораньше?

– После того, как найдешь мне файл Лычкина.

– Лычкина? – на лице девушки появилось подобие сосредоточенности. – Если его нет в сейфе, спрашивайте у Щербакова. Все, что мне передали, я убрала на место. – Она приблизилась к Караеву, обдав его сильным запахом цветочных духов.

– До конца рабочего дня еще два часа.

– Мама сломала руку. Надо приготовить обед...

Караеву захотелось ее ударить. Потрудились бы придумать что-то новенькое. Судя по количеству переломов у ее матери должно быть с десяток рук. Давно уволил бы Ирку, но она вытворяла такие вещи, от которых любая проститутка пришла бы в ужас.

– Соедини меня с Щербаковым и можешь проваливать.

Девушка повернулась спиной и протопала на высоких каблучищах к столу. Вызывающие красные босоножки в цвет лака на ногтях. Половинки ягодиц вываливались из коротеньких белых шортиков. Он почувствовал желание, возрастающее с каждым шагом. Схватил ее в тот момент, когда девушка тянулась к телефону, и грубо прижал к столу. Тихим шелестом рассыпались бумаги.левой рукой с трудом сдернул, словно вросшие в тело шортики, сдвинул полоску белых трусиков. Ирка взвинула и тяжело задышала. Еще один момент, который устраивал: девушка любила быстрый и жесткий секс. Караев кончил после нескольких фрикций, но она успела догнать его своим оргазмом. Константин в который раз подумал, что Ирку невозможно изнасиловать по причине ее полной готовности.

Девушка повернулась к нему.

– Люблю быстроту и натиск. Теперь я могу быть свободна?

Константин не удержался и ударил ее по щеке.

– Шлюха. В следующий раз, когда надумаешь отпроситься, придумай что-нибудь новенькое.

Ирка натянула шортики, на лице играла улыбка. Караев был уверен, что пощечина только улучшила ее настроение. Чертова баба любила, когда ее называли шлюхой. Она одевалась, как шлюха, вела себя, как шлюха. На

гладком загорелом теле никогда не оставалось синяков. Вот и сейчас розовая полоска от его руки таяла на глазах.

– С Щербаковым соединить? – игриво спросила она.

– Пошла вон, – Караев вышел из кабинета и направился в туалет привести себя в порядок. Каждый раз после таких сношений, Константина не покидало ощущение, что это не он поимел Ирку, а она его.

Когда вернулся, Иры уже не было на рабочем месте. Налил себе виски, чтобы успокоиться и, набрав внутренний номер Щербакова, рявкнул в трубку.

– Где файл Лычкина?

Андрей почувствовал, что покрылся потом. С тех пор, как Караев вернулся, он так и не решился рассказать ему, что, поддавшись слабости, отдал паспорт и тетрадку Лычкину. Впрочем, последнее время неприятностей было так много, что страх поулегся.

Запинаясь, поведал об этом шефу и тот, обозвав его ублюдком, бросил трубку. Щербаков взъерошил челочку и провел рукой по вспотевшему лбу. «Кажется, пронесло». Из всех документов у него остался диск с воспоминаниями Лычкина, который он зачем-то отнес домой.

Глава 15

За неделю Карина так и не смогла ничего придумать, только измучилась. Обратилась еще в парочку детективных агентств, но в одном на нее посмотрели, как на сумасшедшую, а в другом объявили такую сумму, которой, даже если использовать все их с Дмитрием совместные сбережения не собрать. Сашеньку снова увезли на дачу, нахождение дома превратилось в ад. По дороге с работы Карина быстро перекусывала, чтобы ускользнуть в детскую и лечь на диван с книжкой. Пыталась читать, но редко какая страница могла надолго задержать ее внимание. Мозг упорно продолжал работать над решением проблемы, как вытащить Женю. Как-то появилась бредовая мысль об изменении внешности для того, чтобы пробраться в виннерский клуб, но операция стоила денег, которых не было.

Решение появилось, когда Карина поехала в ателье, где шили костюмы для учеников. В подземном переходе на Пушкинской молодой человек с рыжими волосами раздавал листовки.

– Измените свою жизнь к лучшему!

Карина, сделав вид, что рассматривает цветы, замерла на месте.

– Перестаньте быть лузерами! – бодро вещал юноша. – Не упустите свой шанс и пройдите специальную программу!

Больше Карина не сомневалась. Именно так Женя описывал ей, как попался. Вот только теперь там вместо Щербакова стоял другой парень в белой наглаженной рубашке с галстуком. И это несмотря на жару. Подошла.

В руках тут же оказался зеленоватый листок бумаги. Прочитала адрес: метро Белорусская, Грузинский вал, дом пятнадцать.

– Давайте я вас запишу вас на собеседование, – в руках молодого человека мгновенно появилась планшет с ручкой. – Фамилия, имя, отчество? – Карина заметила, как замерла ручка над листком бумаги, на которой уже были вписаны чьи-то фамилии. Как Женя мог так легко попасться? Впрочем, он упоминал, что после собеседования был расстроен. – Не сомневайтесь, после прохождения нашей программы жизнь изменится к лучшему.

Карина пришла в себя:

– Я даже представляю как, – многозначительно заметила она. – Что произошло с вашим коллегой, который стоял тут раньше?

– Вы имеете в виду Андрея Щербакова? Если желаете, я могу записать вас к нему на консультацию. Это не имеет значения.

– Подумаю, у меня есть адрес, – помахивая бумажкой, Карина отошла, тут же услышав за спиной жизнерадостный голос.

– Не оставайтесь лузерами!

Бережно сложила бумажку вдвое и положила в кошелек. Вдохнула, вновь подумав, что пластическая операция могла бы помочь. Увидев подходящих учеников Катю и Сережу Васнецовых, направилась к ним. Длительная примерка и болтовня подопечных отвлекли от постоянных мыслей. Позже они вместе поехали на каток.

Телефон зазвонил, когда они разучивали программу.

– Карина Рафаэлевна, – голос показался ей слишком молодым, и она пару секунд помедлила с ответом, пытаясь понять, кто это. Слух у нее был абсолютный.

– Да это я, – наконец ответила она, понимая, что не может узнать звонившего.

– Меня зовут Максим. Ваш телефон дал мне Евгений Владимирович.

– Правда? – сердце в груди Карины заколотилось. – Вы оттуда?

– Я их сосед.

– Сосед?

– Ну, сосед по дому. – Он дал мне ваш номер.

– То есть вы сосед по дому на улице Юных Ленинцев? – уточнила Карина.

– Да. Он заходил ко мне, спрашивал про Асю. Я тут узнал кое-что. Вы не подскажете, как с ним связаться?

– Боюсь, не получится. Он... уехал. Надолго. Но вы можете рассказать все мне.

– Информации немного. Ася жива, здорова, также как и его жена. Живут они в Калуге у родственников. – Он помолчал, а потом с гордостью добавил: – У Аси свой бизнес.

– Погодите, – перебила его Карина. – Ей же всего четырнадцать.

– И что? Сейчас многие уже в школе зарабатывают, если мозги есть. Ася новую игру придумала и продала какой-то фирме. На полученные деньги

арендовала будку, которая квасом торгует. Месяц сама поработала, потом мать посадила, а сама дома сидит новую программу пишет. Ей та фирма заказ дала.

– Надо же, какая умница! А Женя боялся, что они бедствуют.

– Да нет, у них все хорошо. Так что привет ему передавайте, если что.

– Но как вам удалось это выяснить?

– Тетя Майя – ну, жена Евгения Владимировича – моей матери звонила. Собираюсь на выходные съездить в Калугу, с Асей пообщаться.

Карина осмысливала полученную информацию. Знали бы они, какая беда с Женей приключилась. Но вряд ли стали ему помогать. Скорее всего, разозлились из-за квартиры.

– Максим, позвони, когда с Асей поговоришь, ладно?

– Ладно.

Карина занесла номер Максима в записную книжку мобильного телефона и вернулась к работе. Ребята, тренировавшиеся на льду, были у нее самыми любимыми. Маленькая, с длинными волосами, которые собирали в высокую прическу на соревнованиях, Наташа и высокий и сильный Сергей. Между ними уже зарождалась любовь, которой они еще не осознавали. Когда замолкли последние аккорды аргентинского танго, партнер нагнулся и поцеловал Наташу в щеку. Девушка, опустив голову, засмушалась, а потом, поймав Каринин взгляд, шутливо присела в реверансе. Раскрасневшиеся и довольные собой ребята подъехали к Карине, и ей пришлось выкинуть из головы все мысли, чтобы указать на ошибки и похвалить. Обязательно похвалить, такое было у Карины правило. Ее ученики должны быть уверены в себе.

Во время пятнадцатиминутного перерыва, она снова принялась размышлять об Асе. Надо же какая умница, программы пишет. Карина с компьютером не дружила, и он платил ей тем же. У нее постоянно открывались какие-то окна, терялась информация и прочее, а уж о том, чтобы заставить компьютер плясать под свою музыку, как она шутливо называла программы, и подумать было страшно. После того, что она узнала, ей стало легче и еще больше захотелось поделиться с Женей. Потерла лоб: новость хоть и положительная, никак не приближала к цели подобраться к клубу виннеров. Заметив входящего Олежку с бабушкой, бывшая чемпионка приветливо улыбнулась, и рабочий день продолжился, как обычно.

Проснувшись, Евгений обнаружил Эвелину рядом. Одета в шелковую ночную рубашку на плечиках, молодая женщина спала, подложив руку под щеку. Воспользовавшись моментом, Лычкин впился взглядом ее лицо. Ухоженные дугообразные брови, длинные ресницы, прямой нос с маленькой горбинкой и полные розовые губы. Очень светлая кожа, на правой щеке две маленькие родинки. Эвелина повернулась, одеяло съехало набок, приоткрыв женское тело в слишком сексуальном для обычного сна белье. Разглядел ее всю от ухоженных ногтей на пальцах ног, покрытых алым лаком, до пушистых

светлых кос, разлегшихся на подушке двумя змейками. «Она безусловно красива, но я не чувствую, что когда-либо мог желать эту женщину», – подумал Лычкин. Снежные королевы не были в его вкусе. Стараясь не разбудить девушку, встал с постели. Хотелось побыть одному. В ванной плеснул в лицо холодной воды и продолжил осмотр жилища. Раздвинув коричневые шторы, увидел стену. Здравствуй, мир без окон и без воспоминаний! Лычкин наскоро натянул аккуратно сложенную на стуле одежду: черную футболку с улыбающейся рожицей и синие джинсы фирмы Коллинз, сложенные на стуле. Он что, всегда был таким аккуратистом? Хотя возможно та, которая назвалась женой, приступила к обязанностям ухаживать за супругом. Интересно, его ли это одежда? Возможно, нет, но шмотье подходило по размеру. На всякий случай заглянул в шкаф и ... замер. На вешалках только женские платья, блузки, юбки и пара брюк. Захлопнул дверцу и, убедившись, что Эвелина еще спит, выскользнул из комнаты в коридор, суммируя полученные сведения. Он не почувствовал желания к женщине, рядом с которой проснулся, не обнаружил своих вещей и не смог найти окон. Единственный вывод, поступивший в пульсирующий от кажущейся бесконечной, но уже тупой боли, мозг заключался в том, что его обманывают. Дверь тихо хлопнулась. Евгений осмотрелся. Зеленоватые стены коридорной кишки уходили в обе стороны. Инстинктивно выбрал левое направление, проходя мимо комнат с уменьшающимися номерами, опасался, что оттуда кто-то может появиться.

Так уж получилось, что возникшие в новой жизни люди доверия не внушали. Кишка вылилась в просторное помещение с небольшим белым экраном. Кинотеатр? Выстрелившее в памяти слово заставило Евгения задуматься. Вспомнился фильм «Девять ярдов». Ага, оказывается, некоторая память имеется.

Пара десятков круглых столиков, небольшая сцена, на которой царственно возвышался рояль. Умею ли я играть? Забрался на сцену и откинул коричневую крышку. Бело-черный ряд клавиш вызвал у Евгения неотвратимое желание погладить их пальцами. Опустился на табурет. Печальные звуки ноктюрна Шопена заполнили помещение. Оказывается, музыкой он когда-то занимался. Доиграв до конца, хлопнул крышку и спустился со сцены. Новое знание подарило надежду. Навыки и умения остались. Значит, не все так уж и плохо. Евгений двинулся дальше, внимательно глядя по сторонам. Отвратительный дневной свет наполнял зеленоватую кишку с рядом зубов, на которых значились цифры. Первый номер заставил мужчину встрепенуться. Перед ним по левую руку зал, за столиками сидели люди и что-то ели. Лычкин вошел и замер, неприлично, заглядевшись на поднос, который нес рыженький парень. Яичница-глазунья, кофе с молоком, белый хлеб.

– Завтрак! – машинально произнес Евгений, почувствовав чувство голода.

– Это не завтрак, – отозвался рыженький, – даже сосисок нет.

– Я бы съел яичницу, – сказал Лычкин.

– Ты что, новенький? Иди и возьми, – парень кивнул в сторону, где на полках располагались тарелки. – Платить не надо. – Лычкин отправился в указанном направлении. Чувствовал, что попал в очень знакомое место. Он мог бы приготовить любое блюдо из того скудного набора, что были здесь представлены и сказать сколько потребовалось бы продуктов. Машинально взял первую попавшуюся тарелку и уставился на нее. Итак, чтобы приготовить салат на сто человек потребуется пять килограмм соленых огурцов, шесть кило картошки, мяса можно положить поменьше. Еще морковь, консервированный горошек. Появившаяся у стойки девушка в белом колпаке, из-под которого торчала густая темная челка, застала Лычкина врасплох.

– Жень, привет! Яичницу будешь?

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Ты че? Забыл? Не появлялся месяца три и все?

– То есть мы знакомы?

– Не могу сказать, что близко, но...

– Ты меня знаешь?

– Я знаю, как тебя зовут и это все. – Девушка обиженно скривилась. – Разве твоя Эвелина даст кому-нибудь с тобой поболтать?

Предохранитель в мозгу Лычкина щелкнул, он почувствовал, что мозг раскалился, а разгадка приблизилась.

Лычкин оставил поднос и заметался в поисках входа на кухню. Девушка с челкой накладывала салат на желтые тарелки.

– Что-то не так с оливье, – заметил Женя, глядя на нее, словно от ее ответа зависела вся жизнь.

– Колбаса тухлая, – бросил проходящий мимо парень в фартуке.

Лычкин не услышал ответа, вертя головой во все стороны. Запахи, звуки, действия персонала, кроме Челочки, здесь еще работали два парня, казались удивительно знакомыми. Даже жара была привычной. Вытер пот со лба и почувствовал себя дома.

– Не обманули! – радостно заметил он.

– О чем ты? – нахмурилась девушка.

– Слушай, ты можешь выйти минут на двадцать, разговор есть?

– С ума сошел? Статистики упали! Денег ни на что не хватает после всех этих вычетов. И какой же я виннер? Живу в келье, пашу в столовой и даже чаевых никто не дает.

– Как тебя зовут?

– Ну ты даешь! Совсем зазнался. Или у тебя амнезия?

– Вроде того.

– Катя меня зовут. Ка – тя! – на всякий случай произнесла по слогам девушка.

– Женя.

– Я помню, что ты Женя. Нам даже ставили тебя в пример. Ты директор ресторана, у тебя и твоей сожительницы все о кей, в отличие от некоторых.

– Эвелины?

– Ну а кто еще? Если есть другая, я об этом не знаю, – Челочка вытерла лоб и уже дружелюбнее посмотрела на Лычкина. – Так и бывает: мужики выбирают высоких и худых, а женщины с формами, – девушка достаточно артистично провела рукой по крутым бедрам, – остаются одинокими.

– Катя, ты красивая.

– Говори-рассказывай. Я красивая, но жить ты будешь с другой в приличных условиях, а я задохнуться на одноместной койке без любви и целыми днями впахивать здесь. И, вообще, не мешай мне. Как ты сюда попал?

Лычкин вышел. Информацию, которую выплеснула Катя, следовало обдумать за завтраком. Пока разговаривал, яичница закончилась, осталась только каша. Взял тарелку, нашел свободный столик. Машинально положил ложку в рот и еле заставил себя проглотить густое варево. Отодвинул тарелку и, заметив автомат с кофе, налил себе чашку капучино. Потягивая вполне приличный напиток, наблюдал за Катей. Надо как-нибудь поговорить наедине. Сегодня он узнал две вещи: он умеет играть на пианино и работать на кухне. Директор ресторана? Вполне возможно. Выйдя из столовой, наткнулся на Эвелину. Волосы кое-как собраны, на испуганном лице полное отсутствие макияжа. Впрочем, без косметки она выглядела моложе.

– Куда ты делся? Я проснулась, а тебя нет.

– Вышел прогуляться, – с досадой заметил Женя, понимая, что Эвелина больше не отцепится. – А что ты так перепугалась?

– Но ведь ты нездоров, – она по-хозяйски взяла его под руку. – Ты уже позавтракал?

– Если то, что здесь подают, можно назвать завтраком, то да.

– Пойдем домой, я приведу себя в порядок, и мы выпьем вместе кофе?

– Ладно, – согласился Лычкин, решив не вызвать подозрений. Снова пригляделся к девушке, включая на полную мощность единственное чувство, которому доверял. Интуиция завопила, что она ему не жена.

В комнате Эвелина приняла душ и нарядилась. Потом подошла к нему в светлом платье с незастегнутой молнией на спине. Призывный взмах пушистых ресниц?

– Поможешь?

Лычкин взял замочек, пристально разглядывая спину девушки. Две родинки по бокам от позвоночника показались удивительно знакомыми. Быстро застегнул молнию до конца, от волнения, захватив светлую прядь волос. Эвелина пискнула, он извинился за неловкость и сделал вывод: скорее всего, она была его бывшей любовницей, потому что такое чувство могло возникнуть только по отношению к надоевшей женщине. День только начался, а открытий было уже так много, и Катя, наверно, может ему помочь. Надо только усыпить бдительность Эвелины, чтобы встретиться с ней. Оказывается, кроме него, здесь тоже есть недовольные. Улыбнулся. К Челочке он чувствовал искреннюю симпатию.

Глава 16

Карина с трудом заставила себя дождаться понедельника, чтобы узнать, видел ли Максим Асю. Молодой человек снял трубку после первого гудка, голос звучал отрывисто, словно, ему помешали.

– Здравствуй, Максим. Это Карина, – женщина не стала добавлять отчество.
– Хотела узнать, съездил ли ты в Калугу.

– Здравствуйте. Не могу говорить, занят. перезвоню позже.

Карина ругнулась. Вот ведь, не мог просто сказать, ездил или не ездил. У молодежи всегда так. Они сильны во всякого рода технике, но что касается общения, деградируют. Бросил бы пару слов, вроде: нашел Асю, поговорили, подробности позже. Или Асю не видел, тогда и разговору конец. Бывшая чемпионка вошла в раздевалку и, открыв свой шкафчик, вытащила салатовые брюки и такую же куртку. Сняла платье через голову. Большое зеркало на стене отразило ее спортивную фигурку. Кажется, за последнее время она похудела, ушли складочки на животе, которые ей так не нравились. Внезапно зазвонивший телефон подал надежду, что ожидания не понадобятся. Натянула футболку с длинными рукавами и взяла трубку.

Максим сказал, что на выходных видел Асю. Карина затаила дыхание. Оказалось, что встреча прошла хорошо, а когда заговорили об отце, девушка расплакалась и призналась, что скучает и хотела бы с ним встретиться. В свою очередь Карине пришлось поведать Максу о неких неприятностях, произошедших с Лычкином, о которых неудобно говорить по телефону. Молодой человек предложил встретиться в Макдональдсе на Пушкинской в семь вечера. Карина не стала спорить, хотя и понимала, что это не самое лучшее место для серьезного разговора. Возможно, у парня нет денег, а заведение он и может себе позволить.

Проходя по переходу от метро, Карина услышала знакомые слова:

– Не проходите мимо! Измените свою жизнь!

Вздрогнула и заметила того же самого рыженького парня с листовками. На всякий случай снова взяла предложенную листовку и, не вступая в разговор, направилась к закусочной.

Из Макдональдса доносился характерный запах. Здесь, как всегда, былолюдно: маленькие дети, выпрашивающие хэппи милы, школьники, студенты. Все гомонили, жевали булки с котлетами. За прилавком деловито суетились молодые ребята в униформе, то и дело, выкрикивая «свободная касса». Убедившись, что Максима внутри нет, вышла на улицу. Оказалось, они разминулись, и молодой человек уже устроился за столиком и с аппетитом, присущим молодости, поедая двойной чизбургер. Видимо, пришел пораньше,

чтобы успеть перекусить. Парень произвел на Карину приятное впечатление. Спускающаяся на лоб челка, мягкие русые волосы, мелковатые, но приятные черты лица. Поздоровавшись, Карина отправилась за коктейлем. Макс уже расправился с чизбургером и потягивал кока-колу, когда она вернулась. Столик располагался в тени в отдалении от других, что придавало некую уединенность. Карина сделала глоток холодного ванильного коктейля и начала свой рассказ. Так же как и от бывшего одноклассника, почти ничего не утаила. Кроме факта существования близких отношений. Максим слушал внимательно, время от времени, прихлебывая колу. Серые глаза с длинными ресницами отрывались от ее лица лишь изредка, когда он хотел что-то обдумать. Прервал он ее один раз, когда Карина упомянула про парня, раздающего листовки.

– О, так я видел его, мы даже поговорили, – Максим порылся в кармане брюк и положил на стол зеленый мятый листочек. – «Дотянись до успеха». Разводка чистой воды. Как дядя Женя мог так влипнуть? Он же взрослый человек.

– Взрослые тоже ошибаются. В тот момент Евгений искал работу. – Карина с досадой махнула рукой. – Ну, в общем, просто поверь, что у него было трудное время.

Макс кивнул.

– Все бывает. При нашей встрече он выглядел как никогда раньше. Подтянутый, уверенный в себе. Неужели на самом деле возможно так измениться?

Карина кратко рассказала о том, что знала.

– Организация находится под покровительством правительства? – в глазах Макса светился неподдельный интерес, перемешанный с недоверием.

– Понимаю, в это сложно поверить, но...

– Но это же интересно. То есть можно взять память любого чела, стереть ее, а на чистое место записать память другого чела. И что в итоге получится?

– Ничего хорошего, человек теряет свою индивидуальность и, вообще, не знает, кто он такой.

– Но это же открытие! – парень казался восторженным. – Знаете, меня всегда интересовало устройство мозга, память и все такое... Я столько книг прочитал об этом.

Карина коротко кивнула. Радость Макса раздражала, и он тут же это почувствовал.

– Извините, увлекся, – он вскочил. – Если парень еще там, я хочу переговорить с ним.

Карина сделала несколько глотков коктейля, глядя по сторонам. Максим вернулся достаточно быстро.

– Ничего не смог узнать! – заявил он. – Мне так и не удалось его расколоть. Твердит, как заведенный: запишитесь на собеседование, запишитесь на собеседование. Ну, записался на завтра. На двенадцать.

– Зачем?

– Сделаю вид, что хочу стать этим виннером. Надо только подготовиться.

По чистой случайности Макс собрался сделать то, что не могла, но хотела бы сделать она сама. Все оказалось так просто. Внезапно зашевелившийся червячок тревоги заставил спросить:

– Ты делаешь это из-за Аси?

– Не только. Хотя и из-за неё тоже. Есть и другой интерес. Я учусь в МГУ на журналиста. За лето надо раскопать что-нибудь интересное и статью написать.

– Ты должен быть осторожен, это опасно.

– Думаете, они сотрут меня?

– Вовсе не исключено.

– Как бы ни так?! Я выведу их на чистую воду. Послушайте, а дядя Женя сейчас в этом центре?

– Надеюсь, – Карина старалась не вспоминать слова Антона о том, что потерявший память человек – кандидат в психушку. – Как ты думаешь, Ася до сих пор любит отца?

– Конечно. Сколько бы мать ей не твердила, что он предал их, не хочет в это верить. Они раньше были очень близки. Я Асю с матерью-то почти не видел, все с отцом. Гуляли вместе, по магазинам ходили. Если я помогу ему вырваться оттуда, Ася, наконец, поймет, что у меня серьезные намерения.

– А это так?

Максим серьезно кивнул.

– Эта история для меня шанс проявить себя.

Они шли по Тверскому бульвару, разрабатывая план. Максим попробует обмануть машину, рассказывая историю своего друга. Как он влюбился в девушку, а та его бросила и прочее. Никакой информации о себе давать не будет.

Вдруг Карина остановилась.

– Боюсь, ничего не выйдет. Им нужны люди, которые владеют какой-нибудь недвижимостью. Заставляют написать доверенность, что ты согласен продать ее.

– Великие хитрецы! – усмехнулся Макс. – Есть у меня комната, бабушка оставила. Дарственную оформила. Родители против были, но бабушка меня очень любит. Говорит, хочет, чтобы у меня жилье было свое, когда женюсь.

– Но ты же понимаешь, что можешь потерять эту комнату.

Максим потер лоб.

– Могу, конечно. Но это не единственное мое жилье. Ася потеряла больше и то выжила. К тому же я всегда могу признать сделку недействительной.

– Интересно, каким образом, если ты, находясь в уме и здравой памяти, даешь генеральную доверенность на продажу.

– Ну я не совсем в уме. На учете в психдиспансере состою.

– Что ты сказал? – Карина даже остановилась.

Парень застенчиво улыбнулся.

– Родичи поставили. Мне когда шестнадцать было, я здорово влюбился. Предки всерьез наши отношения не воспринимали. Мол, школьная любовь, у кого не бывает. А потом Аленка залетела, и мать отправила ее на аборт. Я хотел, чтобы она родила, но она отца боялась. Да и не только в отце дело было: не хотела она с пузом в школе ходить. Переживала, что смеяться будут. Ну, я ее понимал, конечно. Мы сами еще дети были. Уверяла меня, что врач хороший. Мама нашла по рекомендации. Уехали на три дня в деревню, вроде как отдыхать, а вернулась мать одна. – Максим остановился, сглотнул. – Зарезал ее этот хороший. Я тогда на похоронах чуть не умер. Сначала думал, все выскажу матери, а потом увидел ее на похоронах и понял, что ей еще хуже. Вина-то на ней. Единственная дочь. После того, как Аленки не стало, жизнь для меня кончилась. Есть не мог, ночами не спал. Из комнаты не выходил. К себе никого не пускал. Только воду пил. Если бы родичи меня не трогали, я бы выкарабкался сам. Но они испугались, врача вызвали, а им только попадись. Так что я до сих пор на учете.

Карина молчала. Не зря ей показалось, что в глазах Максима притаилась грусть. И, вообще, глаза такие взрослые, внимательные, какие бывают у тех, кто через многое прошел.

– Ну а ты и расскажи им про это. Пусть сотрут. Зачем тебе эта боль?

– Нет. Это лучшее, что у меня было. Мы же понимали друг друга без слов. Она вся моя была. Вся без остатку. Я не хочу терять эти воспоминания. Я для них другую историю придумаю, не свою. Вот пусть ее и стирают. Аленка навсегда со мной.

– Ну а как же Ася? – не удержалась Карина.

– Ася мне нравится. Хочу, чтобы мы были вместе. С тех пор, как Алена погибла, уже четыре года прошло. Справился я с этим. Понял, что надо жить дальше. Это прошлое. Со мной все в порядке.

– Я вижу, – усмехнулась Карина. Рассудительный и спокойный парень никак не производил впечатления, что он пациент психоневрологического диспансера. Она может ему доверять. Максим сделает все возможное, чтобы вытащить Женю. Главное, чтобы сам не попался. Опасно все это.

– Телефон у тебя отберут, так что лучше оставь его дома, сделаешь вид, что забыл. А то вся информация попадет к ним в руки. И, прошу тебя, еще раз подумай. Мало ли что может произойти.

– Да, верно, я не подумал.

– Ну а как связь с тобой будем держать – не знаю.

– Вы за меня не переживайте. Со мной все будет в порядке. Я на месте ориентируюсь, как с вами связаться. Родичам скажу, что к другу на дачу поеду на пару недель, а там мобильник не берет. Лето ведь, они сами хотели, чтобы я из города уехал.

– Удачи тебе! – Карина протянула руку и ощутила его крепкое рукопожатие. Макс побежал в сторону метро, а она опустилась на скамейку на

бульваре и закрыла глаза. Разговор измотал ее. Хотелось немного посидеть на солнце и расслабиться. Неужели дело сдвинулось с мертвой точки?

В ожидании встречи с непокорным лузером, Караев пил газированную холодную воду, только что принесенную Ирккой. Сегодня вместо шортиков чертова девка надела короткую джинсовую черную юбку с кармашками и розовым поясом.

– Сука! Опять вырядилась.

Она призывно облизнула губы.

– Все для вас стараюсь.

Караев залез под юбку и ущипнул голые ягодички. Нормальных трусов девчонка не носила.

– Вали пока отсюда, не до тебя. Но без разрешения не уходи даже на обед.

– Константин взмок от вспыхнувшего вдруг желания. Сука, но как хороша. И еще в этих золотых босоножках. Ирка издала смешок и удалилась, виляя бедрами. На золотой ремешок попал лучик солнца, и он призывно сверкнул.

– А ну стой! – девушка обернулась через плечо. Хитрая усмешка маленьких зеленых густо-подведенных глаз.

– Что-нибудь кроме воды, Константин Борисович?

Запер дверь и повалил ее на ковер возле стола и моментально кончил. С последними конвульсиями почувствовал ее оргазм. В который раз пришел в недоумение. С другой бабой нужно полчаса стараться, а здесь... И ведь не притворяется, он явно чувствовал сокращения ее влагалища. Каждый раз хотел спросить, всегда ли она так быстро кончает или только с ним, но не решался. Вытер пот со лба и рывком поднялся, шлепнув ее по попе.

– Убирайся, шлюха!

Она быстро ускользнула, успев за несколько шагов до двери поправить юбку и заколоть волосы. Константин знал: первое, что сделает, когда придет, накрасит губы алой помадой, которая ему нравилась и которая ей так шла.

Внутренний телефон зазвонил и в трубке раздался томный голос Иры.

– К вам пришли Щербаков и Лычкин.

– Лычкин пусть войдет, а Щербаков мне не нужен.

Дверь распахнулась. Не здороваясь, мужчина сделал несколько шагов к столу, пристально разглядывая сидящего перед ним директора центра по улучшению жизни. Краем глаза отметил роскошный кабинет и картины на стенах.

– Садитесь! – кивнул Караев.

Евгений сел и отвел взгляд, удерживая в памяти лицо Караева, призывая на помощь интуицию. Человек напротив него казался опасным и вызывал неприязнь. С ним нужно быть настороже.

– Может, вы мне объясните, как со мной приключилась такая история? – спросил Лычкин с небольшим нажимом.

Константин сглотнул от удивления. Лузер осмелился не поздороваться и задать вопрос первым.

– Ну что ж, давайте побеседуем. Разбираетесь ли вы в том, как устроена память?

– Готов послушать, – Евгений уселся поудобнее, сфокусировав взгляд на старинных часах, висевших за спиной Караева.

– Дело в том, что за пределом сознания находится обширная область предсознания, скрывающая в себе много таинственного. По данным медиков только десять процентов ежедневного процесса мысли совершается сознательно, остальная работа мысли происходит неосознанно. – Лычкин нахмурился, что не ускользнуло от внимания Константина. – Сознательное мышление является вершинами скал, поднимающихся со дна океана. Мы словно находимся в темном лесу в беспросветную ночь, наши факелы бросают лишь незначительный круг лучей, вне которого лишь более широкое кольцо полутеней, а далее идет непроглядная тьма. Между тем, в этой тьме и полутенях, совершается громадная работа, и ее результаты, когда это нужно, вырываются в световой круг, именуемый сознанием. Память – это, прежде всего, одна из функций нашего предсознательного мышления. Громадная кладовая памяти находится в обширной области предсознания. От момента получения впечатления до момента его вторичного получения в поле сознания работают силы предсознания. Так получается и откладывается впечатление. Куда же оно откладывается? Не в область сознания, тогда бы оно было всегда перед нами, а в область предсознания между другими впечатлениями. Причем укладывается так старательно, что мы его иногда с трудом находим и может пролежать там годами, прежде чем в нем возникнет необходимость. Что происходит, если мы хотим вызвать какое-нибудь впечатление снова? Воля приказывает рабочим, занимающимся в этой кладовой, отыскать и вытащить на свет спрятанное впечатление. Чем тщательнее они научились прятать вещи и замечать их места, тем скорее при надобности они найдут то, что им нужно.

На лице Евгения отразилась растерянность, он явно потерял нить рассуждений в самом начале, чего и добивался Караев.

– Если говорить проще: ваши впечатления, то есть ваша память, никуда не делась, а находится в вашем подсознании, и если вы продолжите программу, то со временем все вспомните.

«Водит за нос», – подумал Лычкин, испытывая еще большую неприязнь к человеку напротив. Решил подыграть.

– Вы уверены? – спросил он.

– Конечно.

– Впрочем, вы наверно, правы. Вчера мне сказали, что я работал директором ресторана и, очутившись в столовой, обнаружил, что знаю, как готовить салаты, варить кашу и прочее.

– Отлично, – обрадовался директор виннерского клуба. – Значит, ваш вид деятельности уже определен. Пока мы не убедились, что вы достаточно

укрепи, чтобы продолжить процессинг, мы можем направить вас в столовую. Раз уж, она показалась вам такой знакомой. Конечно, не директором. Например, старшим поваром...

Лычкин чуть не подпрыгнул от радости. В столовой работает Челочка и туда приходит много народу. Прекрасное место для сбора информации. Но нельзя показывать этого. Здесь все враги.

– Можно было бы попробовать, – лениво заметил вслух Лычкин. – Еще мне бы хотелось получить мои документы.

Эту фразу Женя сказал, чтобы директор конторы занервничал. Ведь если бы не было проблем с документами, они вели бы себя иначе.

– Пока вы в центре, документы вам без надобности. Давайте сначала вы включитесь в активную жизнь, а мы попробуем решить вопрос. Хорошо?

Ответа не требовалось, Караев, словно, забыв о нем, начал перебирать бумаги на столе. Поняв, что аудиенция окончена, Евгений вышел, не прощаясь. Увидев его, Щербаков отбросил журнал «Туризм и отдых» и поднялся навстречу:

– Ну как?

– Никак, – пожал плечами Евгений, проходя мимо и всем своим видом показывая, что общаться не намерен.

Щербаков рванулся в кабинет шефа и был тут же остановлен секретаршей.

– Вас пока не приглашали.

– Ириш, спроси, мне ждать или нет?

Она усмехнулась алым ртом и взяла трубку в руку.

– Вам нужен Щербаков, он ждет?

– Передай ему, чтобы определил Лычкина на работу в столовую.

– В столовую? – переспросил Иру Щербаков.

– Ты что, плохо слышишь? – прищурилась девица.

– Нет. Просто я не понимаю зачем. Там достаточно работников.

– Приказы шефа не обсуждаются, – Ира достала зеркало и стала подкрашивать губы. Щербакову ничего не осталось делать, как удалиться, думая про себя, что кроме приказов и внешность секретарши тоже не подлежит обсуждению. А выглядит она, как девка придорожная на трассе. По пути Андрей зашел в столовую выпить кофе и некоторое время наблюдал за работниками. Все справлялись и помощников не требовалось. Если бы Караев поинтересовался его мнением, он бы предложил запереть Лычкина в комнате, чтобы тот, кроме Эвелины, ни с кем не разговаривал.

Глава 16

Максим вышел из метро Белорусская кольцевая и свернул на Грузинский вал. Пройдя мимо павильонов с цветами, шаурмой, палатками, торгующими

халатами и майками, оказался возле кирпичного забора старой кладки. Судя по древним постройкам, которые можно было рассмотреть, территория принадлежала нефункционирующему заводу. Молодой парень в камуфляже, восседающий в проходной за стеклом, строго спросил:

– Вы к кому?

– В организацию «Дотянись до успеха» к Федосееву Сергею.

– Паспорт.

Максим положил на стол документ, наблюдая, как он исчез в здоровой лапе охранника. Здоровяк засопел, переписывая данные, потом снял трубку и что-то в нее буркнул, после чего отдал паспорт и сказал подождать.

Кокарев прислонился к стене, оглядывая типично советскую проходную с сохранившейся вертушкой. Охранник вернулся к просмотру футбольного матча, а Макс представил, как в далекие советские времена через этот нехитрый механизм сочился ручеек рабочих, а вместо камуфляжа в стеклянной будке сидела строгая дама. Мама когда-то работала в такой организации. Тогда мир был совсем другим и «Дотянись до успеха» возникнуть не могло. По истечении десяти минут, Максиму захотелось убежать. Пришлось напомнить себе, что придётся сделать это для Аси и нужно статью, которая, возможно, станет лучшей в группе. Сергей подошел к нему в тот момент, когда он представлял, какой бум вызовет его разоблачающая статья и как его пригласят работать в этой газете. Охранник кивнул и Макс прошел через вертушку. Обменявшись рукопожатием, молодые люди вышли на яркое солнце.

– Рад, что ты решился! – заметил сотрудник Виннерского клуба. – Станешь другим человеком.

Макс кивнул, стараясь не сильно вертеть головой во все стороны, хотя пока ничего примечательного, кроме красных уродливых построек с бесконечными переходами не увидел. Внезапно понял, что его насторожило. В трехэтажном здании, к которому они приближались, не было окон.

– Слушай, а ты сам-то проходил эту программу для виннеров? – спросил Макс.

– Еще нет. Но я в очереди. Сотрудники проходят бесплатно после года работы.

Молодые люди зашли в здание, где сидел другой охранник в камуфляже, и он тоже потребовал паспорт и долго записывал данные в большом журнале. «Похоже, отсюда просто так не вырвешься», – думал Кокарев, едва поспевая за быстрыми шагами провожатого. О том, что когда-то здесь был завод, ничего не напоминало. Здание полностью перестроили. Ремонт выполнен в сине-белых тонах. В белый цвет выкрашены двери и стены и потолок в синий. На дверях никаких названий, только номера. Навстречу им попался молодой человек в очках, который приветливо поздоровался.

– А почему здесь нет окон? – не выдержал Макс.

– Окна заделаны, это нормально. Вы будете проходить процессинг и на какое-то время окружающий мир должен исчезнуть.

– Напоминает казино, – попытался разрядить обстановку Макс, но Сергей не отреагировал. На самом деле он старался разговаривать поменьше, чтобы не допустить оплошности. Принимать клиента в офисе было совсем не то, то стоять в переходе и раздавать листовки. К тому же он очень боялся, что, несмотря на пройденное обучение, не справится с приборами. Лычкин, конечно, все ему показал, но сегодня он был занят с другим важным клиентом, и Сергею придется делать все самому. Перед дверью с номером двадцать, он остановился и, достав из кармана ключ, отпер дверь.

Максим огляделся. На самом видном месте возле стола, висели графики. На большом столе, кроме компьютера, стакана с карандашами и ручками небольшой чемоданчик.

Запинаясь, Федосеев ввел Кокарева в суть дела. Максим сразу понял, что ему повезло: парень, который его зацепил, оказался новичком. «Такого нетрудно будет обмануть», – обрадовался Макс. Сергей достал анкету и начал задавать вопросы. Закончив с родителями, школой и образованием, они перешли к спортивным навыкам. Растерявшись, Кокарев вдруг выдал правду, что занимался верховой ездой. Спыхватился.

– Какое это имеет значение?

– Мы подыщем вам подходящего виннера и введем в ваш мозг информацию о его победах. Жокеем какого-нибудь, который скачки выигрывал. – Федосеев хихикнул.

– А когда вы начнете? – испугался Макс. – Перспектива носить чужие воспоминания, пусть даже успешные, его не прельщала. Тем более жокея.

– Не скоро. Сначала надо вычистить из вас все неудачи и только потом на пустое место записывать.

– Понятно, – Максим успокоился. Вчера полночи придумывал себе биографию. Картина получилась такая печальная, что сам себя пожалел.

Узнав все что нужно и, проводив Максима в столовую выпить кофе, Федосеев отправился к директору. Ирина, виляя обтянутыми тигровой короткой юбкой бедрами, отнесла анкету в кабинет. Ждать пришлось недолго, скоро его пригласили.

Караев величественно восседал за огромным столом.

– Пробыл я твоего Кокарева. Записана на него только комната в коммуналке. Прибыль от нее небольшая, но тебе для первого раза такой клиент и нужен. Запускай данные в программу поиска и ищи подходящего виннера. Но не слишком увлекайся. Ищи новых лузеров. Нас интересуют владельцы квартир, а не комнат. Особенно в центре.

Техники Сергей боялся, как огня и во время инструктажа, проводимого противным Щербаковым, который так высокомерно держался, что лишних вопросов задавать не хотелось, делал вид, что понимает. Разве мог подумать, что останется с клиентом один на один?! Думал, что Лычкин будет делать все сам, а он только ассистировать.

Войдя в столовую, Максим налил капучино из автомата и сел за столик. Народу не было. Есть не хотелось. На кухне мелькали люди в белых фартуках, пахло борщом, видимо готовился обед. Внезапно из-за двери вышел мужчина в белом колпаке и по-хозяйски оглядел столы. Заметив неубранную посуду, подозвал девушку с челочкой, которая собрала пустые тарелки на поднос. Мужчина скрылся, а Максим вдруг понял, что это и был дядя Женя. В фартуке и колпаке он выглядел совершенно иначе. Девушка с челочкой поставила на сладкий стол поднос с пирожными.

Кокарев не выдержал:

– Послушайте, мне сейчас показалось, что я увидел знакомого. Он только что с вами разговаривал.

– Евгений?

– Да, – Макс напрягся. Какая удача, он сразу нашел его. Жив, здоров. Значит, не все так плохо.

– Хотите, позову его, пообщаетесь?

– Нет, спасибо, сейчас у меня встреча. Не говорите, что я спрашивал о нем. Сделаем сюрприз.

Девушка сморщила носик.

– Вряд ли он вас узнает. Так уж получилось, что его воспоминания... Не важно. А вы кто? – спохватилась девушка.

– Очередной лузер. Решил исправиться. Сейчас договор подпишем и начнем.

В карих глазах девушки появилась жалость. Губы дрогнули, словно она хотела что-то сказать. Нервно оглянулась по сторонам и еле слышно прошептала:

– Не подписывайте.

– Почему? Я тоже хочу стать виннером!

Внезапно мужчина средних лет с неприятным взглядом появился в дверях и по-хозяйски оглядел столовую. Заметив его, девушка поспешно отправилась на кухню. Даже после того, как мужчина ушел, Челочка больше не появлялась. Допив кофе, подумал, не заглянуть ли на кухню, но Сергей позвал в кабинет. Максим нехотя следовал позади на пару шагов. Думал о дяде Жене и о том, что Карина оказалась права: сосед ничего не помнит ни Асю, ни собственную жену. Кокарев вдруг осознал, что до этого времени не верил, что возможно. Думал, его запугивают. А все подтвердилось.

На этот раз Сергей раскрыл чемоданчик.

– Сейчас я вам объясню принцип действия. Мы называем этот прибор нашим помощником. Вот баночки. Вот шкала, которая показывает ваши переживания. Возьмите их в руки. – Сергей вдруг хлопнул себя по лбу. – Черт, забыл. Для чистоты эксперимента надо записать какой-нибудь неприятный случай из вашей жизни.

– Насколько неприятный? – Максим смотрел на «помощника», как на врага, пытаясь не поддаться страху быть стертым.

– Из детства что-нибудь. Ну как вы с велосипеда упали или отец ремня дал. Возьмите ручку и бумагу. Запишите и мы продолжим. – Новому сотруднику некогда было наблюдать за своим клиентом: вспоминал принцип действия приборчика. Почему он ни на что не реагирует? Сломался что ли? Ох, черт, надо в сеть включить. «Помощник» подмигнул зеленоватым глазом. А это что за шкала такая? А, ну да показывает степень боли. Щербаков говорил, что стрелка должна плавать. Вопрос: плавать слева или справа? И, вообще, что дурацкое слово «плавать»? В школе Сергей терпеть не мог физику. Все эти законы и прочее. Вспомнилась маленькая учительница в зеленом платье с неопределенными геометрическими разводами. Всегда в одном платье с гладко зачесанными назад волосами. Черт! И о чем он только думает?!

Максим быстро наскрябал несколько слов, как получил двойку, а мать поставила его в угол. История вымышленная, ничего подобного не было. С учебой все было в порядке. Мать только дневник подписывала и никогда не наказывала.

Сергей взял листок в руки и удовлетворенно хмыкнул.

– Ладно, бери банки в руки, сейчас я через тебя ток пропущу.

Максим вздрогнул.

– Какой еще ток?

– Да слабый, не бойся. Чтобы эту дрянь стереть. На, возьми листок себе, потом почитаешь и удивишься.

Кокарев с некоторой осторожностью взял в руки металлические цилиндры и нерешительно посмотрел на Сергея.

– Думай о матери. О том, как она тебя наказала. Наверно, еще и во двор не пустила гулять?

Макс сосредоточился на выдуманной ситуации, стараясь не отвлекаться на свою жизнь.

Сергей, тем временем не отрывал взгляд от проклятой стрелки, которая не двигалась, несмотря на то, что цилиндры были в руках парня.

– Ты это... думаешь или нет?

– Думаю, думаю.

Стрелка застыла на нуле. Сергей занервничал. Что происходит? Случай-то неприятный, он сам читал. Выждав еще секунду, нажал на кнопку стирания.

Максим почувствовал легчайший удар тока и вздрогнул. Ага, видно это и есть стирание.

– Ну? – взгляд бледно-зеленых глаз Федосеева был испытывающим? – Помнишь, ты мне про мать рассказывал?

– Нет, – покачал головой Максим. – Ничего не помню.

– А ну достань листок и прочти.

Максим послушно пробежал глазами строчки и попытался изобразить растерянность.

– Ничего такого не помню. Здорово работает твоя штукавина! А можно еще что-нибудь стереть?

– погоди! Сначала договор подписываем. Там нотариальное заявление надо сделать. Нотариус тут же в здании есть, далеко идти не придётся. Если отказываешься проходить процессинг, мы твою комнату себе забираем, как я говорил. Аппаратура дорогая, денег в тебя много придется вложить. Но ты станешь настоящим виннером.

Будущий победитель с облегчением подписывал бумаги. Эксперимент показал, придуманная история стертой быть не может. Другое дело, что ему повезло с этим Сергеем. Если бы ему попался Андрей, который работал с дядей Женей, он бы вряд ли так легко отделался. Макс подписал последнюю бумагу и воззрился на парня, к которому из-за его безалаберности начал ощущать симпатию.

– А ты всегда будешь со мной заниматься?

– Конечно. Ты же мой клиент. Первый! – гордо добавил он и вдруг спохватился и захлопал рыжими ресницами: – Но ты не волнуйся, все у нас с тобой будет ништяк.

– Я и не волнуюсь, – улыбнулся Максим.

– Сейчас я тебя в твою комнату отведу. Ой, черт, опять забыл. Часы, деньги, документы, мобильник клади в этот пакет. Здесь тебе все это без надобности.

– Максим безропотно повиновался, проклиная тюремные замашки виннерского клуба. Интересно, как он теперь отсюда выберется? Ну ладно, как говорится, назвался груздем...

Они снова шли по длинному коридору без окон, навстречу им попались три человека. Мужчина лет сорока в очках, девушка с двумя косичками и парнишка их возраста с оттопыренными ушами.

– Это тоже будущие виннеры?

– Да, ты скоро с ними познакомишься. У нас тут все дружат. Общее дело сближает.

– Понятно.

– Из развлечений по вечерам показывают кино, и есть библиотека. Читать любишь?

– Люблю, – ответил Максим.

– Повезло, а я терпеть не могу.

– Так, вот твоя комната. Номер шестнадцать. Располагайся.

Сергей, войдя первым, нащупал выключатель.

Максим быстро оглядел узкую комнату с одной кроватью, застеленной, как в больнице, белым покрывалом. Из мебели: стол, стул и тумбочка. Достаточно пошарпанные, бывшие в употреблении.

– Обстановка не очень, конечно. – Но когда ты заведешь подругу, все изменится. Тебя переведут в более комфортабельное жилье.

– А причем здесь подруга? – искренне удивился Максим.

– Не знаю точно. Наверно, директор «Дом два» насмотрелся. Уважает, когда семью строят. Да ты не волнуйся, девчонок здесь полно, обязательно найдешь. Среди баб больше лузеров, – хихикнул Сергей, но тут же прикусил себе язык и начал исправлять положение. – Мужики – они того, не осознают истинного положения вещей.

– Это как?

– Ведь это же какое мужество нужно, чтобы признаться самому себе, что ты лузер и тебе нужна помощь. У баб с этим проще. Понимаешь? А мужики спиваются или на дурь переходят, но правде в глаза посмотреть не могут. А ты вот молодец. И я молодец.

Болтовня Сергея показалась Максиму утомительной. Ограничился кивком головы.

– Ладно, пойду, – спохватился Сергей. – Столовая в конце коридора, не заблудишься. Обед в три по местному времени, часы на стене. Время у нас тут другое, календарей нет. Руководство считает, что ты не должен знать, сколько времени занимает вопрос превращения в виннера.

Оставшись один, Максим завалился на кровать. Ну и заведение. До какого же состояния должен прийти человек, чтобы попасть в клуб виннеров? Хотя жизнь штука сложная, к тому же не всем попадают такие дилетанты, как ему. Наверно, тот парень, который работал с дядей Женей, лучше владеет приемами убеждения. Сейчас главное найти способ вытащить отсюда дядю Женю. И тогда Ася будет ему благодарна. Вчера после разговора с Мариной он не выдержал и позвонил Асе. Она, конечно, была в шоке и отказывалась всему верить. Требовала назвать организацию, адрес и прочее. Но тут он оказался тверд и никакой информации ей не дал. Даже про Марину не рассказал. Подумал, вдруг она обидится за мать. Хотя эта женщина с грустными глазами, с которой они сидели в Макдональдсе, не подходила на роль любовницы. Во всяком случае, ему не хотелось, чтобы так было. Лицо Марины с короткой стрижкой показалось ему знакомым. Где он мог видеть ее? По телевизору? В кино? Она ничего не упомянула о работе. Мысли молодого человека вновь потели по кругу. Как же ему выполнить задуманное и не попасться?

Глава 17

Сегодня Лычкин впервые стоял на раздаче, а не работал на кухне. Внимательно вглядываясь в лица товарищей по несчастью, наливал полные тарелки борща и накладывал картошку с мясом.

– Привет! – улыбнулась девушка. – Мне только картошку.

Евгений положил пюре и, глядя как девушка, ставит на поднос сливовый компот, подумал, мог ли он ее знать раньше? Она поздоровалась, потому что знала его или из вежливости? Интуиция молчала. Лычкин вздохнул и вдруг поймал пристальный взгляд парня, стоящего в конце очереди. Симпатичный молодой человек с челкой, падающей на лоб и мягкими каштановыми волосами. Отвернулся, чтобы наполнить тарелку и подать салат полной женщине, набравшей целый поднос закусок. Подняв голову, снова поймал взгляд парня. Поздоровается или нет? Максим понял, что Асин отец не узнал его. С момента их последней встречи прошло три недели. Дикость. Макс взял первый попавшийся салат и, поравнявшись с ним, приветливо сказал:

– Здравствуйте, дядя Женя. – Мне первое не надо. А есть другой гарнир, кроме картофеля?

Лычкин замер с тарелкой в руке. Так его здесь никто не называл. Они родственники? Лычкин пришел в себя, почувствовав, как горячий суп обжег руку. Чертыхнулся и поставил тарелку.

– Что ты спросил?

– Не люблю картофель. Может, есть гречка или макароны? – Максим понизил голос. – Вы попали в беду. Надо поговорить. Я живу в комнате номер шестнадцать. Приходите, как сможете.

Лычкин кивнул и, заметив подошедшего повара, и громко сказал:

– Сегодня в меню только картофель. Сожалею, – и совсем тихо добавил: – Буду через час. Смена закончится.

Максим взял тарелку и прошел к столу. Получилось! Только бы никто не помешал. Проглотил борщ и мясо с картошкой, не чувствуя вкуса, продолжая наблюдать за бывшим соседом, выполняющим свои обязанности раздатчика. С их последней встречи, он здорово изменился. Лицо его осунулось и похудело, взгляд стал настороженным и потерянным.

Мужчина в колпаке и фартуке, был далек от того, который разыскивал Асю и от того, с кем он иногда встречался в лифте, перекидываясь фразами о погоде. До конца обеда Кокарев увидел еще одну любопытную сцену. В столовую вошла красивая молодая женщина с гладко зачесанными волосами. Евгений вышел к ней в обеденный зал. Они поговорили, она поцеловала его в щечку и ушла. Во время разговора Евгений казался напряженным и несколько раз, хмурясь, поглядывал в сторону Максима, словно хотел сказать, что бы тот не спешил делать выводы. После ее ухода, Лычкин машинально провел рукой по щеке, словно хотел стереть поцелуй. Максим отнес поднос с пустыми тарелками на мойку и ушел к себе. Сцена в столовой не выходила из головы.

Кто эта красивая женщина? Что ее связывает с Евгением? Он был слишком возбужден, поэтому ходил по комнате до тех пор, пока не услышал стук в дверь. Даже в обычной одежде Евгений казался незнакомцем. Что-то не так было с его лицом и особенно с глазами.

– Вы хотели мне что-то сказать? – нетерпеливо заметил Лычкин.

– Проходите, – наконец, опомнился Максим.

Евгений бегло оглядел помещение и опустился на стул, глядя в упор на молодого человека.

– Вы меня не помните?

– Я ничего не помню, – признался Лычкин. – Однажды проснулся и ... – Мужчина нервно усмехнулся. – С тех пор не знаю, кому могу доверять. Руководствуюсь интуицией. Почему-то она мне подсказывает, что я могу верить вам. Кто вы?

– Когда-то, до тех пор, пока вы не попали в это заведение... – на слове «заведение» молодой человек скривил губы. Почувствовал, что начинает злиться. Какую цель бы не преследовала компания, они не имеют права так поступать с людьми. – В общем, раньше мы жили с вами в одном подъезде, и уж так получилось, что ваша судьба мне небезразлична.

Евгений обхватил себя за плечи, словно желая защититься.

– И ... как вас зовут?

– Максим.

Лычкин повторил его имя, словно пробуя на вкус.

– Последнее время чувствую себя полным идиотом. Вы даже не можете представить, в каком я оказался положении. Они говорят, что можно начать жизнь заново, но у меня нет сил. Я отчаянно хочу вспомнить, кто я. Меня уверяют, что память может вернуться, и я живу только надеждой. Ни с кем из тех, кто проходит программу ничего подобного не происходило.

– Не верьте им. Они сделали это нарочно! – импульсивно выкрикнул Максим.

– Нарочно?! Но зачем?

– Вы слишком много узнали. Давайте я расскажу обо всем по порядку.

Евгений подался вперед, в глазах зажегся огонек. Скулы обозначились четче.

– Они нарочно стерли меня?

Макс понял, что допустил ошибку. Надо было начать по порядку. Наверно, он просто устал от напряжения. Сегодняшний день казался бесконечным.

– Боюсь что да, но я...

Лычкин вскочил со стула и принялся ходить по комнате, сжимая кулаки и выкрикивая «я убью их». Максим терпеливо ждал: бывшему соседу надо выпустить пар. Впрочем, это продолжалось недолго. Он снова сел напротив Максима, не облачившись на спинку и упершись кулаками в колени. На лбу обозначились морщины, но лицо приобрело более уверенное выражение.

– Я их подозревал. Но одно дело подозревать, другое – услышать подтверждение. Готов вас выслушать.

Когда Максим закончил говорить об Асе, Евгений закрыл лицо руками, словно пытаясь отгородиться от правды.

– Бог мой! Каким же я был идиотом! – вздохнул он. – У меня была семья и дом. А сейчас я хуже любого бомжа. Ася никогда не простит меня. И правильно сделает. То, что я сделал хуже и глупее, чем проигратся в карты и остаться на улице.

– Да разве вы единственный, кто попал в ловушку?! Посмотрите на членов виннерского клуба!

– Пусть они сами разбираются, а вот мы должны уйти отсюда прямо сейчас! Теперь с вашей помощью я знаю, что на самом деле произошло. А вам, вообще, опасно здесь находиться. Они могут поступить с вами, так же, как и со мной.

– Не думаю, что нужно спешить. Им ничего не стоит нас разыскать и снова подвергнуть стиранию. Я бы предложил пока затаиться и собрать информацию.

– Каким образом? Я пытался, но ничего не получается.

– Есть у меня парочка идей, – договорить Макс не успел: в дверь постучали. Евгений нервно вскочил со стула.

– Спрячьтесь, – одними губами сказал Максим. Кто бы это ни был, их не должны видеть вместе. На цыпочках Лычкин отправился в ванную комнату, а молодой человек взлохматил волосы, сделав вид, что спал, надеясь, что их разговор не был слышен.

– Извините, ошиблась дверью, – Максим заметил, что взгляд девушки, которая разговаривала в столовой с Лычкиным, обшаривал комнату у него за спиной.

– Вы, наверно, новенький?

– Да, – Максим понимал, что она разыскивала Евгения и решил подыграть. – Как вас зовут?

Они немного поболтали. Максим вежливо дал понять, что хотя и рад знакомству, но сейчас предпочел бы остаться один. Эвелине пришлось уйти.

– Это та самая девушка, с которой я вас видел в столовой, – шепотом сказал молодой человек. – Кто она?

– Еще один человек, который меня обманывает.

Выждав некоторое время, Евгений вышел из комнаты Макса и отправился в комнату отдыха. Показывали «Унесенные ветром». Эвелины здесь не было. Он чувствовал огромную симпатию к парню и благодарность за то, что тот хочет его вытащить. Безусловно, он прав, надо затаиться и узнать как можно больше о виннерском клубе. Потом мысли вновь вернулись к тому, что рассказал бывший сосед. Итак, у него есть жена Майя и дочь Ася. Слава богу, с ними, несмотря на то, что он из-за своей глупости, лишил их дома, все в порядке. Улыбнулся. Надо же, дочка бизнесом занялась, вот молодец. Подумал о Карине. Максим не сказал, какие отношения их связывают, и теперь Лычкин ломал голову, повторяя ее имя, надеясь на пробуждение

воспоминаний. Но ничего не происходило. Кто она? Какие отношения их связывали? Были они близки или просто оставались друзьями? Какие отношения у него были с Майей, его женой? Откуда об этом мог знать сосед? Усмехнулся. Наверно, проще считать, что у него была хорошая семья, ради которой он решился на эту авантюру. Но все рано или поздно закончится, и можно начать все сначала. Лычкин завернул за угол и столкнулся с Эвелиной.

– Милый, где ты был? Я искала тебя.

– Зачем?

– Соскучилась.

Евгений покраснел. Этой ночью – он сам не знал, как так получилось – они занялись сексом. Эвелине удалось его возбудить. После этого пытался найти себе оправдание: спят в одной постели, она – красивая женщина, но сейчас он еще больше ругал себя за слабость. Сегодня оказалось, что он женат, у него есть подруга и теперь еще и Эвелина, выдававшая себя за его вторую половину. Евгений неловко отстранился, стараясь не коснуться ее.

– Мне надо идти. Скоро ужин.

– Хорошо, я провожу тебя, – если она и обиделась, то виду не подавала виду и бодро застучала каблучками рядом. – У меня хорошая новость. Пока мы вынуждены остаться в центре, мне предложили работу. У Караева секретарша в отпуск уходит, надо ее заменить. – Евгений остановился от удивления.

– Ты будешь работать у Караева?

– Да, а почему тебя это удивляет?

– Это немного странно.

– Ничего странного. Руководство решило, что до тех пор, пока ты не адаптируешься, и тебе не выправят новые документы, нас в город не выпустят. Так что придется работать здесь. Я хорошо знаю компьютер и могу оказаться полезной.

– Интересно, какое они имеют право держать меня здесь насильно? А если я захочу уйти?

– Они действуют в твоих же интересах. Тебе лучше послушаться.

Лычкин разозлился. В моих интересах. Как бы ни так?! Стерли, как только подошел слишком близко к правде. Ладно, я выведу их на чистую воду. Как это сделать, Лычкин пока не знал. Если организация действует при поддержке правительства, борьба бессмысленна. Но должен же быть какой-то выход. Присутствие Макса вселяло надежду. Вдвоем, это уже не в одиночку, что-нибудь придумается.

– Я иду в библиотеку, – мягко сказала Эвелина, взяв его под руку. – Не хочешь взять что-нибудь почитать?

Евгений высвободился, посмотрел ей прямо в глаза.

– Меня бесит то, что я помню содержание книг, которые читал, и ничего не помню о себе?

Эвелина опустила глаза. То, что произошло с Лычкиным, произошло по ее вине. Как она могла так поступить? Если бы знать, что он будет так страдать...

Глава 18

Эвелина отправляла факс, когда в приемной Караева появился высокий мужчина с седыми волосами, разделенными на прямой пробор. Увидев ее, посетитель кашлянул, словно поперхнулся воздухом и сделал шаг назад, как будто собирался захлопнуть дверь. Удивленная такой реакцией Эвелина забыла поздороваться.

– Константин Борисович у себя? – выдавил, наконец, посетитель, глядя мимо нее.

– Вам назначено? – спросила она ровным голосом.

Незнакомец кивнул, переступая с ноги на ногу, явно желая оказаться подальше от этого места.

– Как вас представить?

На лице еще большее изумление, даже кашлянул, потом произнес глухим голосом.

– Верстаков Игорь Андреевич.

Быстрый взгляд на нее, словно ожидал, что его фамилия о чем-нибудь ей напомнит. Эвелина еще раз посмотрела на посетителя, отметила дорогой костюм в полоску, рубашку в тон и аккуратно завязанный узел галстука, потом сняла трубку телефона.

– Константин Борисович, к вам пришел Верстаков Игорь Андреевич.

Караев удовлетворенно потер руки. Он предвкушал появление Верстакова. Сейчас депутат ворвется в кабинет с перекошенным лицом и спросит, как здесь оказалась Эвелина. Константин улыбнулся. И тогда он объяснит этому сукину сыну, этому развратнику и сластолюбцу, нежелающему оплачивать свои услуги, что он решил использовать ее в качестве секретарши.

Верстаков выглядел бледным, когда, забыв поздороваться, опустился в кресло и упавшим голосом спросил:

– Что все это значит?

– Вы о чем? – Караев был сама любезность. – Может быть, кофе или... чего покрепче?

– Я спрашиваю, что здесь делает Эвелина?

– Работает, – Караев сложил руки и удобно откинулся на спинку кресла. – Моя секретарша заболела, я попросил ее кое-что напечатать.

– Но ведь вы же говорили, что отправите ее... – Верстаков замолчал, жалея, что поверил на слово. Попал к Караеву по рекомендации. Думал, что тот сделает все на совесть.

– Я ее пожалел, – улыбнулся директор. – Сами подумайте, такую красавицу и умницу запрятать в дурку до конца дней своих, только из-за того, что вы с ней заскучали. Не слишком ли жестоко?

– Я заплатил тебе! – прошипел Игорь.

– За Эвелину – да, – усмехнулся Караев. – Но вы не заплатили еще за двух людей, с которыми я работал. – Помните?

Игорь вздохнул, ругая себя за неосторожность. После Эвелины отправил сюда любовницу, которая желала непременно выйти за него замуж и еще одного подонка, угрожавшего развалить бизнес.

– Возникли некоторые проблемы с деньгами. Но ты мог бы сделать кое-что бесплатно. Ведь я направил к тебе столько клиентов.

– Премного благодарен, – в тоне Караева появился язвительный оттенок. – Но я бы предпочел, чтобы вы нашли возможность и заплатили за оказанные услуги.

– Вы мне угрожаете?

– Вовсе нет.

– А если я откажусь платить? – насупился Верстаков.

– Эвелина может все вспомнить.

Верстаков похолодел. Эва не узнала его, но он сам чуть себя не выдал. Идиот.

– Каким образом?

Караев взял со стола папку.

– Думаете, если вы работаете в правительстве, так самые умные и можете все купить. У меня вон в том шкафу досье на каждого вашего члена, – усмехнулся Караев.

– Но вы не можете вернуть все назад.

– Еще как могу. Для этого необходимо только провести процесс в обратном порядке. Видите диск? Здесь записаны воспоминания вашей жены. Как только я ей введу эти данные, она сразу же начнет бракоразводный процесс.

Верстакову стало нехорошо, он почувствовал привкус крови во рту, появляющийся при первых признаках страха.

– Что ты хочешь?

– Участия в долевым строительстве. Надеюсь, ты понял, о каком объекте идет речь? Мне тоже хочется поучаствовать в празднике жизни.

Караев снял трубку.

– Эвелина, зайдите, пожалуйста, ко мне.

– Зачем ты ее позвал? – Верстаков заерзал в кресле.

Эвелина походкой красивой женщины, которая знает о своих внешних достоинствах, вплыла в кабинет и остановилась в двух шагах от стола, глядя вопросительно на Караева.

– Принеси кофе нашему гостю.

– Вы предпочитаете с молоком или черный? – обратилась женщина к Верстакову, который не отрывал взгляда от ее коленок, не решаясь поднять глаза выше. Он вдруг осознал, что ужасно боится. Официально Эва все еще числилась его женой. Более того, все свои сделки совершались по доверенности от ее имени, и сейчас она владела землей и зданиями, которые строила его компания, оформленная на ее же имя.

– Черный, – буркнул он.

Молодая женщина вышла из кабинета, удивляясь, почему Караев не воспользовался телефоном, а вызвал ее лично. Ее мысли вновь вернулись к посетителю. Держится так, словно Она никак не могла придумать объяснения странности поведения клиента. Наконец, войдя в кабинет, ее осенило: этот Верстаков вел себя так, как будто ему стыдно. Молодая женщина поставила на серебристый поднос фарфоровую чашку с кофе и, осторожно взяв его в левую руку, сделала два шага по направлению к кабинету, но Верстаков выскочил оттуда, чуть не сбив ее с ног.

Пока она удивленно смотрела ему вслед, Караев вышел в приемную. На его обычно непроницаемом лице явно читалось удовлетворение.

– Кофе?

– Уже не надо, спасибо. Хотя дай-ка я выпью. – Директор виннерского клуба взял чашку с подноса и сделал глоток. – Как ты здесь справляешься?

– Нормально, – кивнула Эвелина. – Караев пил кофе, не сводя с нее серых глаз. – Ты очень красива, – он поставил чашку на стол и взял девушку за подбородок, впившись взглядом в лицо. – Ты не знаешь, как дорого ты стоишь.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что можно окрутить Эвелину, добиться развода с Верстаковым и самому на ней жениться. Тогда он бы поправил свои дела раз и навсегда.

– Что вы имеете в виду? – смутилась девушка.

– Я пошутил. Ты можешь быть свободна. Иди к своему, как его там? Забыл фамилию.

– Лычкину.

– Да, Лычкину. Он не обижает тебя?

– Нет. Только ведет себя немного странно, – призналась она. – Последняя программа сказала не лучшим образом.

Караев усмехнулся. Лычкину повезло. Трахает самую богатую бабу в городе и не знает об этом. Интересно, как они познакомились? Он снова оценивающе посмотрел на Эвелину. Он предпочитал баб помоложе, в откровенной одежде и с вызывающим взглядом. Стоящая перед ним женщина выглядела слишком респектабельной и холодной. Никаких желаний не возникало. Вспомнил об Ирке и тут же почувствовал возбуждение. Когда она поправится, отправит эту красавицу на другую работу.

– Все наладится рано или поздно. Папки, которые ты разобрала, положи мне на стол. Меня сегодня уже не будет.

Некоторое время Эвелина сидела, глядя прямо перед собой. Сегодня даже поведение директора центра вызывало удивление. Первые дни он вовсе не обращал на нее внимания, а сегодня восхищался ее внешностью. Фамильярно взял за подбородок. Молодая женщина сморщила лоб: не надумал бы приставать. Такой тип мужчин не был ей по душе. А уж Верстаков и вовсе вел себя чудно. В голове мелькнула мысль, которая заставила ее зажать рот: а

вдруг они были когда-то знакомы? Что, если Верстаков был ее... Нет, об этом даже думать неприятно. Интересно, кто же он такой? Если бы у нее был интернет, она могла бы... Внезапно ее осенило, и она подрагивающими от волнения пальцами схватила мышку. «Только бы не было пароля», – молилась она про себя, нажимая на синий шарик с надписью мозилла. Помедлив мгновение, перед ней открылась страница яндекса. Несколько раз, ошибаясь от волнения, забила в строке поиска фамилию имя отчество клиента и погрузилась в чтение биографии. Депутат государственной думы, женат, имеет дочь. Закончил академию народного хозяйства. Она заставила себя внимательно прочитать статью еще раз, не обращая внимания на пробивающуюся из уголка сознания настойчивую мысль: этот депутат как-то с ней связан. Отсюда и его виноватый взгляд. Эвелина вышла из интернета и выключила компьютер. Уже собираясь уходить, заметила аккуратно сложенную пачку с файлами будущих виннеров. Положив папки на стол директора, не удержалась и окинула профессиональным взглядом интерьер кабинета, снова обратив внимание на его дорогую безвкукусность. Массивный дубовый стол не сочетался с синим креслом, а персидская ковровая дорожка и вовсе раздражала яркой оранжевой полосой. Особенно портил впечатление огромный металлический сейф, приютившийся в углу. «Вот где собраны все сведения о лузерах», – подумала женщина. «Наверно, здесь и хранятся тетрадки с нашими записями о людях, о которых мы предпочли забыть». Подошла ближе и вдруг заметила приоткрытую дверку. Уникальная возможность, которой больше могло не представиться. Весь сейф был заполнен картонными папками, на которых печатными буквами значились имена бывших лузеров. Перебрав с десяток папок, сложила их на пол и выглянула в коридор. Никого не было. Продолжила поиск. Папки различались по цвету: синие, красные, зеленые. Интересно, что это означает? Она взяла красную стопку и замерла. Верстакова Эвелина Эдуардовна. Некоторое время тупо смотрела на квадратные буквы, не решаясь открыть папку. Показалось, что ее накрыло холодной волной, остановилось дыхание. Так вот откуда его виноватый взгляд. Этот жалкий мужчина – ее муж? Так он же старше ее лет на двадцать. Не может быть! Спрятав папку под пиджак, женщина выбежала из кабинета.

На ее счастье в их комнате никого не было. Заперев дверь, Эвелина открыла папку. Ее ждало разочарование. Внутри не было никаких документов, кроме маленького диска, который она видела в лаборатории. От напряжения женщина повалилась на диван и расплакалась, уткнувшись в диванную подушку. Сегодняшняя встреча с Верстаковым полностью исключала возможность, что среди виннеров есть еще одна Эвелина. Ей придется принять факт, что она его жена и у них есть дочь. Тогда почему она здесь?

Возвратившись после ужина в комнату, Евгений обнаружил, что дверь заперта изнутри. Несколько раз постучал, прежде чем замок щелкнул. Эвелина в белой блузке и широких серых брюках, выглядела заплаканной.

– Что случилось, Эв? – он первый раз назвал ее этим укороченным именем и она, почувствовав в его голосе необычную искренность, прижалась к нему, всхлипывая. Евгений гладил ее по голове.

– Не надо, Эв, не плачь.

Немного успокоившись, она отстранилась.

– Прости. У меня истерика. Выгляжу ужасно. – Она сделала попытку собрать волосы, но он отвел ее руку и, крепко обняв, подвел к дивану.

– Может, нам пора, наконец, поговорить?

Эвелина опустила глаза. Лычкин никогда не простит предательства. Ведь, несмотря на обман, она любит его. Молодая женщина снова расплакалась, закрыв лицо руками.

Кто бы мог подумать, что ледяная королева – как Евгений называл ее про себя – умеет плакать? Интуитивно мужчина чувствовал, что сейчас как раз тот момент, когда Эвелина может из врага превратиться в друга. Нельзя допустить, чтобы она вновь укрылась за своим ледяным величием. Женщина с размазанной тушью под глазами была ближе и родней, чем ухоженная красавица. Впервые за время после потери памяти у него возникло ощущение нежности. Лычкин привлек ее к себе.

– Мы оба попали в неприятную ситуацию и от того насколько мы будем доверять друг другу...

Эвелина затрясла головой.

– Ты не сможешь мне доверять, если узнаешь правду.

Лычкин улыбнулся, скривив рот:

– Ты думаешь, я не знаю, что ты мне не жена?

Женщина вздрогнула.

– Но откуда ты...

– Это не важно. Если хочешь, чтобы я тебе доверял, расскажи все. Потом мы придумаем, как жить дальше.

Внезапно его взгляд упал на папку, валяющуюся возле дивана. Евгений наклонился и взял ее в руки.

– Насколько я понимаю, все дело в этом? – спросил он.

– Открой ее.

– Хорошо, – Лычкин развернул обложку и обнаружил маленький диск в файле.

– Кроме этого в папке ничего не было?

– Нет, – Эвелина вздохнула. – Но это не помешало мне узнать, кем я была прошлой жизни. Фамилия Верстаков говорит тебе о чем-нибудь?

– Нет. Кто это?

– Депутат. Я его жена.

Лычкин внимательно выслушал историю Эвелины. Тут-то ему и помогла полученная от Макса информация. Все правильно, надоевших жен отправляют сюда, чтобы стереть память. После этого их вполне можно отправить в психушку. Схема одна и та же. После того, что с ним произошло, он это

осознавал, лучше чем кто бы то ни было. Но почему они оставили Эвелину здесь?

– Муженек выглядел очень удивленным, когда увидел меня в приемной у Кареева.

– Кареев использовал тебя как приманку, – сделал вывод Лычкин. – Хотел надавить на Верстакова. Но ты в опасности. Как только перестанешь быть нужной, эти двое могут попытаться упрятать тебя туда, где благополучно находятся бывшие жены.

– Я боюсь.

– Мы будем осторожны. Но это далеко не все, что ты скрываешь?

– Я не могу сейчас говорить об этом.

– Эв, пожалуйста. Пусть между нами не будет тайн.

Она сжалась в комочек, прижав к себе маленькую диванную подушку.

– Пообещай, что не бросишь меня после того, как услышишь.

– Обещаю.

И все же, Лычкину было нелегко, после того, как он услышал, что именно из-за Эвелины его подвергли полному стиранию. Оказывается, у него получилось вырваться из виннерского клуба, и он пытался найти Асю.

– Скажи что-нибудь, не молчи, – тихо попросила Эвелина.

Евгений встал, прошелся по комнате, складывая картину своей жизни из рассказанных другими людьми историй. Мозаика совпадала, но в ней не хватало чувств, запахов, эмоций. Всего того, что бывает в воспоминаниях. Даже боли не хватало. Это были истории, буквы имен, цепочки событий. Все чужое. По щеке мужчины медленно поползла слеза.

– Ты переживаешь из-за того, что я разлучила тебя с Кариной?

Он медленно повернулся к ожидающей ответа женщине. Горько усмехнулся.

– Я не помню ее. Даже не знаю, в каких мы были отношениях.

– Мне кажется, ты любил ее.

– Почему ты сделала этот вывод?

– После встречи с фигуристкой, ты ушел от меня. Это вряд ли была просто дружба.

– Боюсь, это не имеет сейчас никакого значения, – отрешенно заметил Евгений. Он чувствовал себя сдутым резиновым мячиком, заброшенным за ненадобностью в дальний угол комнаты. Эвелина молчала, забившись в противоположный уголок дивана, продолжая тискать подушку длинными тонкими пальцами. До этой встречи им было хорошо вдвоем. Они почти каждый вечер занимались любовью. Эвелине хотелось плакать, но она не смела даже пошевелиться. Евгений выглядел измученным и усталым, когда повернулся к ней.

– Я обещал, что между нами не будет тайн. Мне надо рассказать тебе про Макса.

Потом они вместе строили планы, как вырваться из виннерского клуба. Эвелина рассказала про интернет. Можно попробовать связаться с Кариной через «Одноклассники». Евгений только покачал головой. Нужно разобраться, как здесь все работает, и как мы можем это использовать. Схватился за голову: «Неужели нет никакой возможности вернуть память?» Внезапно Эвелина вспомнила о маленьком диске, прикрепленном к каждому файлу. Надо узнать, что на этих дисках и как работает устройство, называемое «коробом». Эвелина вспомнила, как несколько раз в столовой ловила на себе заинтересованные взгляды парня, который работает с коробом. Надо попытаться познакомиться с ним поближе и поинтересоваться, как проходит процесс.

– Не очень-то это честно, – заметил Евгений, когда она рассказала о своей идее. – Но боюсь, другого выхода нет. Надо хотя бы узнать, что это такое, – он покрутил крошечный диск в руках, зачем-то посмотрел на свет и убрал обратно в файл.

– Я все сделаю, чтобы помочь тебе вернуть память, только не бросай меня.

– Успокойся. Мы должны вместе вернуться к нормальной жизни и остановить то, что здесь происходит.

– Да, конечно. Только вот я совсем не хочу возвращаться к Верстакову.

– Попробуй покопаться в интернете в свободное время и выяснить о нем, как можно больше информации. Судя по всему, он сейчас в контрах с Караевым и может оказаться сговорчивым.

– Он стер меня, – жалобно сказала Эвелина.

– Мне жаль, Эв. Я тоже стер некоторых людей из моей жизни.

– Оказывается, у меня есть дочь.

– У меня тоже. Взрослая. – Он рассказал про Асю. – Представляю, что она мне скажет, когда мы встретимся. Что-нибудь вроде того, что всегда знала, что ее отец лузер, но не знала, что такой, – несмотря на грусть у него получилось произнести это с юмором. С тем хорошим юмором, когда у человека есть силы посмеяться над собой.

Эвелина улыбнулась, в ее улыбке на этот раз было больше тепла и еще больше сочувствия.

– Мне кажется, она простит тебя. Тебя невозможно не любить.

Евгений внимательно посмотрел на нее.

– Эв, последний вопрос. Почему ты выдала меня?

Она долго молчала. Так долго, что Евгений уже и не ждал ответа.

– Хотела, чтобы ты вернулся, и мы все начали сначала. Я ведь так и не смогла тебя забыть. – Лычкин быстро взглянул на Эвелину, щеки ее, обычно бледные, окрасились нежным румянцем, она быстро обвила его за шею и прошептала в самое ухо: – Я люблю тебя.

Он тут же пожалел о своем вопросе. И что теперь делать с этой любовью? Сам-то он ничего к ней не чувствует. Ну, почти ничего. Вот напросился.

– А то, что я ничего не помню, тебя не смущает?

Она покачала головой, слегка коснувшись губами щеки. Потом подняла на него вымученный умоляющий о прощении взгляд. Евгений слегка кивнул, вдруг понимая, что после ее признания больше не может злиться.

– Скажи, а как мы жили раньше?

– Мне казалось, ты тоже любил меня. – К облегчению Евгения Эвелина отпустила его, устроившись рядом. – А потом появилась эта женщина из твоего прошлого. – Она намеренно не назвала имени.

– Прости. Наверно, я запутался. У меня ведь еще и жена есть. Пока еще никто не рассказал мне, какие отношения нас связывали. Вряд ли все было хорошо: иначе бы я не оказался здесь. Но все это пока не очень важно. Знаю одно: очень хорошо, что мы с тобой поговорили. Пусть у нас не будет больше тайн друг от друга, а что будет дальше – покажет время.

Эвелина кивнула, чувствуя огромное облегчение. Может, она еще и не прощена, но ей позволено остаться. И она постарается заслужить прощение. И его любовь.

Глава 19

Время шло, новостей от Макса не было. Карина извелась. Уверенность в том, что Женин сосед тоже попал в ловушку виннерского клуба, возрастала. Каждый день, бывшая чемпионка набирала номер телефона Максима, но равнодушный голос оператора сообщал, что абонент вне зоны действия сети. Она становилась нервной и раздражительной. «Надо взять себя в руки!» – твердила Карина, но бездействие угнетало и лишало сил.

Дмитрий теперь приходил поздно, а то и вовсе не ночевал дома. Последнее время он выглядел довольным, приоделся и начал следить за собой. Исполнения супружеских обязанностей больше не требовал, спали в разных комнатах. С Кариной разговаривал, словно она была соседкой по коммунальной квартире. Иногда бывшей фигуристке приходила в голову мысль, что муж делает все для того, что бы она одумалась, поняла, что теряет его, но молодая женщина только радовалась его отлучкам. Одной было гораздо проще. Она могла лечь на диван, включить телевизор и под тихое бормотание продолжать думать о Жене. Дело неминуемо катилось к разводу, и с этим ничего невозможно поделать. Все как-то вдруг развалилось одновременно, и не находилось ни сил, ни желания что-нибудь решать. Наконец, однажды на почту в «Одноклассники» пришло письмо, посланное Эвелиной, по просьбе Макса. Он просил позвонить Асе, передать ей, что нашел Евгения, но пока они вынуждены затаиться. Немного успокоенная Карина позвонила Асе, но разговора не получилось.

– Как только накоплю достаточно денег, я подам в суд на эту организацию, – возмущалась Ася. – И, вообще, я никогда не думала, что моего отца так легко облапошить.

– Его подставили.

– Вы не представляете, через что нам с мамой пришлось пройти. И, вообще, почему вы его защищаете и на каком основании я должна вам верить? Почему он не пытался связаться со мной?

У Карины перехватило дыхание, в нескольких словах, она попыталась объяснить, что отец искал ее, но Ася не захотела слушать. Потом, правда, одумалась, пожалела, что разговаривала таким тоном с известной в прошлом фигуристкой. Просто в тот день у нее было ужасное настроение, она приревновала чемпионку к отцу. К тому же стало обидно из-за матери. Только потом вспомнила, что после той истории удалила все свои странички в Контакте и Одноклассниках. Не хотела, чтобы знакомые узнали, что с ней приключилась беда. Даже ящик электронной почты завела новый. Вот когда встанет на ноги, тогда заявит о себе. Конечно, первое время не хватало электронного общения, и она по-прежнему читала новости о друзьях, а потом ее стали злить выложенные фотки о том, кто куда съездил и с кем и куда сходил.

После разговора с Асей настроение у Карины снова испортилось. Она даже пожалела, что позвонила. Прощаясь, Ася запальчиво заметила, чтобы ее отцу передали: у них все хорошо, и они ни в чем не нуждаются. Похоже, девочка каким-то шестым чувством догадывалась, какие отношения связывали Карину и Евгения, и под конец упомянула, что ее мама собирается замуж.

Карина отложила телефон в сторону, сожалея, что не смогла донести до Аси, как важно для Жени понимание дочери. Похоже, в Калуге у них жизнь полностью сложилась. Мать нового мужа нашла, дочь бизнесом занялась. Карина вдруг подумала, что соскучилась по Сашеньке и решила, что в ближайшие выходные поедет на дачу. Лето заканчивалось, скоро сынишка вернется домой. Его присутствие придаст смысл ее бесцельному существованию, которое с некоторых пор трудно назвать жизнью.

Евгений, стоя на раздаче, приветливо улыбнулся молодому человеку в очках, работающему с «коробом».

– Желаете курицу или рыбу?

– Курицу, – буркнул молодой человек и, не улыбувшись, проехал с подносом дальше, прихватив кисель и булочку.

Лычкин взглянул на настенные электронные часы. Тринадцать двадцать восемь. Парень являлся на обед с завидной точностью, что по всей вероятностью было связано с сеансами работы по стиранию памяти лузеров. Евгений улыбнулся, заметив входящую в столовую Эвелину. Наполнив ее тарелку, пожелал «ни пуха».

Эвелина красиво шла к выбранной цели. Евгений заметил, что молодой человек перестал есть и уставился на ее длинные ноги. Подойдя к столику, она улыбнулась.

– Позвольте составить компанию? Ненавижу обедать в одиночестве.

– Конечно, – парень смущенно подвинул стул, хотя в этом не было необходимости.

– Сколько раз вас видела, а до сих пор не знаю вашего имени, – заметила она, подцепляя вилкой кусочек курицы.

– Виктор.

– Красивое имя. Вам подходит. А меня зовут Эвелина.

– Нет, это у вас красивое имя, а у меня обычное.

Она промокнула уголок рта салфеткой, оставив на ней след от красной помады.

– Как вам здесь работается?

– Представляет некоторый интерес для моей диссертации, – он без всякой надобности подергал очки и сделал слишком большой глоток киселя. Эвелина поддерживала непринужденный разговор до тех пор, пока парень не расслабился. Она доела курицу и чуть-чуть оставила на тарелке пюре. Тарелка парня уже была пуста, кисель выпит, но он все еще сидел за столом. Наступал важный момент. Эвелина поймала напряженный взгляд Евгения. Ей нравилось, что он наблюдает за ними. Появилось желание заставить его поревновать.

– Вы идете в свою таинственную лабораторию?

– Почему таинственную?

– А разве удаление памяти не похоже на таинство? Всегда хотела узнать, как работает этот механизм.

– Это достаточно сложно.

– И все же? – ее красивое лицо выражало полную заинтересованность. Виктору показалось, что никто и никогда не смотрел так на него.

– Вам рассказать принцип действия?

– Конечно.

– Хорошо, – Виктор прочистил горло. – Мозг человека условно делится на несколько частей. Одна из них отвечает за запоминание лиц, другая – фактов, третья – имен, четвертая – событий, пятая – ощущений. Когда пациент попадает в короб, к каждой части мозга прикрепляется определенный сканирующий механизм. Когда человек сосредотачивается на ком-нибудь, от кого нужно избавиться, ему достаточно недолго удерживать внимание на этом субъекте. В этот момент вся информация с ощущениями записывается на диск. – Эвелина слегка вздрогнула и нервно сцепила пальцы под столом. – Небольшой разряд тока блокирует перехваченную информацию, освобождая ячейки памяти.

– Вы упомянули о диске?

– Там записаны все стертые случаи.

– Но возможно ли вернуть все назад? Поставить этот диск и... записать заново. Ну, как на компьютере?

Виктор снял очки, выражение лица стало напряженным.

– Теоретически это возможно, но я этим никогда не занимался. – Он посмотрел на часы. – Извините, нужно идти. До сеанса осталось совсем немного времени.

– Пойдемте вместе, – Эвелина встала. – А не позволите ли вы мне как-нибудь зайти и посмотреть, как все это происходит?

– Извините, но это запрещено. Я могу потерять работу, а моя диссертация еще не закончена.

– Не волнуйтесь. Я работаю у Караева секретарем и точно знаю, когда его нет в офисе. Пожалуйста. Так интересно посмотреть на сам процесс.

Они дошли до кабинета. Эвелина чувствовала, что, Виктор уже почти готов согласиться.

– Знаете, пока я нахожусь в изоляции, но когда меня выпустят, мы могли бы встретиться.

Виктор казался смущенным, крутил в руках ключ, не решаясь отпереть дверь.

– Могла бы я взглянуть, как выглядит диск, на который записывают воспоминания? – молодая женщина придвинулась ближе, обдавая его запахом духов.

– Но...

– Прошу вас, это займет одну минуту.

– Хорошо, – Виктор быстро отпер дверь и прошел внутрь. Посередине лаборатории стоял окутанный проводами короб с монитором на подставке. Виктор взял со стола запечатанный в полиэтилен диск.

– Вот.

– Ой, какой маленький.

– Знаете, сколько там памяти? Впрочем, цифры ничего не скажут. Человек, придумавший стирание, гений.

«Эти те самые диски, которые лежат в сейфе у Караева», – подумала Эвелина.

– Значит ли это, что у нас есть шанс восстановить наши воспоминания?

Виктор засопел, запах духов Эвелины мешал соображать. Какие-то низменные инстинкты внутри него нашептывали, обнять ее, сорвать поцелуй с манящих губ. Он боролся с собой, и его обычная застенчивость вместе с неуверенностью одержала верх. Все, что смог сделать, это глубже вдохнуть аромат этой чудесной девушки.

– Все это очень интересно, но вам нужно работать. Не смею вас отвлекать. Спасибо за познавательную беседу, – Эвелина заставила себя поцеловать парня в щечку. На всякий случай, чтобы в следующий раз, когда понадобится, могла к нему обратиться.

Довольная собой молодая женщина бежала по коридору к своей комнате.

– Ну как? – спросил Лычкин, глядя на ее сияющее лицо.

– У меня потрясающая информация, – быстро выпалила она. Взмолванный Евгений схватил ее холодные – когда она волновалась, то всегда мерзла, – руки. – Значит ли это, что где-то в тайниках Караева лежат мои воспоминания?

– Надеюсь, что да. – Она вздрогнула и прижалась к нему всем телом, ища поддержки. – Вот только бы не пожалеть бы потом, что мы их получили. Я боюсь, действительно боюсь.

– Если дело выгорит, ты можешь остаться такой, как сейчас. Если тебе комфортно, то зачем?

– Ты будешь считать меня трусихой.

– Вовсе нет. Ты очень даже смелая. В любом случае ты решишь это позже. Сейчас главное: найти мой диск с воспоминаниями.

Эвелина вдруг подумала, что если к ее любимому с ее помощью вернется память, прощение гарантировано.

– Завтра попробую проникнуть в кабинет. Сейф, конечно, всегда заперт. Но вдруг мне удастся выяснить, где Караев прячет ключ.

Он снова сжал ее руки.

– Только умоляю тебя, Эв, будь осторожна.

Она кивнула, думая, что вряд ли сможет отказаться от повторной записи своего прошлого. Мысль о дочке мучила ее с того самого дня. К тому же, если Евгений восстановит память, а она нет, то будет чувствовать себя человеком второго сорта. «А не рою ли я себе могилу? – нашептывал противный голосок. – Может вовсе не надо ворошить прошлое? Ведь если Женя останется со мной, я буду счастлива. Но никогда не смогу забыть о дочери. Как ее звали? Как, черт возьми, я ее назвала?» – Молодая женщина сжала виски руками, пытаясь вырвать воспоминания из забвения, но от этого голова еще больше заболела.

Глава 20

У гениального человека, Дружинникова Владимира Ильича, придумавшего аппарат стирания памяти, возникли большие проблемы. А, может быть, все назревало уже давно, да только он не желал замечать. Сначала не хотел вмешиваться в неправильный – как тогда казалось – выбор дочери. Когда почти сразу после свадьбы Ира объявила о беременности, пытался со свойственной ученым непосредственностью поверить: ребенок станет тем необходимым элементом, который свяжет дочь и зятя в одно целое. Жена возмущалась больше, чем до свадьбы, когда расчет на то, что дочь одумается, не оправдался. Владимир Ильич находился на стадии новой разработки и жил в уютном мирке, ограниченном малюсенькой лабораторией, предпочитая ни во что не вмешиваться. О пороке сердца малышки Ира узнала еще до родов. Муж поставил вопрос ребром: или ты отказываешься от ребенка, или я ухожу. Ира выбрала дочку, которую уже любила и ласково называла Варюшкой.

Через месяц после рождения Варю увезли на первую операцию. Постоперационный период проходил тяжело. Меньше чем через год сделали вторую операцию, которая прошла успешно, но уже через несколько часов состояние Варюшки без видимых причин стало ухудшаться. Делали рентгены, узи, слушали, смотрели и... опять ничего. И вот наступила критическая ночь, которую Владимир Ильич вместе с Ирой провели в больнице. Маленькая Варя лежала, подключенная к огромному количеству аппаратов, систем, мониторов. Их глаза были прикованы к одной цифре сатурации и молили Бога, чтобы она хоть немного выросла, но та неумолимо продолжала ползти вниз. Одна и та же мысль терзала обоих: почему такое маленькое создание, не успев родиться, уже перенесло столько боли и мучений. Врачи реанимации справились, и рано утром на очередном узи всё-таки обнаружили, что причиной явилась венозная коллатераль, не просматривавшаяся на предварительном ангиографическом обследовании. Девочке сделали третью операцию по перевязке венозной коллатерали. Варя еще находилась в больнице, а им уже объявили о необходимости еще одного обследования и операции, которую делают в Берлинском кардиоцентре.

В тот день они молча сидели перед полными тарелками аппетитного жаркого и не могли проглотить ни кусочка. Сбережения закончились, для третьей операции денег заняли у родственников под проценты. Антонина Васильевна не выдержала первой.

– Прав был твой муженек, когда свалил. Не надо было рожать!

Ирина устало взглянула на мать, даже упрекнуть не смогла, только головой покачала и вышла из-за стола.

– Да что ты такое говоришь?! – укорил Владимир Ильич. – Она итак еле держится после всех этих бессонных ночей.

– Это будет бесконечно! – Из глаз Антонины брызнули слезы. – Деньги, операции, долги. Мы уже все продали, жить не на что. Потом скажут, пятая операция, шестая. Мы по миру пойдем. Господи! Зачем только она за этого уroda вышла. Вот не удержали мы с тобой, а теперь на всю жизнь мучение. Тебе-то что?! Ушел на работу, а мы из больниц не вылезаем. Жизни нет. Ничего нет. – Она уронила голову на стол и разрыдалась.

Владимир Ильич подошел к жене. Положил руку на плечо.

– Крепись, Тоня. Не надо плакать. Вдруг Ира войдет.

Она подняла красное лицо с размазавшейся косметикой.

– Повеситься хочется от такой жизни! Боится он, что Ира войдет. А кто нам все это устроил?! Вот пусть как хочет. Я больше не могу! Не могу, слышишь? – у нее начиналась истерика.

Владимир Ильич, теряющийся от женских слез, испуганно твердил:

– Тоня, возьми себя в руки. Тоня, не надо!

– Не могу! – выла Антонина. – Жи-ть хо-чу! Уже недолго ведь осталось. Не помню, когда мы в отпуск ездили.

Владимир закрыл дверь, снова подошел к жене, протянул руку.

– Не трогай меня! – женщина вскочила со стула и выбежала из комнаты. Он услышал, как щелкнул замок в ванной комнате. Дружинников отправился к Ире. Дочь сидела напротив кровати Вари и держала в руках ее любимого зайца со смешными розовыми ушами.

– У твоей матери истерика, – сказал он, присаживаясь рядом.

– Пап, ты сам врач. Скажи, ведь если врачи говорят, что надо еще операцию, мы должны им верить?

– Должны, – тихо отозвался Владимир. – Я верю, и ты верь. Не слушай маму. Когда-нибудь Варюшка поправится.

Дочь посмотрела на отца с благодарностью. Его карие глаза из-под густых поседевших бровей смотрели с грустной добротой. Ира вдруг поняла, что за годы болезни Вари, стала лучше относиться к отцу. Его молчаливая поддержка, несколько скупых слов и ласковое похлопывание по плечу значили больше, чем думалось. Отец был на их с Варей стороне. Мать была бы счастлива, если бы Ира отказалась от дочери. Или хотя бы перестала тратить деньги, пустив болезнь на самотек, на что не раз намекала. Отец был готов жить в нищете и оплачивать счета. Родители, как и друзья, познаются в беде. Теперь она укоряла себя за то, что раньше посмеивалась над отцовской привязанностью к работе, над его рассеянностью и витанием в облаках. Беда проявила в нем другую личность: добрую и великодушную.

Рыдания в ванной стихли. Антонина Васильевна прошла в спальню и включила телевизор. Дочь и отец посмотрели друг на друга. Владимир хрипло сказал:

– Не переживай, я достану деньги.

– Но откуда? Ты же говорил...

– Мне просто не хотелось этого делать, но жизнь Варюшки важнее моей гордости. Придется поехать на родину.

Бледное лицо дочери слегка порозовело, в глазах появилась крохотная надежда. Отец никогда не бросал слов на ветер.

– Попробуешь опять взять в долг?

– Нет, не в долг, – Дружинников усмехнулся. – Хватит уже долгов. Пора заявить о своих правах. – Когда-то давно я создал машину, которая может стирать воспоминания.

– И где она?

– Осталась в России. В Москве. Один человек с ее помощью зарабатывает большие деньги. Стирает болезненные воспоминания.

– Как это?

– Например, обидел девушку молодой человек, а она взяла его и стерла. Любовь прошла, она снова счастлива, – мужчина нахмурил брови, подумав, что дочь может неправильно понять его слова, вспомнив «никчемного мужа», но она только улыбнулась.

– И что этот человек, которому ты продал эту машину?

– Зарабатывает большие деньги на этом. Я потом эту машину усовершенствовал: придумал, как можно в память записать чужие воспоминания. Ну и он сделал из этого бизнес...

– Пап, а зачем ты продал эту машину?

– Носился со своим изобретением, но никто не хотел покупать. Мама твоя мечтала жить за границей. Ты же знаешь, у нее родственники в Германии. Смешно сказать, даже запатентовать изобретение денег не было. Ну я и продал ее единственному покупателю почти за бесценок. Хватило на переезд и на первое время. К тому времени, я и сам начал сомневаться, зачем нужна такая машина. А знакомый мой целый бизнес на этом раскрутил.

Ира теребила в руках розовое ухо зайца. Если отец сможет достать денег, у Варюшки появится шанс. Хотелось еще расспросить про машину, но чувствовала себя слишком усталой и равнодушной. Все ее внимание поглотила болезнь дочери. Окружающий мир почти перестал интересовать.

– Я, пожалуй, лягу, – она поднялась. – Завтра с утра в больницу. – Наклонилась и поцеловала отца в небритую щеку. – Спасибо тебе.

– Да ладно тебе. Ты только не раскисай. Мы выкрутимся. Ради нашей маленькой девочки мы должны быть сильными.

Ира кивнула, сдерживая слезы. Маленькая девочка лежит в палате, опутанная проводами. Ее жизнь зависит от того сумеют ли они собрать денег. В ванной, перед тем, как умыться, Ира разглядывала свое лицо. Теперь она пугалась своего отражения и старалась реже смотреться в зеркало. Синяки под глазами, сеточка морщинок, скорбный рот. В русых волосах уже появилась седина. Не важно, замуж ей больше не выходить, а Варюшка ее и такой любит. Умылась, почистила зубы. Заснула, как только голова коснулась подушки.

Владимир Ильич еще сидел в Вариной комнате, отдавшись воспоминаниям. Как он был счастлив после своего изобретения. Опыты ставил сам на себе. Записывал какой-нибудь неприятный случай из своей жизни на бумажке, а потом стирал. Ему казалось, что он становится более счастливым. Боль, прятавшаяся внутри воспоминания, уходила, появлялись силы. Неизвестно еще до чего бы он дошел, если бы дружок не заговорил об их общей знакомой. Владимир обнаружил провал в памяти. Друг удивился. «Как ты мог забыть, ты же был в нее влюблен?» Дружинников покраснел, перевел разговор на другую тему, но холодок в груди не исчезал весь вечер. Ночь Володя проворочался в постели, думая, что полезное изобретение оказалось вредным. Понял, что стер кусочек своей жизни. Тогда же и дал себе слово, что больше не будет этим заниматься. Помыкавшись по научным институтам, избавился от машины, продав ее Караеву, предупредив о последствиях. Тот только прищурился.

– Это уж пусть каждый для себя сам решает, я не священник. Не может человек смириться с чем-то в своей жизни, пусть стирает. Меня интересуют только деньги.

Дружинников уехал в Германию, надеясь, что придумает что-нибудь лучшее, но ничего больше не приходило в голову. Что делал с его машиной Караев, не знал, пока знакомый не привез журнал, в котором была реклама фирмы «Дотянись до успеха». Сердце тревожно забилось, он был почти уверен, но все же долго проверял, прежде чем узнал, кто владелец фирмы. Сначала хотел позвонить, но потом решил, что с Константином лучше поговорить лично. Ссориться не собирался, но свою долю хотел получить. Пригрозит, что запатентует изобретение. Настраивал себя на войну. Ему было ради кого бороться. Ради маленького существа, которое за свои два года жизни, жизни еще не увидела. Ради дочери, которая пожертвовала молодостью. И еще ради жены, которую он по-прежнему любил.

39.

Проснулся Сергей с гудящей от вчерашнего головой. Началось все с предложения школьного друга Лаврика выпить по кружечке. Облюбовав уличную кафешку в парке, заказали пива. За соседним столиком сидели две девушки, которых они угостили. Как же их звали? Катя, Маша? Да черт с ними. Лег на спину, рассматривая облупившийся потолок своей комнаты. Кстати, как он попал домой? Кто его привез? Словно в ответ на вопрос дверь приоткрылась.

– Кофе будешь?

Не веря себе, протер глаза. Высокая девушка в его голубой рубашке, завязанной узлом на животе, и в черных прозрачных трусиках приближалась к кровати с двумя чашками в руках.

Сергей попытался сесть, но приступ дурноты заставил опустить голову на подушку.

– Кто ты? – безжизненным голосом спросил он.

– Ну, ты герой! – усмехнулась девушка, усаживаясь на край постели и делая глоток из белой кружки с сердечками. – Вчера в любви признавался и жениться обещал, а сегодня дурака валяешь?

– Жениться? – медленно повторил Сергей. Надо же было так напиться. Он начал припоминать, что после пива Лаврик предложил повесить градус и перейти на водку. Уверял, что ничего не случится. Интересно, он тоже проснулся с невестой?

– О чем ты говоришь? Я даже не помню твоего имени.

– Нечего было водку пивом запивать, – улыбнулась девушка. – Зовут меня Катя. Поздно метаться. Квартира твоя мне понравилась. – Она по-хозяйски оглядела комнату. – Ремонтник, правда, надо будет сделать к свадьбе.

– Но я даже не помню, что у нас с тобой что-то было, – отбивался Сергей.

– Зато я помню. Горячих мужиков я люблю.

– Я не горячий, просто давно ничего не было... – канючил Сергей.

– Не притворяйся, – она взъерошила ему волосы. – Все у нас с тобой будет хорошо.

Поняв, что сопротивляться бесполезно, Сергей попросил:

– Может, раз уж ты моя невеста, так за пивом сбегаешь, а то так хреново.

Девушка посмотрела на часы:

– Еще чего. Я на работу опаздываю. Пей вот кофе. – Она поставила кружку на кровать.

От упоминания о работе, Сергей почти протрезвел. С трудом фокусируя взгляд, разглядел положение стрелок настенных часов. Десять часов дня. В это время он должен проводить процессинг Максиму. Вот черт.

Катя, похоже, похмельем не страдала. Мурлыкая песенку, натягивала узкие джинсы.

– Дай мне мобилу, – попросил он.

Катя подала с журнального столика Нокию и натянула короткую кофточку. Набирая номер офиса, он любовался девушкой. Если уж суждено жениться, так по-крайней мере, детки будут красивые. Все могло быть и хуже, если вспомнить известное утверждение, что некрасивых женщин не бывает, а бывает мало водки.

– Фирма «Дотянись до успеха» – услышал он ровный голос Эвелины.

Она соединила его с Лычкиным, который выдал ему по первое число и пообещал сообщить Караеву.

Вздыхнув, Сергей бросил мобильный. Катя накрутила ресницы, собрала волосы в хвост и подошла к кровати.

– Пока, герой.

– Вечером придешь? – спросил он, продолжая ее игру, но девушка нахмурилась.

– Я пошутила. Хотела переспать с тобой, чтобы отомстить своему парню, но ты так напился, что ничего не было. Ну что ж, все к лучшему. Так мне и надо.

– Прости, я был идиотом, – Сергей почесал затылок. – Ну ты мне и, правда, понравилась. Хоть телефон оставь.

– Так понравилась, что ты сразу заснул, когда мы оказались в постели? А с утра мое имя забыл?

Она повернулась спиной и зацокала каблукочками к двери. Спина у нее была ровная и обиженная. Сергей мог бы еще ее догнать, но тяжелая голова не желала приподниматься от подушки, не говоря уже о других частях тела. Услышал, как хлопнула входная дверь и закрыл глаза. Надо же было так напиться.

В десять часов Максим постучал в дверь уже знакомого ему кабинета. За пару недель, проведенных в центре, он уже наловчился придумывать разные истории, которые не сильно радеющий о работе Сергей успешно «стирал», нажимая на кнопку.

На месте Сергея очень прямо сидел незнакомый молодой человек с торчащей челочкой, похожий на птицу.

– Вы Максим Кокарев?

– А где Сергей? – стараясь казаться равнодушным, спросил Макс. Первая же мысль, пронзившая его мозг, была о том, что «птицу» обмануть будет сложно. Если, вообще, удастся.

– Проводить процессинг теперь буду я. Зовут меня Андрей Щербаков. Присаживайтесь. Не будем терять времени.

Кокарев опустил на стул и постарался взять себя в руки. На вопрос пройти какой-нибудь возможно ранний случай, начал рассказывать придуманную заготовку о том, как отец выкинул из дома любимого щенка. Щербаков насторожился. Стрелка приборчика спокойно находилась на месте, в то время как от эмоций, которые должен испытывать парень, она должна была давно перескочить в зону боли. Не показывая виду, Андрей попросил, повторить случай еще раз и проверил соединение проводов. Прибор казался исправным. Но на всякий случай Щербаков сбегал за другим. Макс, видя по его обеспокоенному лицу, что сотрудник что-то заподозрил, заволновался еще больше. Чувствовал, как от пота намокла рубашка под мышками. Ругнул себя, пытаясь не поддаваться панике. Андрей подсоединил новый прибор, но ситуация повторилась. Эмоции отсутствовали. Внимательно посмотрел на Максима и заметил, что парень нервничает. Уголок рта подергивался, на щеках загорелись два красных пятна. Андрей понял, что история явно вымышленная, но невозмутимо попросил еще раз повторить. Заплетающимся языком Максим снова рассказывал тот же самый случай, чувствуя, как холодный пот струится по спине. Захотелось сбежать. В голову закралась мысль, что этот парень с холодными глазами разозлится и сотрет его, как Лычкина. Перепугался, забыл о чем рассказывал. Горло перехватило, не мог вымолвить ни слова. Андрей увидел, что стрелка переместилась, но это перемещение, как он догадался, не имело никакого отношения к рассказу о щенке. Щербаков решил подыграть ему и сделал вид, что все в порядке.

– Замечательно, сейчас я нажму на кнопку, и этот случай исчезнет из вашей памяти навсегда.

Максим бросил быстрый взгляд на Лычкина, пытаясь понять, удалось ли ему обмануть, но лицо Щербакова оставалось непроницаемым.

– Ну а сейчас попытайтесь вспомнить случай, который до сих пор оказывает воздействие на вашу жизнь. Вспомните самую большую потерю или утрату в вашей жизни? Сейчас я сосчитаю от одного до пяти, и вы окажетесь там.

Натренированный голос Андрея звучал подобно голосу гипнотизера. Максиму показалось, что сотрудник копается в его памяти, отшелушивая ненужное. Перед ним возникло лицо Аленки. Не ее живое, румяное лицо, которое он так любил, а замазанное коричневым тональным кремом, которое он видел в гробу. Он вдруг осознал, что ничего не забыл. Видел себя, стоящего у розового гроба, слышал причитания Аленкиной матери. Стрелка метнулась. Щербаков удовлетворенно взглянул на парня. Максим пытался сопротивляться и думать о чем-то другом. Сознание раздвоилось. Одна его часть отчаянно желала избавиться от этой боли, другой нравилось терзание.

– Что происходит? – спокойно спросил Щербаков.

Максим понял, что не в силах ничего придумать. По щеке поползла слеза.

Щербаков нажал на кнопку. Промежуток жизни свернулся в трубочку, смялся, превратился в точку и исчезнул. Максим подслеповато моргал глазами. Что-то сейчас произошло.

– Как вы себя чувствуете? Сегодня был очень важный день, мы закончили нашу сессию. Вы хорошо поработали.

Максим чувствовал фальшь в словах Андрея, в вывернутых уголках полуулыбки. Он знал, что случилось непоправимое и пытался понять что именно, задавая себе вопросы: кто я и что я. Он все еще знал собственное имя и прочие части своей биографии. Осознавал цель своего пребывания в виннерском клубе. Вроде бы все в порядке. И все же что-то не давало покоя.

Дойдя до своей комнаты, он вдруг испугался. Страх, настоящий страх охватил все его существо, когда он подумал о том, что с ним может произойти. Сергей, успешно принимающий вымышленные истории, может больше не появиться, и с ним будет работать этот молодой человек. Как же его звали, ведь он представился? Не важно. Он настоящий профи, сразу раскусил его вранье и стер какой-то случай из его жизни. Что это было? Кокарев закусил губу до крови, пытаясь вспомнить. Внутреннее чувство подсказывало, что это было что-то важное, от чего он не хотел избавляться. Но вспомнить не мог. Внезапно понял, что должен бежать из этого заведения, пока не произошло непоправимое. В одиночку ему не справиться. Знал бы раньше, что у них существует какой-то аппарат, вроде детектора лжи, который не обманешь, не стал бы и соваться. А теперь нужно бежать, чтобы не превратиться в зомби. Те, кто попали сюда, сами виноваты, пусть выкручиваются, как хотят. И дядя Женя тоже. Максим бежал почти бегом по длинному коридору без окон к первому этажу. Понял, что соскучился по солнцу, хочет вдохнуть свежего воздуха. Остановился, чтобы отдышаться.

Здоровенный детина в камуфляжной форме таращился в маленький цветной телевизор. Кокарев хотел проскользнуть мимо, но тот оторвался от экрана.

– Ты куда? Пропуск есть?

– Какой пропуск? – промямлил Максим.

– Для того чтобы уйти должен быть пропуск или паспорт.

Кокарев вспомнил, что паспорт отобрали. Сейчас это казалось чудовищным.

– Но я хочу уйти!

– Без пропуска не выпущу.

– Но вы не можете держать меня силой! – Максим почувствовал, как у него сдали нервы. – Чуть не закричал: «Я хочу домой». Решительно двинулся к двери, но та оказалась заперта. Начал дергать за ручку.

– Слышь, ты?! Дверь не ломай. Я ваших правил не знаю и знать не хочу. Выпускать без пропуска никого не велено. – Сейчас позвоню Щербакову и все выясню. Как твоя фамилия?

Максим перепугался еще больше. Если этот детина сообщит парню с хохолком, а, похоже, он тут главный, тот сотрет ему всю память.

Кокарев оставил дверь в покое. Наблюдая, как охранник одним взглядом, косясь на экран, водит пальцем по книге, разыскивая, номер телефона, быстро сказал.

– Не надо никому звонить. Я принесу пропуск.

Побежал по лестнице на второй этаж. Сердце колотилось в груди. Он пленник, пленник. Ему не вырваться отсюда.

Андрей Щербаков записал проведенную сессию, после чего убрал прибор и, устроив остренький подбородок на руках, задумался. С этим парнем явно что-то было не так. Зачем пытаться подsunуть вымышленную историю, если все здесь только и мечтают избавиться от болезненных воспоминаний. Пролистал его дело. Скорее всего, все случаи вымышленные. Вдруг Андрей вспомнил, что несколько раз видел Максима с Лычкиным. Засланный казачок? Щербаков взволнованно захрустел пальцами. Надо взять под особое наблюдение. В уголке личного дела сделал пометку карандашом, чтобы не забыть. С завтрашнего дня нужно заняться этим парнем как следует. А лохуновичку сделать строгое внушение.

Глава 21

Устроившись в дешевой гостинице, Владимир Ильич поехал в центр «Дотянись до успеха». Всю дорогу накручивал себя: надо добиться результата. Знал, что Константин не сдастся без борьбы и постарается избавиться от него, но отступать некуда. На поездку в Москву потрачены последние деньги. Возле проходной Дружинников глубоко вздохнул и положил руку в карман, где лежало фото Варюшки. Охранник, страдавший от поноса, вышел в туалет, попросив вместо себя посидеть уборщицу. Ей, в общем-то, было все равно, кто пойдет в этот странный центр, в котором отсутствовали окна. Увлечшись сериалом, она поленилась записывать Дружинникова. Владимиру определенно везло, второй охранник, дежуривший у самого входа в здание, отошел покурить. Попавшийся навстречу профессору молодой человек подсказал, как найти Караева. В приемной Эвелина уже выключила компьютер, готовясь уйти. Константин Борисович неожиданно уехал в Доминикану с Ириной, оставив ее разбирать бумаги и отключив интернет.

– Добрый вечер! – Владимир Ильич подошел к Эвелине.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – машинально проговорила она, отмечая необычную мягкость улыбки посетителя, хорошо отглаженный приличный костюм. «Не похож на лузера», – подумала девушка.

– Мне нужен Караев Константин Борисович.

– К сожалению, его сейчас нет, – Эвелина взяла в руки карандаш. – Могу оставить для него сообщение?

– Когда он будет?

– В лучшем случае через неделю.

– О! – вырвалось у Владимира Ильича. – Я не смогу так долго ждать. Скажите, он в Москве?

– Константин Борисович в отпуске. Если у вас что-то срочное, я передам, он свяжется с вами.

– Мне нужно поговорить с ним лично. Дело в том, что я специально прилетел из Германии...

Дружинников сразу сник. Какой же он идиот, что не узнал, будет ли он на месте. И что теперь ему делать?

– Из Германии? – Отсутствие Караева придало Эвелине смелости. – Если решили вступить в клуб виннеров, у вас еще есть время передумать. – Сама удивилась своим словам. Ведь когда-то была уверена в правильности того, что делает. И вот сейчас ей вовсе не хотелось, чтобы этот приятный мужчина лишился своих воспоминаний.

В карих глазах Владимира зажегся огонек интереса. Он подошел ближе и понизил голос.

– Почему вы так считаете?

Эвелина закрыла дверь в приемную и понизила голос:

– Это не всегда хорошо заканчивается. Человек, с которым я живу, жалеет, что прошел через это и был бы счастлив вернуть стертые воспоминания.

Она вкратце рассказала про Евгения. Один раз споткнулась, когда пришлось соврать, что его память стерлась случайно.

– Ради Бога продолжайте, – Владимир уселся на стул без приглашения и весь превратился вслух. Ему хотелось узнать, как используют его машину. Узнав, что Караев буквально поставил на поток изготовление виннеров, профессор застонал и схватился за голову. – Но это же полное нарушение прав. Кстати, вы – он оглядел Эвелину, – просто работаете здесь или... – Он не решился задать вопрос: не оказалась ли эта миловидная девушка пострадавшей.

– Я сама прошла через это, – доброе лицо Дружинникова скривилось от боли, и Эвелина поспешно добавила: – но меня все устраивает. Ну, почти все. Я даже боюсь подумать, кем была раньше. – Девушка вспомнила Верстакова и передернула плечами. Все это время она гнала от себя мысли о нем.

– Понятно, – мозг Владимира Ильича лихорадочно работал. – Вы что же, совсем не помните свою прошлую жизнь?

Эвелина вдруг обратила внимание, какие глаза были у ее нового знакомого. Глаза человека, у которого случилось непоправимое несчастье.

– Совсем не помню.

– Говорите, Караев надолго уехал? – профессор думал, что смог бы им помочь. Их воспоминания хранятся на дисках, которые можно изъять у Караева. Он должен прикрыть это заведение и освободить людей из ловушки, в которую они попали из-за его изобретения. Дружинников попросил у Эвелины воды.

– Простите, что наболтала лишнего.

Больше всего Дружинникову хотелось во всем признаться и вместе с этой девушкой и ее парнем вывести Караева на чистую воду. Владимир Ильич полез в карман за платком и почувствовал хруст Вариной фотографии. Если развязать войну с Караевым, денег не получить. Пока он будет бороться за восстановление памяти этих людей, Варя умрет. Поднялся со стула, подавив стон.

– Как вас зовут?

– Эвелина.

Знала бы эта симпатичная девушка, что машину стирания воспоминаний придумал он.

– Мне нужно идти.

– Конечно.

Эвелине хотелось спросить, уходит ли он навсегда или вернется позже, но лезть в душу не хотелось. Она сделала все, что смогла, а там уж пусть сам решает. Конечно, Женя нашел бы более убедительные аргументы.

Владимир почти бежал по коридору. То, что узнал, было чудовищно. Караев нахально использовал людские слабости. Откуда-то доносились голоса и звон посуды. Заглянул в столовую и застыл в дверях, вглядываясь в лица сидящих за столиками людей. Кажется, он начал понимать, что происходит. Сидящий на входе охранник взглянул на него с подозрением.

– Пропуск?

Сердце Владимира екнуло. Еще не хватало, чтобы его задержали.

– Я пришел, чтобы встретиться с господином Караевым. Оставил информацию секретарше.

Охранник окинул взглядом немолодого солидного мужчину в костюме. Для клиента заведения староват.

– Паспорт есть?

– Вот, пожалуйста, – Владимир вынул паспорт в кожаной обложке.

Пролистав страницы, детина нехотя встал и отпер дверь.

– Проходите. В следующий раз берите пропуск на входе и подписывайте у директора.

Владимир с удовольствием вдохнул пропахший бензином воздух Грузинского вала и поспешил к метро «Белорусская».

По дороге в гостиницу купил бутылку водки и закуску. Хотелось напиться. Изобретение, казавшееся достойным Нобелевской премии, превратилось в адскую машину стирания личности. После второй рюмки профессора вырвало. Дружинников ненавидел себя, ясно осознавая, что как порядочный человек должен прикрыть эту уродующую души контору. Положил перед собой фотографию Вари и смотрел в ее грустные страдающие глаза. У детей не должно быть таких глаз. Это возмездие за то что, охотясь за деньгами, он продал машину, не беспокоясь о том, как ее будут использовать.

Октябрь засыпал Москву желтыми листьями, дворники усердно трудились, собирая их в черные мешки. Ночью температура опустилась ниже нуля и утром, когда Карина вышла из дома, было уже по-зимнему холодно. В лицо дул ветер. Спрятав нос в воротник куртки, молодая женщина побежала к метро. Работа стала для нее настоящей отдушиной, в сентябре она взяла еще одну перспективную ученицу, которую про себя назвала Лебедкой. В десять лет фигура девочки еще не оформилась, лишь гордо поднятая головка с высоким пучком на макушке, длинная шея и выразительные руки, говорили о том, что когда-нибудь она превратится в красавицу. Лебедка напоминала любимую фигуристку Наталью Лининчук. Все детишки радовали своими маленькими или большими достижениями. Работа да Сашенька помогали держаться на плаву и не захлебнуться в накатывающей по ночам депрессии. Тоска по Жене не проходила, а с каждым днем усиливалась.

Телефон Максима ещё был выключен, и она ругала себя за то, что не удержала парня. Семейная жизнь окончательно разладилась. Дмитрий, не стесняясь, звонил в ее присутствии другой женщине. Однажды Карина не выдержала и предложила развестись. Супруг расхохотался, возразив, что после ее предательства, чувствует себя полностью свободным от всяких обязательств и без развода. Ко всему прочему ему негде жить, а возвращаться к маме не хочется. Пусть благодарит ее, что не водит сюда женщин. Усмехнувшись, добавил не ради нее, конечно, ради сына.

Карина вздохнула. Вечный квартирный вопрос. Это жилье куплено на ее деньги, но Дмитрий прописан, что означало, что может жить здесь до конца жизни. Бывшая чемпионка обратилась к знакомому риэлтору и узнала, что возможностей для разъезда без доплаты фактически нет. А это означало, что долгие годы придется делить места общественного пользования, превратив некогда уютный дом в коммунальную квартиру. Теперь они с Сашенькой заняли гостиную, уступив Дмитрию спальню, где все еще стояла, напоминая о несостоявшейся семейной жизни, их двуспальная кровать.

История с Женей выжала из Карины все соки, ее жизнелюбие исчезло, озорной огонек в глазах сменило грустное пламя стареющей женщины. Морщинки в уголках глаз выделились, губы сжались. По рабочим дням она заставляла себя подкрашиваться, в то время как в выходные ходила без макияжа. Голое лицо на фоне темных волос выделялось своей незащищенностью. Каждый день просыпаясь, Карина понимала, что должна взять себя в руки. Иногда хотелось стереть воспоминания о Жене, чтобы хоть как-то выйти из кризиса. Жить для себя, для Сашеньки, для своих учеников. Воспоминания об их любви теперь были только ее. Даже если им будет суждено встретиться, он пройдет мимо. Так пусть уж лучше она будет жить, перебирая их встречи, подобно тому, как старушка рассматривает в альбоме фотографии своей молодости. Карина не жалела о том, что полюбила, жалела

лишь о том, что растворилась без остатка в их отношениях и ничего не оставила для себя.

Евгений проснулся от того, что Эвелина застонала во сне и, словно ища защиты, положила голову на его плечо. Заснуть снова не получилось, и он лежал, боясь пошевелиться, думая о своей жизни. Начинался новый день, а это означало, что воспоминаний на вчерашний день стало больше. Их отношения с Эвелиной улучшились, он знал, что она любит его и, как ни странно, начал ощущать благодарность за прежде раздражавшее его чувство. Интересно, останутся ли они вместе, когда вырвутся отсюда? Он вовсе не был в этом уверен. Маленькая надежда, что ему удастся вернуться к себе, придавала силу и терпение переносить жизнь в виннерском клубе. Работая в столовой и жалея тех, кто оказался здесь, Евгений старался порадовать новоиспеченных виннеров новыми блюдами, рецепты которых сохранились в памяти. Евгений много размышлял над изобретательностью мозга. Было чудом, что он ничего не помнил о себе, но в то же самое время, мог рассказать содержание «Войны и мира», которую читал в школе.

Эвелина открыла глаза и обхватила его рукой.

– Ты здесь. Значит, все это было сном. Мне снилось, что ты ушел к Карине.

– Как тебе могла сниться Карина, если ты ее никогда не видела?

– Я видела ее выступления.

– Думаю, она уже забыла обо мне.

Эвелина свернулась вокруг него клубочком и уткнулась носом в шею.

– Я никому тебя не отдам. Никому.

– Брось, Эв. Ты сама уйдешь от меня, если вспомнишь кто ты такая.

– Никогда. Мы восстановим память, заберем наших детей и будем жить большой дружной семьей. Я научусь печь пироги.

Лычкин усмехнулся.

– Идиллия, да и только. Если ты хочешь пирогов, я могу это устроить. С мясом, капустой или грибами с картошкой.

– С мясом.

– Ладно, давай вставать. Через час мне надо быть в столовой. На обед будут пироги.

Молодая женщина игриво прижалась к нему.

– У нас еще уйма времени, и тебе идет легкая небритость.

Глава 22

Каждый день Эвелина посматривала на запертую дверь кабинета Караева. Там, в сейфе, на крохотных дисках хранились их воспоминания, которые она должна достать любым путем. Иначе, не будет ей прощения. Вчера она узнала от Макса, что члены правительства сплавляют в виннерский клуб своих надоевших жен. Что, если она попала в эту организацию, не по собственному

желанию, а по прихоти мужа? Верстаков заплатил, чтобы ее память стерли. Вдруг с ее дочерью, о которой она ничего не помнила, плохо обращаются? Она так расстроилась, что не спала всю ночь и встала утром совершенно разбитая. Теперь уже Евгений успокаивал ее.

– Эв, я тебя уверяю, мы сделаем все, чтобы узнать правду. Хорошо, что ты поняла, насколько это важно.

– Одно дело считать, что ты пришла сюда по доброй воле и совсем другое – узнать, что твоя половина решила таким изощренным способом от тебя избавиться.

Утром она подошла и подергала дверь главного стирателя, испытывая большое желание ударить в нее ногой. Потом заставила себя приняться за дело. Интернет по-прежнему был выключен. Тот раз оказался единственным. Пока разбирала папки, в приемной появился главный злодей собственной персоной. Загоревший и посвежевший после отпуска. Немного рассказал про отдых, посетовал на циклон, который и заставил его вернуться раньше.

После чего открыл ключом заветную дверь и исчез в кабинете. Через некоторое время зазвонил телефон. Это был все тот же мужчина из Германии, исправно справляющийся каждый день, не приехал ли шеф. Каждый раз, слыша его голос, Эвелина думала, что поступила глупо, рассказав ему, что здесь происходит. Это не удержало его от решения стать виннером, но вполне может навредить ей, если он проговорится Караеву.

– Приехал! – сообщила Эвелина. – Как вас представить?

Владимир назвал, чувствуя, что начинает волноваться. Стиснул в ладони Варину фотографию.

– Константин Борисович, с вами хочет поговорить господин Дружинников.

Как ни хорошо владел собой, директор центра «Дотянись до успеха», он все же переспросил:

– Дружинников? Как его имя?

– Владимир Ильич.

Возникла пауза. Караев крепче сжал трубку. Голос из прошлого. Что ему надо? Он рассчитывал, что изобретатель никогда не появится.

– Константин Борисович, вас соединять? – вклинился холодноватый голос Эвелины, чем-то напоминавший голоса диктора, сообщающего сводки погоды.

– Соединяй, – коротко бросил он и подобрался.

Сначала Эвелина решила послушать, чтобы убедиться, что Дружинников не выдаст ее, но первые фразы заставили крепче прижать трубку к телефону.

– Сколько лет, сколько зим, профессор, – фальшиво бодро начал Караев. – Как живете-поживаете в Германии?

– Спасибо. Был в офисе, удивился вашей предприимчивости, – издали начал Дружинников.

– Как вы туда попали? Там охрана.

– Бойцов ваших не было на месте. Можно сказать, что я впечатлен. Даже в тюрьме есть окна.

Караев нахмурился.

– Профессор, рад вас слышать, но убегаю на совещание. Может, как-нибудь увидимся. Привет супруге.

Голос Дружинникова стал жестким.

– Встретиться надо, Константин. Разговор есть.

– Занят я, только приехал.

– Не займет много времени. Вы же не захотите, чтобы я засветился, как изобретатель? Я могу подъехать, куда вам удобно. Я в отпуске.

«Черт! Черт! Черт!» – про себя выругался Караев. Какой же я идиот, что себя не обезопасил.

– Хорошо. Давайте встретимся через час. Недалеко от метро Белорусская есть кафе «Хмельная чарка».

– Хорошо, – согласился Владимир и повесил трубку. Разжал пальцы, из которых на стол выскользнула Варина фотография. «Все у тебя будет хорошо, Варечка. Все будет хорошо». Собирался он быстро. Из гостиницы до Белорусской как раз час и будет. Должен успеть.

Разъяренный Караев вылетел из кабинета, едва Эвелина успела повесить трубку и открыть погасшее окно компьютера, чтобы изобразить видимость работы. Некоторое время сидела, думая как лучше использовать полученную информацию. Человек, создавший подобную машину, должен помочь им вернуть воспоминания. А она-то, дурочка, еще пыталась отговорить его получать процессинг. Беспокоилась. А господин Дружинников приехал за барышом.

В «Хмельную чарку» Константин Борисович пришел пораньше. Звонок из прошлого ухудшил и без того плохое настроение, и он решил пропустить пару рюмочек коньяку, чтобы привести себя в форму. «Хмельная чарка» относилась к разряду дешевых заведений. Деревянные столы, бумажные салфетки с меню. Караев любил бывать здесь. Войдя, приветливо кивнул знакомому официанту и тот проводил его за столик для двоих. Потягивая коньяк, Константин посматривал на улицу. Когда появится Дружинников, он увидит его. Если узнает. Ведь с тех пор прошло лет десять. Несмотря на гордое звание профессор, Дружинников был настоящим лузером. Караев недоумевал: дал же Бог мозги, чтобы придумать такую машину и не дал обычной житейской мудрости. Спорт приучил Константина к жесткости и дисциплине. Когда подвыпивший Дружинников поведал о своем изобретении и посетовал, что никто не хочет его купить, сухо пообещал поспрашивать знакомых. Через две недели позвонил и предложил свою цену.

Владимир Ильич подошел к «Хмельной чарке» быстрым шагом. Беглым взглядом окинув столики, узнал Караева. Обратил внимание, что покупатель его детища поправился и постарел.

– Присаживайтесь! – кивнул директор виннерского клуба. Профессор снял плащ и повесил на вешалку. Если бы знал, что «Хмельная чарка» окажется заведением подобного рода, не стал бы надевать костюм с галстуком.

– Что будете пить? – осведомился Караев. – Я вот решил коньячку.

– Коньяк не пью, сердце не позволяет. А вот чай с удовольствием. – Сделав заказ, огляделся. Почему Караев выбрал это заведение для встречи? Хотел показать, что дела у него идут плохо? Ладно, не важно.

Дружинников постукивал пальцами по деревянному столу, обдумывая с чего начать щекотливый разговор, но Караев перехватил инициативу.

– Вы что же это, угрожать мне надумали? Я вас отправил в прекрасную страну, а вы... Я уже думал, что никогда вас не увижу. – Шутливый тон сбил Владимира Ильича с толку. Никогда бы не приехал, если бы не Варюша. Дружинников решил действовать напрямик. Вынул из кармана фотографию и положил перед Караевым.

– Моя внучка Варя.

Константин рассматривал фотографию, пытаясь понять, куда клонит профессор.

– Милая девчушка, рад за вас.

– Вот из-за нее я и приехал, – Владимир Ильич смотрел на лежавшую перед ним фотографию. – У Варюши врожденный порок сердца. Две операции мы вытянули своими силами, на третью денег не оказалось.

Константин все понял. Когда были исчерпаны ресурсы, старый хрен вспомнил о машине. Приехав в Москву, обнаружил, что дела в «Дотянись до успеха» идут неплохо. Вот и решил надавить на жалость. «Как бы ни так, – думал Караев. – За третьей операцией последует четвертая, потом пятая, позже потребуются деньги на реабилитацию. Сам не заметишь, как это чадо станет твоей приемной дочерью». Константин к больным детям жалости не испытывал, считал: их надо умертвлять при рождении, чтобы не портить генофонд. Кого родит эта Варя, если ей удастся протянуть лет двадцать, забеременеть и выносить ребенка? Инвалида, подобного ей?

– Сочувствую вам, – Караев сделал знак официанту, чтобы заказать еще коньяку. – Но, как говорится, помочь не могу. Сам в долгах.

Утверждение Караева не было враньем. Проект постройки московской гостиницы, в который он вложил деньги, требовал новых вливаний. Подписывая бумаги, совершили большую ошибку, и вот как результат, власти города запретили проект.

– Сможете, если захотите! – уверенно заметил Дружинников. – Тогда вы воспользовались моим положением и получили машину почти задаром. Она приносит вам хорошие деньги. Я не прошу много, всего лишь сорок тысяч евро.

– Сорок тысяч евро?! – повторил Караев. Он думал, что речь будет идти о паре тысяч долларов. – Но это же полквартиры в Москве. Откуда у меня такие деньги? Неужели вы думаете, что мой центр приносит подобный доход? Я, можно сказать, занимаюсь этим из любви к людям. Тяжело видеть, как наши граждане превратились в настоящих лузеров. Уж не знаю, откуда вы взяли, что я неплохо зарабатываю.

Дружинников понял: предстоит борьба. Ну что же, он готов. За это время собрал некоторую информацию.

– Да бросьте благодетеля разыгрывать. Я вас тогда предупреждал, что машину нужно использовать с осторожностью. Мне, конечно, очень жаль тех людей, которых вы одурачили. Думаю, многие из них хотели бы дать задний ход, и я мог бы помочь. – Он вспомнил Эвелину и почувствовал угрызения совести. Целую неделю изобретатель мучился, думая, как ему поступить и, в конце концов, решил предоставить выбор судьбе. Принятие решений давалось с большим трудом, он был из тех людей, которые предпочитают плыть по течению и радоваться, когда все решается само. Так и здесь. В конце концов, решил: если Караев даст деньги, уедет в Германию и не станет поднимать шума. Да, это подло. Да, он создатель этой машины, но выбирает жизнь близких. Если же Караев отказывается, начинает борьбу. В этом случае на деньги рассчитывать не придется, и он даже боится подумать, что будет с Варей. – Выбирайте, Константин, сорок тысяч евро или ...

Караев весь подобрался, как животное перед прыжком. С тех самых времен, когда он был фигуристом, он умел и любил сам процесс борьбы. Пусть только этот мямля сунется. Его чудесная голова окажется в той же мясорубке, что и Лычкина.

– Или? – холодно переспросил он. – Война? Предупреждаю сразу: у меня хорошие покровители. Многим членам правительства нравится ваша машина. Позволяет убирать ненужных людей, не опускаясь до убийства. Они не позволят вам вмешиваться. Ваше изобретение очень хорошо используется.

Дружинников смотрел в окно. Осеннее солнце скрылось, на улице стемнело. Начался дождик. Спешащие мимо бара люди доставали из сумок зонты и натягивали капюшоны. Москва жила обычной суетливой жизнью. Владимир Ильич вдруг подумал, что Варя никогда не увидит Москвы. Он проиграл. Какую борьбу бы не начал, денег скоро не достанет, если достанет, вообще. Медленно перевел взгляд на уверенное лицо Караева.

– Вы ведь никогда не пользовались моей машиной, чтобы стереть что-то из своей жизни?

– Разве я похож на лузера?

«Ты похож на дьявола», – подумал профессор и вслух сказал:

– Значит, вы не имеете понятия, что происходит в голове у ваших пациентов?

– А почему меня это должно волновать? У меня составлено досье на каждого, кто попадал ко мне. В том числе и на моих покровителей. Они об этом не знают. – Караев улыбнулся, вспомнив, как остолбенел Верстаков, увидев свою жену в роли секретарши. Как униженно просил не давать делу ход, даже пообещал заплатить свои долги. Константин навел справки через своих людей и узнал, что все имущество, квартиры, машины оформлено на Эвелину, а срок доверенности истек. Так что у него в приемной, печатая его бумажки, сидит настоящее богатство. Он и сам иногда подумывал жениться на ней для поправки личного бюджета. Конечно, он не из тех, кто женится, да и госпожа Верстакова, по уши влюбленная в своего лузера, ему не нравится. Но как запасной вариант подходит.

На столе пискнул, возвещая о приходе смски телефон. Дружинников раздвинул слайдер.

«Пап, как дела? Чтобы сделать операцию в декабре, надо сейчас вставать в очередь». Сердце Владимира тоскливо сжалось. Бедные его девочки. Он решил предпринять последнюю попытку.

– Ладно, Константин. Я понимаю, что сорок тысяч большая сумма, но, может быть, вы готовы заплатить хотя бы половину? Девочке очень нужна эта операция.

«Итак, ставки падают», – Караев холодно поднял глаза на своего собеседника.

– Вы напрасно пытаетесь меня разжалобить. Я давно отучился сочувствовать чужому горю. Да и денег у меня таких нет. И признаюсь, если бы даже были, я бы их вам не дал. Другое дело, если бы вы придумали еще какую-нибудь замечательную машинку...

Профессор не мог оторвать взгляд от окна. Только теперь, погруженный в свои мысли, он ничего не видел, думал, что делать. Даже забыл о Караеве. Разговор ни к чему не привел.

– Никаких других машин у меня нет, – ответил он, удивляясь, как спокойно звучит его голос, несмотря на раздражающие эмоции. – И если бы даже были, я бы их вам не продал. Ну что ж, – его карие глаза оглядели Караева с грустью и некоторой обреченностью. – Ваш отказ лишь напоминает мне о моих обязательствах. – Он достал из кармана пиджака бумажник, собираясь расплатиться за чай, к которому так и не притронулся.

– Не забудьте об осторожности, – бросив купюру на стол, – Караев поспешил к выходу.

Мобильный в кармане предупреждающе запищал и, вынув его, Константин обнаружил, что батарея садится. «Наверно, лучше его выключить», – лениво подумал он, размышляя, как занять оставшееся время. В офис возвращаться не хотелось. Решил позвонить Ирке. Пока думали в какой ресторан пойти, телефон разрядился. Хорошо хоть успели договориться. Сунув бесполезную игрушку в карман, Константин отправился на Тверскую.

Глава 23

В этот день Караев больше в офисе не появился, и, напечатав необходимые письма, Эвелина погрузилась в размышления, от которых ее отвлек тихий стук в дверь. После ее приглашения в приемную вошел, даже скорее протиснулся, как будто что-то мешало ему открыть дверь пошире, Виктор.

– О, привет! – легко отозвалась она, воодружая на лицо очаровательную улыбку. – Здорово, что зашел. Как дела?

Ссутулясь, молодой человек подошел ближе, и Эвелина заметила его напряженное лицо.

– У меня... проблема. Нужно срочно уехать. И, боюсь, надолго. Маме предстоит операция.

– Сочувствую. – Шефа, – она кивнула в сторону запертой двери, – сейчас нет.

Сбивчивым от волнения голосом молодой человек объяснил, что телефон Караева не отвечает, самолет через три часа, а у него на руках ключи от лаборатории. Конечно, можно поговорить с Щербаковым, но тот его не отпустит, потому что на завтра назначен процессинг. Но мама есть мама. Вот, если бы Эвелина согласилась уладить эту ситуацию, он отдал бы ей ключи. Девушка чуть не подпрыгнула от волнения. Судьба предоставляла шанс.

– Конечно-конечно, – согласилась Эвелина, стараясь, чтобы ее голос звучал естественно. – Я передам ключи и объясню всё директору. Вам надо ехать. У вас же есть помощник?

– Да, но он ещё не всему научился.

Виктор поблагодарил и сунул Эвелине два ключа, один большой и один маленький, похожий на ключ от какого-то шкафчика. Один от входной двери, другой от шкафчика с дисками. Щербаков разберется.

Эвелина судорожно вздохнула, чувствуя, как ухает в груди сердце. Неужели там диск с Жениными воспоминаниями? Взяла дрожащей рукой ключи, стараясь держаться естественно. Пожелала здоровья маме Виктора. Не было бы счастья, но несчастье помогло. Виктор выбежал из комнаты, а она от нетерпения вскочила с места и стала расхаживать по приемной, молясь про себя, чтобы Караев в офис не возвращался. Но что делать дальше, даже если диски найдутся? Кто сможет провести этот процессинг наоборот? И что в таком случае будет с чужими воспоминаниями? Эвелина облокотилась на стол. Взгляд упал на маленький зеленый листок бумаги. Прежде чем, представить клиента она на всякий случай записывала его имя и фамилию. Дружинников Владимир Ильич. Нашла его номер в офисном мобильном телефоне. Это оказалось легко, звонков с утра было мало. Переписала заветные цифры. Сегодня определенно удачный день. Если этот Дружинников и есть изобретатель, значит, он обязан помочь им. Интуиция подсказывала, что во время встречи с Караевым они не договорились, и Дружинников сейчас очень зол и не откажется насолить партнеру. К шести часам, издербавшись, Эвелина вздохнула. Похоже, Караев решил в офисе не присутствовать. Дошла

до кабинета Щербакова и обнаружила его запертым. Итак, можно действовать. Посмотрела на часы. У Жени сейчас подготовка к ужину полным ходом, лучше обратиться к Максусу.

Нельзя сказать, чтобы Кокарев любил физические упражнения, но сейчас ему казалось, что, качая мышцы, он становится сильнее морально. Дождавшись, пока он положит штангу, Эвелина быстро изложила суть дела. Глаза Макса загорелись, он вытер рукой вспотевший лоб.

– Слушай, а может там и моя кассета есть? Мне все-таки не дает покоя тот случай, – смущенно заметил он, понимая, что его проблема по сравнению с проблемой Эвелины и Евгения – полная ерунда.

– Одевайся и посмотри.

От нетерпения путь по длинному коридору к лаборатории показался очень длинным. Оглядываясь по сторонам, Эвелина быстро вставила ключ в замок, и они вошли. Макс нащупал выключатель, комната озарилась ярким дневным светом.

Механизм для стирания памяти находился в правом углу за небольшой ширмой, шкаф возле небольшого заваленного папками стола.

Каждая кассета вместе с записями хранились в специальном файле. Разделив папки пополам, они начали поиск. Через некоторое время, найдя свой файл, Макс издал радостный возглас. Оставив просмотренные папки на столе, Эвелина нетерпеливо продолжила осмотр шкафа, но папки с диском Жени так и не попалось. Получалось, что процесс перезаписи могут пройти только она и Максим. Теперь, когда воспоминания могли оказаться доступными, Эвелину опять охватили сомнения. «А возможен ли обратный процесс?» – думала она, нерешительно остановившись у короба.

– Боишься? – спросил Максим.

– Нет, дело не в этом. Вернуть свои воспоминания хотел именно Женя. А я... даже не знаю.

– Но ведь пока Виктор уехал, мы все равно не сможем ничего предпринять.

– Есть один человек, я должна поговорить с ним. Позже объясню. Убери все здесь и запри за мной кабинет.

Оставив удивленного Макса, Эвелина побежала в приемную к телефону. Пока набирала номер изобретателя, держала в руках маленький диск.

– У вас есть информация от вашего шефа? – с надеждой спросил Дружинников.

– Нет, я по другому вопросу.

Значит, они не пришли к соглашению, поняла девушка и решила действовать напрямик, рассказав правду. Уговаривать профессора долго не пришлось. Он и сам собирался позвонить Эвелине, да она его опередила. После возвращения памяти всем желающим, он уничтожит машину.

Теперь оставалось убедить охранников пропустить профессора. Эвелина вспомнила, что последнюю зарплату положила в карман джинсов, и деньги не

отобрали вместе с мобильным и прочими вещами по возвращении в центр. Значит, можно посулить денег.

Выслушав ее, Лычкин, тем не менее, расстроился. Куда могла подеваться его папка? Не носит же Караев ее с собой? Наверно, она в кабинете у Щербакова. Глядя на раскрасневшееся от возбуждения лицо Эвелины, он подошел и обнял ее.

– Слушай, Эв, если ты делаешь это ради меня, то не надо. Вдруг ты узнаешь о себе что-нибудь такое, что лучше не вспоминать.

Девушка нахмурилась.

– Не только из-за тебя. У меня тоже есть дочь, помнишь? Не хочется всю жизнь угрызениями совести мучиться.

Евгений помрачнел еще больше и, заметив это, она обняла его, но быстро высвободилась. – Сейчас решу вопрос с охранниками, и мы взломаем дверь кабинета Щербакова. Твоя кассета там. Профессор приедет ровно в девять. Вся ночь впереди. А утром мы вместе уйдем отсюда. Не кисни, пожалуйста. – Она положила деньги в кармашек пиджака. Идя по коридору быстрым шагом, подумала, что действует, как настоящий виннер. Будет обидно, если после процессинга наоборот вновь превратится в мямлю, которая даже не может постоять за себя. Надо попросить Дружинникова, чтобы он ни в коем случае не стирал чужие победы. Что будет, если ничего не получится? Например, в машине произойдет сбой, и она потеряет память? Или мозг не выдержит нагрузки ... Спокойно! Не надо об этом думать. Все будет хорошо.

Толстый охранник – молодой парень с обвисшими, как у бульдога, щеками – смотрел сериал «Менты» по телевизору.

– Привет. Есть одно дело.

– Какое? – не отрывая взгляда от экрана, спросил охранник.

Эвелина наклонилась и понизила голос.

– Пропусти сюда одного человека. Моя благодарность не будет иметь границ. – Она достала из кармана пятитысячную купюру. – Только об этом никто не должен знать. – Глаза парня хищно сверкнули.

– Не положено. Над вами какой-то эксперимент проводят, вы здесь вроде заключенных, – парень заржал.

– Пожалуйста, – она положила деньги в кармашек пятнистой куртки. – Никто не узнает. Всего на пару часов. Караев и Щербаков уже ушли.

– Знаю, что ушли. Там еще Серега у вертушки сидит.

– Он получит столько же. Помоги уговорить его.

– Прибавь еще тройку купюр поменьше за сводничество, – заржал парень.

– Эвелина достала из кармана три тысячи и молча отдала ему.

– О кей, я позвоню ему. Оставляй бабло для него.

– Нет, я хочу слышать, как ты говоришь с ним.

– Недоверчивая ты, красавица, – заметил парень, взяв трубку.

Эвелина сходила на проходную, подробно описала Дружинникова и отдала еще пять тысяч другому охраннику. Тот был постарше и волновался гораздо больше, но, в конце концов, согласился.

Всю дорогу Дружинников так волновался, что в метро даже сердце прихватило. Засунул под язык таблетку валидола и закрыл глаза, пытаясь расслабиться. Днем позвонила дочка. Пришлось признаться, что денег не будет. Удержавшись от упреков, Ира спросила, когда он возвращается. В голосе даже через расстояние слышались сдерживаемые слезы. За что ей эти мучения? Сердце немного отпустило. Когда вошел в проходную, его уже ждала Эвелина. Минув охрану, поднялись на второй этаж.

Шаги гулко отдавались в коридоре без окон. Рядом, едва успевая за Эвелиной, торопился профессор. Уже при подходе к лаборатории, девушка решила задать мучивший вопрос:

– Скажите, а эта перезапись воспоминаний не опасна?

Дружинников замедлил шаг.

– Эвелина, это эксперимент. Эксперимент над мозгом. – Он вдруг разозлился. – Вы когда сюда шли, о чем думали? О том, что станете способными и будете грести деньги лопатой? Купите квартиру, машину и дачу?

– Да нет. Похоже, все это было. Есть предположение, что муж решил таким образом от меня избавиться.

Владимир Ильич почувствовал, что дышать стало труднее, прижал руку к груди. Разве мог он тогда предположить, что его изобретение, претендент на Нобелевку, окажется в таких руках? А он и не думал тогда ни о чем, кроме желания вырваться из этой страны. Остановился.

– Вы плохо себя чувствуете?

– Сердце немного прихватило. Старый уже. Сейчас немного постоим и пойдем.

Дружинников засунул под язык валидол. Хотелось закрыть глаза, чтобы избавиться от слепящих ламп дневного света. Воспользовавшись паузой, Эвелина спросила, зачем он приходил к Караеву. Коротко рассказал про Варину операцию. Эвелина ахнула, когда узнала, что Караев пожалел денег. Вцепилась в рукав.

– Если вы мне поможете, я найду денег. – Владимир Ильич вздохнул. Машину возмездия не развернуть назад. Уж если бог взялся его наказывать, дойдет до конца.

Наконец, добрались до лаборатории. Последние метры продвигались медленно, словно оба думали, не повернуть ли назад, пока не поздно. Эвелина отперла дверь. Дружинников вошел в комнату, за его спиной щелкнул свет, освещающая короб. Вся юность, ночи без сна, когда, строя одну схему за другой, проводя бесконечные опыты в маленькой душной лаборатории, пронеслись

перед глазами. Он жил тогда на крепком чае и бутербродах. А иногда на булочках. Дома не мог заснуть от волнения, собирался и шел пешком до института. Знакомый сторож, чертыхнувшись, пропускал через проходную. Тогда Дружинников думал, что сотворил чудо. Машина, позволяющая избавиться от боли.

– Владимир Ильич, вот мой диск, – голос Эвелины вернул в реальность. Ее нежная ручка протягивала свое прошлое. Хотелось попросить прощения у милой девушки, что она оказалась в жерновах его машины. Он бережно взял маленький диск, на котором мелким почерком стояли ее фамилия и имя.

– Дайте мне немного времени. Это хоть и мое изобретение, но я давно его не видел.

– Тогда я оставляю вас одного на некоторое время, – обрадовалась задержке Эвелина. – Пойду к мужу. Для него эта процедура гораздо важнее, чем для меня. Вот только мы его диск найти не можем.

– Конечно, идите, – Дружинников включил короб. На мониторе высвечивались цифры. Позади него тихо закрылась дверь. Щелкнул замок. Времени для раздумий не было. Провел рукой по корпусу машины, словно призывая его помочь. Воспоминания оглушали. Однажды короб сделал добро. Даже не короб, а тот другой, которого он нежно называл «баночки». Самый первый его, простейший приборчик, позволяющий определить источник боли. Соседку по подъезду, четырнадцатилетнюю девочку, изнасиловали во время пробежки в парке. С согласия ее матери, которая перепробовала все, чтобы выдернуть дочь из депрессии, пригласил Машеньку в лабораторию и стер тот случай. Потом каждый раз, встречая соседку, радовался, что ее грустное личико повеселело. А однажды встретил Машеньку на улице с мальчиком и почувствовал себя героем.

В двери щелкнул замок: появилась Эвелина и двое мужчин. Один из них, постарше, с расстроенным лицом, шагнул к профессору.

– Скажите честно, это очень опасно?

Дружинников выпрямился.

– Не могу ничего обещать. Я никогда не возвращал воспоминания обратно. Если бы у меня было время, предпочел бы провести опыт на себе.

– У нас нет времени, – решительно заявила Эвелина. Присутствие любимого придало ей сил. Она сделает это ради него. Это их единственный шанс. – Она подошла к коробу. – Я готова.

Евгений положил руку на ее плечо.

– Эв, подумай. Мы можем просто сегодня уйти. Ты и я. Уедем куда-нибудь и будем жить вместе.

Девушка положила руки ему на плечи.

– Мы все равно не будем счастливы.

Лычкин знал: она права. Не простит себе, если не использует такую возможность, он не простит себе, если с ней что-то случится. К ним подошел Макс.

– Послушайте. У меня тоже есть эта штука. Я готов быть первым.

Евгений потянул Макса назад.

– Ты еще слишком молод. И стерли у тебя всего кусочек. Проживешь и без него.

– Да, Макс, не мешай! Останется время, пожалуйста. – Эвелина предостерегающе подняла палец: – И подумай хорошенько: может лучше не надо?

Лычкин с гордостью смотрел на Эвелину. Какая же она бесстрашная. Он так любит ее за это. Удивился своей мысли: любит? Или уже привык? Может, на это и была рассчитана программа? Покосился на взволнованное лицо девушки, подумал, что она изменилась, перестала напоминать снежную королеву. Когда он расстроился, что не нашел свой диск, пообещала ему, что заставит Караяева его вернуть. Но для этого надо убедиться, что она жена Верстакова и у нее есть деньги и связи.

Дружинников вставил диск в специальное устройство. Его беспокоил вопрос: как отреагирует мозг на записанные ранее воспоминания? Не войдут ли эти данные в противоречие с уже стертыми? Возникла мысль о Караяеве. Невозможно не удивляться его предприимчивости. Неужели он думал, что таким образом сможет улучшить интеллект? Или весь процесс создан с единственной целью обогащения? Профессор волновался, сердце чуть не выскакивало из груди. Эвелина подошла к коробу. Лица сопровождающих ее молодых людей выглядели напряженными, словно ее провожали на войну.

– Мы останемся здесь, чтобы все видеть! – решительно заявил Евгений. Профессор кивнул. Конечно, он предпочел бы остаться один, но, по большому счету, это не представлялось важным.

Эвелина сняла туфельки и легла в короб. Дружинников включил нужные кнопки. Дисплей показывал сканирование мозга, одновременно профессор следил за аппаратом, контролирующим деятельность сердца. В дверь постучали. Лычкин и Макс переглянулись: кто бы это ни был, они не откроют. Стук повторился. По ту сторону двери послышались удаляющиеся шаги. Оба вздохнули с облегчением.

Эвелину страшно трясло. Было холодно и неудобно. Голова раскалывалась, сопротивляясь процедуре. Внедряемые воспоминания как во сне наслаивались одно на другое, делая места, людей и ощущения нереальными и далекими. Она видела свою дочь трехмесячным ребенком в пеленках, которые она неожиданно раскидывала и, вставая на маленькие кривые ножки, говорила: «Мама, ты меня бросила». Потом она превращалась во взрослую женщину и уходила с мужчиной, который оказывался Верстаковым, признающим в любви. Внезапно выражение его лица менялось, и он кричал: «Я сотру тебя! Ты забудешь, как тебя зовут. Ты забудешь про Леру». Эвелина видела себя со стороны со стаканом виски в руках, растрепанной и пьяной. Чувствовала, как Верстаков бил ее, живот вминался, щеки горели огнем от пощечин, а рот

разбухал от крови. Маленькая Лера, стоя на ступеньках лестницы, кричала, чтобы он не обижал маму. Эвелина видела себя в постели с капельницей. Верстаков умолял дать ему последний шанс. Маленькая Лера сидела на коленях. Эвелина чувствовала, что ей не хочется верить Верстакову. Предательство висело в воздухе, но тепло детской головки было более убеждающее, чем лживые глаза напротив.

Эвелине казалось, что процедура длилась бесконечно, хотя прошло менее часа. Сканирование завершилось, экран монитора вспыхнул новыми цифрами, машина перестала вибрировать и автоматически выползла из короба. Лычкин и Макс рванулись вперед. Эвелина выглядела уставшей, под глазами и по щекам размазалась косметика, юбка задралась, но она не обращая ни на кого внимания, уперлась руками в колени и обхватила голову.

– Эв, тебе плохо? – спросил Лычкин, присаживаясь перед ней на корточки.

– Где я? Что со мной произошло?

– Эв, скажи, как меня зовут?

Она внимательно посмотрела ему в лицо. Закрыла глаза, потом снова открыла и неуверенно покачала головой.

– Я вас не знаю.

– Нет! – закричал Лычкин и, поднявшись, схватил Дружинникова за грудки. – Что вы с ней сделали? Что вы с ней сделали? Вы стерли ее, как стерли меня. Вы все заодно.

Профессор побледнел и тяжело задышал. Он пытался что-то произнести, но губы не слушались.

Макс оттащил Лычкина в сторону.

– Ты что, – зашипел он ему в ухо, – убить его хочешь? Остынь!

Парень подскочил к Дружинникову и усадил на кушетку, оглядываясь по сторонам. Налил воды из кулера и поднес профессору. Но тот, покачав головой, засунул в рот таблетку валидола. Он почти не чувствовал боли в груди, поглощенный одной единственной мыслью, что сделал только хуже. Прижав руку к груди, он снова подошел к машине и начал проверять показания монитора. Запись воспоминаний прошла успешно. Но что тогда произошло? Профессор подошел к Эвелине и, наклонившись над ней, взял за запястье, чтобы незаметно посчитать пульс.

– Как вы себя чувствуете?

– Голова немного кружится. Со мной что-то произошло?

Лычкин застонал о бессилии. Макс сделал ему предостерегающий знак.

Эвелина непонимающим взглядом обвела лабораторию и троих мужчин в напряженных позах, смотрящих на нее так, словно она вот-вот должна умереть.

– Я нормально себя чувствую. Только слабость какая-то, – свободной рукой девушка поправила юбку и убрала прядь волос, спускающуюся на лоб. – Что случилось?

– Вы можете назвать себя? – спросил профессор.

- Эвелина Верстакова.
- Год, месяц, рождения?
- Одиннадцатое сентября тысяча восемьдесят четвертого.
- Расскажите о себе, – попросил профессор.
- Зачем?
- Пожалуйста. Краткую биографию.

– Ладно, хорошо, – Эвелина слегка улыбнулась. – Родилась в Москве. Закончила школу, поступила в Суриковское училище. На четвертом курсе вышла замуж. – Неожиданно ее лицо изменилось, стало более напряженным и суровым. – Слушайте, вы меня в этой капсуле от алкоголизма лечили? Это мой муж вас заставил? Но я не алкоголичка. Не верьте ему. Это от того, что мне очень тяжело.

Лычкин бросился к ней.

– Эв, ты помнишь, помнишь. Все помнишь. Они вернулись.

– Кто они?

– Твои воспоминания. Он же стер тебя.

– Кто?

– Твой муж Верстаков. Из-за него ты оказалась в виннерском клубе. Ты не помнишь, как мы познакомились в столовой? Как мы жили с тобой?

Серые глаза Эвелины округлились от удивления. Она отодвинулась от Лычкина подальше и вопросительно посмотрела на Дружинникова, чтобы он подтвердил его слова. Профессор еле заметно кивнул, и она снова с недоверием посмотрела на Евгения, сидящего перед ней на корточках.

– Я жила с тобой? Этого не может быть.

Мужчина с мешками под глазами и изможденным лицом вовсе не в ее вкусе. Она, как девушка, выросшая без отца, всегда тянулась к мужчинам постарше, поэтому и вышла за Верстакова. Но в Верстакове была харизма, он хорошо одевался, умел красиво ухаживать. А этот мужчина никогда не смог бы привлечь ее внимание.

Лычкина пробил нервный смех. Он помнил себя в таком же состоянии. Это действительно анекдотичная ситуация, хочется спросить что-то вроде: «И как мы жили?» или «А было ли нам хорошо в постели?» Самое сложное представить, что с этим чужим человеком у тебя могли быть интимные отношения.

– Эв, поверь, я понимаю тебя, как никто другой. – Молодая женщина дернула плечом. Ей не до него. Перед ней, как на экране, мелькают их ссоры с Верстаковым. В углу комнаты их маленькая дочка наблюдает за ними. Ее глаза испуганны, как у олененка, но она не решается плакать.

– Где Лера? – спросила Эвелина, обводя мужчин вопросительным взглядом. Лычкин взял инициативу в свои руки. Стараясь быть кратким, рассказал историю их знакомства и все события до того, как она легла в короб. Дружинников пытался слушать, но его внимание постоянно возвращается к вопросу: почему Эвелина не помнит, что случилось с ней в виннерском клубе? Идея, пришедшая ему в голову, кажется такой странной, что он отбросил ее,

несмотря на то, что она объясняет многое. Повторно записанные воспоминания становятся новыми и занимают другое место. Это должно быть связано с тем, что во время стирания через мозг пропускают ток. То, что Эвелина забыла настоящее, означает: место в памяти закончилось. Человеческий мозг напоминает непerezаписываемый диск для компьютера.

– Скажите, вы помните что-нибудь необычное? Может быть, какие-то воспоминания кажутся вам чужими? – спросил Дружинников.

Эвелина попыталась сосредоточиться.

– Не могу вспомнить. Мне кажется: у меня голова сейчас взорвется.

– Вам надо поспать. Во время записи мозг подвергся большой нагрузке.

Максим все еще сжимал руке свой диск, но желание лечь в короб, глядя на Эвелину, прошло. Одно воспоминание можно и похоронить.

– Надо уходить отсюда, – напомнил он.

Профессор предложил поехать к нему. В трехкомнатной квартире сегодня освободились две комнаты. С хозяйкой можно договориться. Эвелине надо выспаться. Молодая женщина запротестовала.

– Я никуда не поеду. Мне нужно найти Леру. И я не понимаю, что я здесь делаю.

– Мы обязательно найдем Леру, – спокойно произнес Лычкин. – Только мы должны быть очень осторожными. Они могут стереть тебя, как это произошло со мной. А то, что с тобой произошло, я расскажу по дороге, хорошо? – Эвелина кивнула, подумав, что он хоть и не в ее вкусе, но выглядит как человек, которому можно доверять. – Она перевела взгляд на профессора, заметила его участливое лицо и успокоилась. Похоже, она опять влипла в историю.

Евгений посмотрел на короб, в голове появилась мысль, с которой он тут же обратился к профессору.

– Скажите, а вы могли бы вывести из строя эту машину, чтобы ей не могли воспользоваться?

Дружинников медленно подошел к своему детищу. Как бы то ни было дальше, оставлять функционирующий короб нельзя. Конечно, хотелось бы продолжить исследования, но это невозможно. Отсоединил несколько проводков и положил в карман. Потом вытащил блок с диском Эвелины и спрятал в свой портфель. Ну что ж, Караеву он отомстил.

– Есть еще помощник в кабинете Щербакова, – вспомнил Макс. – Надо забрать его тоже.

– Я сбегаяю, – Лычкин кинулся к двери. – Вы можете идти.

Они не успели дойти до конца коридора, как он догнал их с небольшим чемоданчиком в руках.

Охранник с удивлением воззрился на компанию и встал со стула.

– А куда это вы все собрались?

– А ну отойди с дороги и дай нам пройти! – решительно заявил Евгений.

– Мы так не договаривались. Я сейчас позвоню Щербакову. – Охранник схватил телефон, но Макс сильным ударом отбросил его к стене. Парень стукнулся головой и, судя по всему, потерял сознание.

– О Господи! – профессор хотел броситься к нему, но Лычкин и Макс схватили его под руки.

– Надо идти, нет времени.

Охранник на выходе храпел, положив голову на стол. Пахло алкоголем. Стараясь не шуметь, группа из четырех человек проскочили через вертушку.

Глава 24

Взволнованный Щербаков уже в сотый раз набирал номер шефа, но телефон был по-прежнему выключен. «Что за чертовщина!» – выругался Андрей и начал одеваться. После превосходного ужина – на этот раз они приготовили лазанью – он удобно устроился с Галинкой возле телевизора для просмотра фильма «Начало». Звонок мобильного раздался, когда Леонардо ДиКаприо пытался уговорить жену не совершать самоубийство.

– Не снимай трубку! – взвизгнула Галинка, но Андрей уже взял телефон, и жена нажала на паузу.

Впрочем, после разговора с охранником о фильме оба забыли. Взволнованный Андрей мерил шагами комнату, пытаясь дозвониться шефу, а Галинка лежала на диване, не сводя с мужа обеспокоенного взгляда. Когда Андрей, наконец, решил поехать на работу, она встала, чтобы его проводить.

– Хочешь, я поеду с тобой? – предложила она.

– Ни в коем случае, – он поцеловал ее теплую щеку. – Лучше досмотри фильм. Расскажешь, как закончилось.

– Досмотрим вместе, когда вернешься.

Щербаков запрыгнул в припаркованный возле дома автомобиль и поехал на Грузинский вал. Некоторые предположения о том, что случилось, у него имелись. Макс попал в центр ни потому что хотел стать виннером, а пришёл выручать Лычкина. Вполне возможно, что Эвелина заодно с ними. Что будет, если эти трое подадут в суд на виннерский клуб? В отличие от Караева Андрей не был уверен в своей безнаказанности. Он чертыхнулся и, обогнав тащившийся впереди автомобиль, помчался по встречке. Приехал, когда врачи скорой помощи уже увезли пострадавшего в больницу с сотрясением мозга. Охранник на входе клялся, что заснул на минутку и ничего не видел. Поняв, что тот пьян, Щербаков оставил его в покое. Подходя к своему кабинету, увидел, что дверь распахнута настежь. Приборчика на месте не оказалось. Предчувствуя остальное, Щербаков бросился в лабораторию. Беспорядок свидетельствовал о том, что, вероятно, здесь тоже кто-то побывал. Он бросился в комнату Эвелины и Лычкина. Как и ожидал, их на месте не оказалось. Так же как и Макса.

Андрей запаниковал. Что делать? Возникло желание взять два билета на самолет и улететь с Галинкой, пока еще ничего не началось. Немного поразмыслив, решил остаться. Если Караев заподозрит его в соучастии, ничего хорошего не будет. Надо объясниться, а потом уже принимать решение. Разыскивать Лычкина он не будет. И, вообще, вздохнет спокойно, если виннерский клуб развалится. Работа давно перестала приносить удовлетворение.

Караев позвонил утром, когда Андрей пил кофе со сливками. Заехав домой переодеться после бурной ночи, шеф зарядил телефон и услышал вчерашние сообщения.

– Встретимся в офисе через полчаса, – кратко бросил он, и Андрей вновь восхитился самообладанием шефа. Щербаков допил кофе, не чувствуя вкуса. Сонная Галинка, закутавшаяся в махровый голубой халатик, встревожено смотрела на мужа. Она всегда вставала вместе с ним, чтобы приготовить завтрак, и он любил эти их утренние торопливые минуты вдвоем и был благодарен за заботу.

– Ты будешь меня любить, если я стану безработным? – пошутил он в прихожей, поправляя галстук перед зеркалом.

– Я всегда буду любить тебя, – обняла его жена.

Черный красавец Лексус ожидал у подъезда. Щербакова охватила паника: квартира в кредит, машина в кредит. Как он будет все это выплачивать, если пару месяцев не устроится на работу? Гуляя по полосам Садового кольца, в надежде выиграть время, чтобы успеть вовремя, подрезал старенького жигуленка, который въехал ему в зад. Разъяренный Щербаков выскочил из машины и, мельком бросив взгляд на обезображенного любимца, заорал подбежавшему водителю.

– Слышишь, ты, лузер? Ответишь за все. – Щербаков схватил за грудки невысокого мужчину с седыми редкими волосами.

Неожиданно тело обмякло в его руках и сползло на асфальт.

– Ты убил его! Убил! Помогите!

Полная женщина, видимо, жена, склонилась над мужчиной, что-то бормоча и засовывая ему в рот таблетку. Вокруг них собирались люди, какой-то парень выкрутил растерявшемуся Щербакову руку.

Появившаяся скорая увезла водителя жигуленка в больницу. Подъехали милиция и ГИБДД. Голова гудела от вопросов и предъявленных обвинений. На работу он так и не поехал. Жена водителя собиралась подавать в суд. Андрей вдруг поймал себя на мысли, что молится, чтобы пострадавший выздоровел, потому что как ему жить, если он будет виноват в чьей-то смерти? Ночью Андрею снились наступающие на него с кулаками лузеры, требующие свою память. Зажатый в кольце орущих людей, он упал и закричал от страха.

– Тихо-тихо. Ты что? – теплая рука Галинки гладила его по лицу. – Проснись, это всего лишь сон.

Андрей долго не мог успокоиться. Появилась мысль рассказать жене о том, чем он занимался и какова цена деньгам, которые приносил домой. Но что будет с ним, если она уйдет от него, узнав правду? Прижал ее к себе. Позже, когда все останется в прошлом, он ей расскажет. Заснули обнявшись. Утром на обезображенной машине поехал на работу. С Караевым столкнулись у проходной. Тот ужасно выглядел: лицо мрачное, под глазами мешки. Подойдя поближе, Щербаков уловил запах перегара. Почти не разговаривая, дошли до кабинета шефа. Андрей обратил внимание, что секретарское место пустует.

– Где Эвелина?

Константин скривился.

– Похоже, воссоединилась с мужем.

– С Лычкиным?

Он усмехнулся.

– Зачем ей этот лузер?

Константин вкратце ввел в курс дела. Объяснил, что его задача найти профессора и убедить его вернуться и починить короб.

– А потом вы тоже сотрете его, как Лычкина? – поинтересовался Андрей.

– Потом и будет видно, – отрезал Караев.

– С меня хватит. Я не хочу этим заниматься. Ищите сами, кого хотите.

Холодные глаза Караева сверкнули яростью.

– Да как ты можешь, сучонок? Забыл, кто помог тебе на ноги встать? Кредиты получить? Да где ты найдешь работу с такой зарплатой, чтобы их оплачивать?

– Это уже мое дело. Я пересмотрел свою жизнь и понял, что больше не хочу заниматься обманом. Вы дурите людей. Они становятся вашими рабами, а вы владеете их квартирами и ... – Щербаков замялся, ему хотелось добавить, душами, но это выглядело бы уж чересчур высокопарно.

– Разве они не становятся виннерами, как того хотели? Я улучшаю их генетическую природу. Да разве получил бы Лычкин, такую красавицу, как Эвелина? Кстати, Эвелину тоже надо найти. И Лычкина. Сейчас мы временно объявим профилактику, а через два, максимум, три дня все должно быть в порядке, и «Дотянись до успеха» должен как обычно выпекать виннеров.

– Я не буду никого искать! – твердо повторил Щербаков.

– Ты что же это, перестал бояться? Или разлюбил жену? – От этих слов Андрея прошиб озноб. Началось! Он больше не хочет быть трусом. Сделал над собой усилие, чтобы не дрожал голос. – Константин Борисович, вам лучше признать свое поражение.

Щербаков повернулся и пошел к двери. Вслед ему неслись угрозы, но он чувствовал себя замечательно. Время Караева кончилось. Проходя мимо кабинета, выгреб из шкафа анкеты и паспорта. Обзвонит родственников и расскажет им, где держат их родных. Выбежав из офиса, запрыгнул в свой разбитый джип и позвонил Галинке, предупредив, чтобы она никому не открывала дверь, не отвечала на телефонные звонки и собирала вещи. Они

едут в гости к ее бабушке в Калугу. Надолго. Щербаков не сказал ей, что вернется обратно. Конечно, исправить то, что он натворил невозможно, но оказать какое-то содействие пострадавшим – а он теперь считал лузеров пострадавшими – возможно. Он согласен выступить в суде и рассказать правду. Почувствовал, как стало легче. Давящее чувство ушло, осталось сожаление, что машину времени нельзя повернуть назад. Сейчас бы он ни за какие деньги не согласился работать на Караева. Припарковался у дома и посмотрел на изуродованный джип. Водитель жигуленка изменил не только внешний вид автомобиля, он изменил его жизнь.

Глава 25

Евгений проснулся, когда уже было светло. Настенные круглые часы с маятником показывали девять утра. Судя по царившей тишине, в квартире никто еще не вставал. Лычкин решил проведать Эвелину. Дверь в спальню оказалась приоткрытой. Девушка лежала на спине и мирно посапывала. Заметив пустой стул, Евгений подтащил его к кровати и уселся. Ему хотелось быть рядом, чтобы успокоить ее, если после пробуждения она вдруг окажется в панике из-за царящего в голове хаоса. Евгений осознал, что немного завидует Эвелине. В ее памяти не сохранились воспоминания о виннерском клубе. Зато она помнила все остальное. С ним все было совершенно наоборот. По странному стечению обстоятельств их отношения тоже стерлись. Бывший виннер грустно улыбнулся, осознав, что испытывает по этому поводу огромное облегчение. В тех признаниях в любви, как и во всей их совместной жизни, был привкус искусственности, от которого Евгений так и не мог отделаться. Эвелина вернется к мужу или встретит другого мужчину, который подарит ей любовь, на которую он не чувствует себя способным. После исчезновения надежды на возвращение памяти, Лычкин ощущал себя выпотрошенным. Самое лучшее: остаться одному и попытаться договориться с самим собой.

Бывшая сожительница повернулась и открыла глаза.

– С добрым утром! – тихо сказал он. То, как она просыпалась и потягивалась, было привычным и знакомым.

– С добрым утром! – Эвелина натянула повыше плед. – Лычкин улыбнулся. Еще только вчера она его не стеснялась.

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова прошла, я выспалась. Но... – она виновато взглянула на него. – Я по-прежнему тебя не помню. То есть я помню вчерашний день, но до этого – ничего.

– Это вовсе не страшно, – успокоил ее Евгений.

Эвелина обратила внимание на странноватую кривизну его улыбки. На помятом лице проступила щетина, взъерошенным кудряшкам требовалась

стрижка. «Мне не мог нравиться этот мужчина. Что, если он захочет возобновления их отношений?»

– Ладно, не буду мешать. Пойду, посмотрю, как там профессор, – заметил он, поднимаясь.

Эвелина смотрела вслед ссутулившейся фигуре в мятой футболке. На пороге Лычкин обернулся.

– Эв, не жалею о том, что ничего не помнишь. В той жизни не было ничего хорошего.

Она даже приподнялась от возмущения, при этом одеяло съехало. Как это не было ничего хорошего? Да он должен с благодарностью вспоминать дни, которые она провела с ним. Если это, конечно, правда.

– Но ты говорил, что мы были вместе...

– Это неважно сейчас. Пойду, приготовлю что-нибудь на завтрак.

Когда Евгений вышел из комнаты, Эвелина снова легла, испытывая некоторую обиду от того, что этот лузер не очень-то жалеет, что лишился ее роскошного тела.

Когда Эвелина, умытая и причесанная, вошла на кухню, Лычкин уже приготовил завтрак. В коридоре слышались шаркающие шаги профессора. Пожелав всем доброго утра, его взгляд остановился на молодой женщине.

– Ну как вы? Выспались?

– Спала, как ребенок. Память еще не вернулась, но – она бросила взгляд на суемящегося у плиты Лычкина – может, некоторые вещи лучше и не помнить. Как она могла ложиться в постель с этим мужчиной?

За завтраком, состоящим из бутербродов с ветчиной и яичницы с помидорами, обменивались бытовыми замечаниями. Слышались прихлебывания кофе из чашек, движения челюстей. Макс еще не до конца проснулся, поэтому помалкивал. Эвелина соображала, что ей делать. Конечно, можно поехать домой. Но ключей не было, и она была совершенно уверена, что в их квартире хозяйничала любовница мужа. Эвелина хорошо помнила, как начинался их роман. Регина заняла третье место в московском конкурсе красоты. Гладкая сияющая кожа, наивные глаза и длинные-длинные ноги. Орлица, как ее прозвала, Эвелина, поскольку красotka прибыла из города Орел, отличалась буйным темпераментом, о котором все время упоминал наглый супруг, обзывая жену ледышкой. Достаточно быстро после знакомства муж заговорил о разводе, но Эвелина вовсе не собиралась сдаваться. И сейчас не собирается.

– Мне нужно позвонить, – сказала Эвелина, постукивая пальцами по скатерти.

– Здесь есть городской телефон. Только восьмерка отключена, – отозвался Дружинников и встал со стула. – Сейчас принесу.

– Куда ты собираешься звонить? – поинтересовался Лычкин, но ни ответом, ни взглядом его не удосужили.

Трубку сняла домработница Валентина Сергеевна. Понизив голос до неузнаваемости, Эвелина попросила позвать к телефону Регину. Домработница кашлянула. – Сейчас посмотрю. Кто спрашивает?

– Ира, – на ходу импровизировала Эвелина. В трубке раздался шорох, послышались шаги. А потом тоненький детский голосок что-то спросил. Валентина Сергеевна бросила: «Да не мешайся же ты под ногами».

У Эвелины перехватило дыхание. Лера дома. Через некоторое время домработница взяла трубку снова.

– Извините, Регина еще спит. Она не любит, когда ее рано будят. Передам, что вы звонили.

– Не стоит. Я перезвоню.

– Не раньше двенадцати.

Красная от злости Эвелина нажала отбой, пытаясь не расплакаться. Две пары мужских глаз впились в ее лицо и только Дружинников, понурясь, сидел на стуле, погруженный в свои мысли.

Эвелина почувствовала ком в горле и вдруг, уронив голову на руки, разрыдалась. Выскочила в ванную, чтобы привести себя в порядок. Когда вернулась, ее глаза были сухими, а лицо злым и решительным. Руки согнуты в локтях, словно она собиралась бежать стометровку. Увидев этот ее такой знакомый жест, Евгений вдруг осознал, что, по всей видимости, у нее сохранились чужие виннерские воспоминания.

– Я еду домой. Там моя дочь.

Лычкин вскочил с места.

– Эв, умоляю, сядь и расскажи, что ты узнала. Кто такая Регина, которую ты просила к телефону?

– Любовница моего мужа. Та самая, которая заняла мое место. И еще я слышала голос Леры. Моей дочери. Мне надо забрать ее оттуда. Клянусь, я отомщу. Подам в суд на своего мужа и на этот виннерский клуб. Теперь ему не удастся так просто от меня отделаться! – ее глаза сверкнули. – Представляю, как удивится мой благоверный, когда, вернувшись с работы, обнаружит меня дома.

– Это может быть опасно! – заметил Дружинников.

– Эв, ты не можешь пойти туда одна, – добавил Евгений.

Все притихли. Эвелина прислонилась к косяку двери.

– Готова выслушать ваши предложения.

Мужчины переглянулись. Макс поправил лезшую в глаза челку. После двух чашек кофе в голове начали появляться идеи.

– Сначала надо решить, что мы будем делать с виннерским клубом. Стиральной машины – он улыбнулся игре слов – там уже нет. Значит, клуб закроется автоматически. Возможно, Караев ударится в бег. Но что будет с людьми, которые не помнят, кто они такие? С людьми, которым некуда идти?

Эвелина может вернуться домой, я тоже. Но что будете делать вы? – молодой человек посмотрел на бывшего соседа по дому.

– Не волнуйся за меня, – махнул рукой Лычкин. – Я как-нибудь проживу. Сделаю паспорт, найду работу.

Эвелина смерила его презрительным взглядом. Да разве этот всепрощающий неудачник мог быть ее мужчиной? Лычкин отошел к окну. После того, как у него исчезла надежда вернуть воспоминания, он чувствовал себя усталым. Бороться ради себя самого не хотелось. Из того, что ему рассказали, он понял, что сам захотел стать виннером. Значит, в какой-то степени заслужил то, что получил. Он будет жить один. Тихо и бедно. Если его дочь и жена обходятся без него, значит, проживут и дальше. Ему вдруг неудержимо захотелось поехать куда-нибудь в лес, побродить между деревьев, глядя сквозь иголки сосен на голубое небо.

– Итак, один сдучся без борьбы, – с иронией в голосе произнесла Эвелина. – Кто следующий? Как на счет вас, профессор? Вы не хотите вернуть память тем, кто ее потерял из-за вашей адской машинки?

Профессор кашлянул. Он готов попытаться, но не станет этого делать без дальнейших исследований. То, что произошло с Эвелиной, напугало его. К тому же ему нужно возвращаться в Германию, чтобы приступить к работе.

– Я что-то запамтовала, профессор, – скривилась Эвелина. – А зачем вы приезжали в Москву? Хотели продать Караеву новое изобретение?

Дружинников вздохнул. Он с трудом узнавал новую Эвелину. Да, он виноват перед ней, перед всеми ими и многими другими, за то, что создал эту машину. И он уже платит по счетам. Его губы скривились, всем показалось, что профессор сейчас заплачет, но он тихим и спокойным голосом рассказал про Варюшку и передал разговор с Караевым.

Эвелина нахмурилась.

– Сорок тысяч евро? И вы всерьез рассчитывали, что он даст вам столько денег? Какая наивность. А что вы собирались делать в случае отказа? У вас же был план?

Профессор поймал сочувствующий взгляд Лычкина. Он чувствовал между ними некое сходство. Наверно, они неудачники. Лузеры. Был у него план или нет уже не важно. Эвелина и не ждала ответа, вздернув подбородок, что-то обдумывала, потом поинтересовалась днем отъезда. Оставалось два дня.

– До этого времени я кое-что выясню, – кивнула она и посмотрела на Лычкина. – Ну что, герой, если нас связывали какие-то отношения, может, навестим моего мужа вместе?

– Я тоже с вами поеду, – встрял Максим.

– Тебя я не приглашаю, мал еще, – усмехнулась она. – Возвращайся домой. Мама с папой, наверно, заждались.

Макс опустил голову. Единственное, что хотелось сделать: вернуться домой. Обнять родителей, закрыться в своей комнате, надеть наушники и слушать любимые диски. Порадоваться, что все обошлось. Почти все. Кроме того единственного воспоминания.

– На самом деле мне и, правда, надо домой – тихо заметил он.

– Конечно, поезжай, Макс, – ответил за всех Евгений. – И спасибо тебе за то, что ты для меня сделал.

Молодой человек с облегчением поднялся и выскочил в коридор. Уже в прихожей вспомнил, что не оставил телефона. На тумбочке перед зеркалом лежали ручка и газета. Оторвал клочок и написал номер мобильного. Вернулся на кухню и протянул Евгению. Тот положил бумажку в карман.

Дружинников достал из кармана валидол и сунул в рот, что не ускользнуло от внимания Евгения. Сегодня профессор выглядел старым и больным. Казалось, он с трудом осознавал, что происходит рядом.

– Вам лучше прилечь, – мягко заметил Евгений. – Спасибо, что приютили нас.

– Сегодня от меня никакой пользы. Ночью так и не удалось уснуть.

– Отдохните, а мы пойдём, да? – Евгений посмотрел на Эвелину. Та кивнула.

– Что ты задумала? – спросил Евгений, когда они вышли.

– Выставлю орлицу на улицу, пристрелю мужа, а потом завалимся в постель, и ты будешь доказывать, какой ты хороший любовник.

Евгений шутливо сжал плечо Эвелины.

– Я плохой любовник. Не стоит и пробовать.

– Да я уж чувствую. И что я только в тебе находила раньше?

Евгений кривовато улыбнулся.

– Может, останемся друзьями?

– Идет! – легко согласилась Эвелина, вглядываясь в его лицо. Она поняла, что ей в нем нравится. Вот эта застенчивая улыбка, когда правый уголок рта сползает вниз. Она взяла его под руку. Всё-таки хорошо, что она не одна.

Глава 26

Дверь открыла женщина лет пятидесяти пяти в очках. Волосы повязаны косынкой, на руках розовые резиновые перчатки. Увидев бывшую хозяйку, домработница застыла на месте с вытянутым лицом.

– Может, соизволите впустить нас? – ледяным тоном спросила Эвелина.

– Но я не могу. Мне надо спросить, – домработница попыталась закрыть дверь, но Лычкин успел поставить в проем ногу. Женщина вскрикнула. Не сговариваясь, Евгений с Эвелиной вместе налегли на дверь и ввалились в коридор.

– Вы хулиганите! – вскрикнула домработница.

В просторный холл с высокими потолками, заглянула высокая девушка с распущенными волосами в кружевном халатике.

– Что здесь происходит?

Увидев хозяйку, прижала руку ко рту и застыла, словно увидела призрак.

– Пять минут на сборы и чтобы больше я тебя не видела! Иначе от твоей смазливой рожицы ничего не останется, – заявила Эвелина. Орлица исчезла в спальне. Домработница прижалась к стене, желая занять как можно меньше места. – Где моя дочь?

– Гуляет во дворе с воспитательницей. Скоро придут. А я тут убираюсь, – добавила женщина заискивающим голосом, поспешно отставляя ведро с прохода.

– Ты тоже убирайся! – буркнула Эвелина, еле сдерживая желание ударить по ведру ногой. Из комнаты послышался приглушенный голос орлицы, разговаривавшей по телефону.

– Пойдем, – Эвелина потянула Лычкина за рукав. – Прежде, чем уйдешь, – обратилась она к домработнице, – принеси нам кофе.

В огромной гостиной, плавно переходящей в кухню, молодая женщина опустилась на кожаный диван и, оглядевшись, пробормотала, что здесь ничего не изменилось. Евгений не переставал удивляться переменам, происходящим с его бывшей сожительницей. Оказавшись дома, она превратилась в настоящую стерву. Попытался оправдать ее, но не смог. Если бы не чувство долга убежал бы немедленно. В коридоре послышался звук каблучков, потом хлопнула дверь. Видимо, орлица сдалась без боя. Эвелина вскочила и пошла в спальню. По квартире распространился приятный аромат свежемолотых зерен, и Лычкин подумал, что он, должно быть, очень давно не пил настоящего кофе. Домработница поставила на стол две белые фарфоровые чашечки с золотыми розами и вазочку с печеньем. Кофе был в меру крепкий и горячий. Эвелина появилась с папкой и начала перебирать бумаги. Через некоторое время послышался вздох облегчения, она отбросила бумаги и взяла чашку со стола.

– Представляешь, этот олух даже код не поменял в сейфе. Как стояли цифры моего дня рождения, так и стоят.

Эвелина еще понизила голос и доверительно сообщила, что эта квартира, загородный дом в Горках и джип по-прежнему принадлежат ей. На ее имя оформлено несколько фирм мужа и счета в банке. Она разгладила пальчиками доверенность, выписанную год назад, которая давала право Верстакову распоряжаться всем ее имуществом.

– Все-таки муженек мой – лох, – улыбнулась она. – Сам вырыл себе могилу. Пойдет к своей орлице в одних трусах.

Эвелина разорвала доверенность и бросила на стол. Крикнула домработницу и потребовала новый кофе.

– Зачем твой муж оформил на тебя всю недвижимость? – удивился Лычкин.

– Он вел несколько рискованных дел и боялся, что если попадетсЯ, все отберут. А, может быть, сделал это из-за того, что стал депутатом. – Она

отбросила назад длинные волосы. – Ну, где же Лера? Я так соскучилась по ней. – Ее взгляд упал на домработницу, поставившую на стол новую чашку кофе.

– Ты все еще здесь?! Я же сказала убираться!

Пожилая женщина неловко вытерла руки об себя. Посмотрела на Эвелину, а потом, махнув рукой, быстрым шагом вышла из кухни.

– Зачем ты так с ней? – мягко заметил Лычкин.

– Они все против меня.

Дверь в прихожей открылась, раздался звонкий голосок.

– Лера вернулась, – прошептала Эвелина, прижимая руки к груди. – Что мне делать? Я боюсь.

– Иди к ней! Будет здорово, если ты ее встретишь. Как раньше.

Лычкин вдруг представил себя на ее месте. Вырванным из жизни, им предстояло вновь налаживать общение с близкими. Не в силах усидеть на месте, желая видеть, как произойдет встреча матери с дочерью, отправился следом. Молодая женщина в очках и берете, сидя на корточках, расстегивала малышке куртку. Услышав шаги, девочка подняла голову и на ее личике застыло удивление.

– Мама? – сказала она, наконец, и Эвелина бросилась к ней. Опустившись на колени, прижала к себе дочку. Лицо ее скривилось от сдерживаемых рыданий.

– Папа сказал: ты заболела и долго будешь в больнице, а мне к тебе нельзя, – произнесла девочка.

– Нет, милая, я уже поправилась. – Эвелина, взяв себя в руки, вытерла слезы и стала снимать с дочери куртку.

– Здравствуйте, Эвелина Александровна, – заявила о себе прижавшаяся к двери гувернантка.

– Мама, почему ты плачешь? – раздался звонкий голосок Леры.

Эвелина снова прижала дочку к себе.

– Э-э-э, – промычала гувернантка. – Мы на сегодня закончили, мне нужно идти. До свидания, Лерочка. До свидания, Эвелина.

Никто не ответил и, потоптавшись на месте, она покинула квартиру.

Оставшись одна, девочка засмутилась, глядя исподлобья, то на мать, то на Лычкина. Он вдруг заметил, что дочка – маленькая копия Эвелины. Такой же разрез глаз, светлые волосы, заплетенные в косу. Только нос не прямой, а слегка курносый, но это придавало ей очарование. Эвелина с жадностью смотрела на дочь. Как же она без нее повзрослела, вытянулась. Как ей жилось без мамы?

– Смотри, что у меня есть, – Лера протянула матери розового мишку с голубыми ушами, оставленного гувернанткой на маленьком диванчике.

Эвелина кивнула, глотая слезы.

– А еще у меня есть новая кукла. Папа подарил. Хочешь, покажу?

Крепко держа дочь за руку, Эвелина отправилась в детскую. Лычкин стоял, прислонившись к стене, думая о том, как быстро адаптируются дети. Гораздо

быстрее, чем взрослые. Было бы Лере побольше лет, все могло быть сложнее. Он вернулся в гостиную и допил остывший кофе. Осталось дожидаться Верстакова, чтобы довести свою миссию до конца.

Некоторое время до возвращения главы семьи они провели втроем. Девчушка быстро освоилась, перестала стесняться. Натаскала в гостиную игрушек. Когда вернулся глава семьи, они втроем играли в лото. Услышав знакомые шаги, Эвелина напряглась но, переглянувшись с Лычкиным, продолжила перемешивать карточки. Когда муж возник на пороге, заявила ледяным голосом, обнимая Леру за плечики.

– Я вернулась!

Верстаков выглядел подобно противнику с поднятыми вверх руками. Попросил разрешения все объяснить. Эвелина кивнула. Воспользовавшись молчанием, начал мямлить, что их отношения зашли в тупик, и он решил...

– Стереть меня! – Эвелина резко встала перед ним, подперев бедра руками. – Ты решил стереть мать своей дочери. Сучок! – в этот момент она оглянулась на Лычкина, который поморщился, словно ему сделали больно. – Все кончено! Собирай вещички. Мой адвокат передаст мои требования.

Лицо Верстакова помертвело. Он неловко опустился на колени, хватая жену за руки.

– Эва, Эва, вся моя жизнь в тебе. Я люблю тебя, – мокрые губы скользили по ее руке. Просящий взгляд буравил лицо. Она дернула рукой, стряхивая его словно гусеницу.

– Не называй меня так! – завопила Эвелина. – Собирай свои вещи и уматывай!

– Мама, не выгоняй папу, он хороший! – взвизгнула Лера, вскакивая из-за стола и рассыпая по полу картинки животных.

Лычкин сделал шаг вперед и встал между супругами.

– Успокойтесь, пожалуйста.

– А кто ты такой и что делаешь в моей квартире? – спросил Верстаков.

– Это мой новый муж! – хватая Лычкина за руку, воскликнула Эвелина. – А ты убирайся!

– Мама!

Верстаков, поднимаясь с колен, сгреб дочку в охапку.

– Доченька, скажи маме, что любишь меня.

– Отпусти ее! – закричала Эвелина, подходя к ним с явным намерением выдрать девочку из рук отца. Ситуация казалась Лычкину омерзительной, тем не менее, он подошел к ним и что-то зашептал Эвелине на ухо. Она немного пришла в себя и вновь села на диван. Ее голос звучал ровнее и спокойнее.

– Пожалуйста, отпусти Леру. Не нужно пугать ребенка. Мы поговорим позже, когда я уложу ее спать. – Она протянула руки: – иди ко мне, Лерочка.

Девочка переводила испуганные глазенки с папы на маму. Нехотя кивнув, Игорь Андреевич поставил Леру на пол. Девочка застыла на невидимой черте

между двумя родителями. Эвелина, как никогда, чувствовала тяжесть своих вытянутых рук и понимала, что если дочка сейчас не подойдет к ней, все пропало. Глаза матери и дочери встретились, ужас в ее глазах испугал Эвелину. В каком кошмаре вынуждено жить маленькое существо. Лера нерешительно сделала шаг к матери. Не дожидаясь, Эвелина подошла сама и взяла ее на руки. Не удержалась, вдохнула такой знакомый аромат волос. Когда они покинули комнату, Верстаков тяжело опустился на диван и закрыл лицо руками. Сквозь прилизанные волосы виднелась лысина. Возникла пауза, Евгений, почувствовавший сухость в горле, осторожно кашлянул. Депутат поднял голову.

– Может, вы предоставите нам возможность поговорить?

Евгений кивнул. Он и сам был рад покинуть этот дом. Молча поднялся и отправился искать детскую. Услышав голоса, остановился в дверях, наблюдая женщину, с которой его связывали близкие отношения, в незнакомой роли матери. Ее лицо казалось светлым и красивым, когда она подтыкала дочке одеяльце и укладывала рядом с ней куклу.

– Ты больше не уйдешь? – тихо спросила девочка.

– Я всегда буду с тобой, – ответила мать.

Погасив свет, Эвелина вышла и наткнулась на Лычкина.

– Верстаков хочет с тобой поговорить. Так что я ухожу.

– Хорошо, – Эвелина казалась усталой. – Но тебе же некуда идти.

– Это не важно. Я ... пойду в гостиницу.

– Подожди, – она куда-то убежала, а, вернувшись, сунула ему несколько денежных купюр. – Возьми. Иначе я тебя не отпущу.

Не желая спорить, Лычкин засунул деньги в карман джинсов и вышел в прихожую.

– Спасибо тебе, – Эвелина встала на цыпочки и поцеловала Лычкина в щеку.

Он кивнул, желая никогда не возвращаться в этот дом. Видеть в одном и том же обличье двух женщин оказалось нелегким испытанием. Его Эвелина была лучше. Но тогда она была ненастоящей.

– Как я тебя найду? – спросила молодая женщина, но он равнодушно пожал плечами. – Не знаю. – Если хочешь, я приду завтра или позвоню.

– Лучше позвони. Сейчас запишу тебе домашний телефон. – Она снова убежала и вернулась уже с листочком в клеточку, где она записала номер телефона и адрес квартиры.

– Эв, я хочу тебя попросить.

– Да?

– Ты пожалей его, ладно? Понимаю, что ты чувствуешь, но я был на его месте. И я тоже стер свою жену.

– С тобой все было не так.

– Прости его ради Леры.

– Простить? – серые глаза Эвелины округлились от удивления. – Ты соображаешь, что говоришь? Ты видел, во что он превратил наш дом? Ты видел Орлицу?

Лицо Евгения показалось Эвелине измученным, в глубине глаз затаилось горе. Он казался человеком, пропустившим всю ситуацию через себя и забравшим из нее всю боль.

– Та девушка, которую я знал некоторое время, простила бы, – неожиданно сказал он.

Заперев дверь, Эвелина прислонилась к косяку. Девушка, которую он знал. Она ничего не помнит о том времени, когда они были вместе. Несколько раз за сегодняшний день ловила на себе его осуждающий взгляд. Похоже, став собой, она перестала ему быть симпатична. Ну и ладно. Какое ей дело до этого неудачника? Проблем и без него хватает. Обняла себя за плечи, пытаюсь согреться. В квартире было жарко, но ее пронизывал холод. Сейчас, когда в гостиной ее ждал муж, стало так страшно, что захотелось убежать. Пожалеть Игоря?! Но зачем? Она никогда больше не сможет доверять ему, и, что еще хуже, будет бояться его. Вдруг Верстаков снова сотрет ее? Она вспомнила, что машины больше нет, а это значит, что виннерский клуб прекратил свое существование. К тому же Верстакову больше не удастся ее обмануть. Нужно начинать новую жизнь. Вместе с Лерой. Она вдруг вспомнила просящий голосок дочери «Мама, не выгоняй папу, он хороший». Да как не выгнать этого предателя?

Глава 27

Караев сидел в кабинете, отрешенно глядя перед собой. Бизнес разваливался на глазах. Сердце противно и мелко стучало, но он налил себе новую рюмку коньяку и заставил себя думать. Нужно найти Эвелину. Он нашел номер Верстакова, но тот оказался недоступен. Константин выругался и позвонил Дружинникову. Вчера, когда понял, что короб не работает, сразу подумал, что профессор побывал здесь и намеренно испортил машину. А, возможно, у него даже получилось вернуть кому-то память. И это вполне могла быть Эвелина, потому что ее диска Караев не обнаружил.

– Слушаю вас, – отозвался профессор.

Директор виннерского клуба напрягся. Будущее зависит от того, сможет ли он убедить упрямого старика вернуться и починить машину.

– Нам нужно встретиться и все обсудить.

– Теперь это нужно вам, а не мне. Мой самолет вылетает через четыре часа, и у меня нет ни времени, ни желания вести переговоры. Пусть все, что вы сделали, останется на вашей совести.

Голос Караева стал мягким и вкрадчивым. Он использовал всю свою убедительность, чтобы попытаться уговорить профессора остаться. Даже

предлагал те деньги, которые тот просил для операции. Но все оказалось безрезультатно, старик ничего не хотел слушать.

– Поймите, если вы бы остались, мы переделали бы мир. Что плохого, если я с помощью вашего изобретения делаю людей более способными?

– Вы так ничего и не поняли, – вздохнул Дружинников и, повесив трубку, продолжил складывать вещи. За эти два дня он понял, что вполне заслужил все, что случилось в его жизни. Теперь, познакомившись с людьми, которые прошли через короб, он не мог позволить, чтобы машина стирания памяти продолжила свое существование. Даже если на кону стоит жизнь его внучки.

Пока Дружинников собирался, позвонил Максим. Спросил, не появлялись ли Эвелина с Евгением. Услышав ответ, расстроился. Профессор немного сконфуженно – он понимал, что сбегает – объявил, что ничего не знает. После разговора Максим начал взволнованно ходить по комнате. Несмотря на свое волнение, Кокарев чувствовал себя счастливым. Вернувшись домой, провел целый вечер с родителями. Как никогда ранее молодой человек понял, насколько он их любит. Его узкая девятиметровая комната показалась светлой и уютной, он с удовольствием послушал любимый рок и пообщался с друзьями по телефону. Утром позвонил Асе. Ее голос звучал так радостно, по всей видимости, хотя она это и не сказала, девушка испытывала благодарность к нему за то, что он сделал. Пообещала в следующие выходные приехать в Москву. Мог бы он помочь организовать ей встречу с отцом? И, конечно, она тоже готова бороться против виннерского клуба.

Целый день Кокарев вспоминал их разговор. Стена, стоявшая между ним и Асей, рухнула. Сейчас, как никогда раньше, он был готов любить и не хотел останавливать себя. Молодой человек включил ноутбук и начал писать статью, но вскоре понял, что эмоции мешают делу. Растянулся на диване и погрузился в мечты об Асе. Как жаль, что их разделяют города. Если бы она жила здесь, как раньше, можно было бы встречаться каждый день. Старенькой мелодией Поля Мориа ожил телефон.

– Максим! – взволнованно закричала в трубку Карина, еще не веря тому, что на самом деле слышит его голос. Сколько раз до этого она набирала этот номер, слыша одну и ту же фразу об отсутствии абонента в сети. Так уж получилось, что малознакомый парнишка оказался единственной ниточкой, связывающей с любимым человеком. Максим рассказал последние новости. Сердце Карины болезненно сжалось, несмотря на ее надежды и мольбы, память к Евгению так и не вернулась. Хотя то, что Эвелина смогла все вспомнить, вселяло надежду на будущее.

– Но как мог уехать профессор? – возмутилась фигуристка. – Ведь стольким людям нужна его помощь.

Максим, пребывая в радостном настроении, заступился за Владимира Ильича. Рассказал про болезнь внучки, долги, кредиты. «Возмездие», –

подумала Карина, но вслух ничего не сказала. Во всем виноват руководитель «Дотянись до успеха».

– Где сейчас Евгений? – спросила она, затаив дыхание.

Кокарев почувствовал угрызения совести. Ему так хотелось вернуться домой, что он попросту сбежал, оставив свой телефон. Теперь, когда профессор уехал, остается надеяться, что Евгений или Эвелина объявятся сами.

– Я не знаю, они еще не выходили на связь.

Местоимение «они» больно царапнуло Карину. Эвелина существовала в настоящем, в то время как воспоминания о ней самой, погребены на диске машины. Максим подробно рассказал об их жизни в виннерском клубе и о том, как изменилась Эвелина после перезаписи воспоминаний. К концу разговора Карина знала, что сделает, прежде чем, поставит точку в этой истории. Найдёт Эвелину и вызовет ее на откровенный разговор. Если у жены депутата с Евгением серьезные отношения, она отойдет в сторону. Хотя здравый смысл подсказывал, что Эвелина вряд ли останется с Женей. Одно дело быть с ним в виннерском клубе и совсем другое – отказаться от привычного образа жизни. Для этого надо очень любить. Так, как полюбила она.

Бывшая фигуристка задумчиво прошлась по пустой квартире. Сашеньку увели в театр, Дмитрий не появлялся несколько дней. Вероятно, остался у женщины. Предоставленная самой себе Карина не знала чем заняться в доме, который перестал быть домом. Убраться? Приготовить еду? Зачем? Сашенька останется у родителей и можно обойтись пельменями. Немного подумав, набрала номер Антона. Бывший одноклассник оказался занят и пообещал перезвонить. Карина, вздохнув с облегчением, положила мобильный в сумку и стала собираться, еще не зная, куда пойдет. Это можно решить и после. Вспомнилось, что Женя, когда у него было плохое настроение, шел в Кузьминский парк. На глаза вдруг навернулись слезы. Она взмолилась. «Господи! Верни его мне, я буду любить его нищим и больным. Я не могу без него. Умираю без него. Ведь ты же милосердный, Господи!»

Ночь Лычкин провел на Казанском вокзале, настороженно глядя на каждого милиционера. В гостиницу без паспорта соваться не рискнул. Утром поедет в свое бывшее отделение милиции и заявит о краже документов. Пусть восстанавливают. Не мог же Караев стереть его отовсюду. Как ни странно, на вокзале, среди спешащих людей с сумками и чемоданами, Евгений успокоился. Почувствовав голод, сходил в буфет, купил бутылку пива и пирожок с мясом. Подкрепившись, вернулся в зал ожидания, наблюдая за пассажирами и светящемся табло прибытия и убытия поездов. Кто-то оставил на сером пластмассовом сидении газету, и Лычкин с интересом просмотрел ее, вновь отметив, что помнит все политические события, в то время как собственные воспоминания по-прежнему недоступны. Надо придумать, как жить дальше. Документы он себе выправит, работу найдет. А дальше что?

Неизвестно. Жизнь потеряла смысл. Мужчина чувствовал себя усталым. Как жить? Для кого? Немного подумав, вернулся в буфет и взял еще одну бутылку «Клинского». Хмель ударил в голову, примиряя его с тем, кем он стал. Вспомнилась Эвелина. Он поморщился: теперь с ней даже общаться не хотелось. Завтра надо позвонить ради приличия, узнать, как дела и все. Хотел бы он вместе со всеми бороться с Караевым? У него нет сил. Первая попытка борьбы с виннерским клубом обернулась для него стиранием памяти. Лычкин сделал последний глоток и некоторое время боролся с искушением купить еще одну бутылку, но побоялся, что его развезет. Зевнул и отправился в зал ожидания. Какой-то мужчина спал поперек сидений, подложив сумку под голову. Евгений пожалел, что у него нет сумки и растянулся напротив, ощущая затылком жесткое сидение. Жесткое, как сама жизнь. Закрыв глаза и, несмотря на неудобство, быстро заснул. Ему приснилась девушка в красном платье. Гладкий лед и ощущение своей силы и ловкости, когда они выполняли танцевальные пируэты. Вот только музыки он не слышал.

Потерпев фиаско с профессором, Караев понял: все кончено. По его просьбе всем лузерам сделали объявление, что процессинга не будет в течение недели. Оборудование нуждается в тестировании и наладке. Идя по коридору, Константин прощался со своим детищем. Пусть пока офис функционирует, как обычно. Он не будет никого искать, даже Щербакова. «Признайте свое поражение», вспомнил он его последние слова. Негодяй. Ладно, пусть живет. Сейчас не до него. Денег благодаря лузерам хватит до конца жизни. Поедет в Тайланд и затеряется где-нибудь на островах. Будет разъезжать с красивыми тайками на мотоцикле и наслаждаться жизнью. А скучно станет – можно какой-нибудь бизнес организовать. Жаль, конечно, Ирку нельзя с собой взять. Все-таки из всех баб, которые у него были, она самая лучшая. Вдохнул, вспоминая прошлую ночь. Когда пришел домой, то думал, что ничего не сможет. Такое настроение было поганое, но благодаря Ирке вечер и ночь удались на славу. Будет что вспомнить в Тайланде.

Глава 28

Эвелина легла спать в детской. Полночи провела без сна, ворочаясь на маленьком диванчике и прислушиваясь к Лериному дыханию. Думала, как жить дальше. Развестись, отсудить имущество, подать в суд на виннерский клуб, а заодно и на Верстакова? Забрать дочь, поменять квартиру, страну, жизнь. Молодая женщина потеряла виски, голова раскалывалась. Было бы неплохо выпить аспирина, но покидать убежище не хотелось, и она вновь свернулась калачиком, обняв Лериного любимого кенгуру. Не давали покоя осуждающие глаза Лычкина. Тряпка, а не мужик. Как она могла с ним жить?! Ну, подумаешь, стерли память? Начни с нового листа и все. Какое право этот неудачник имеет ее осуждать? Она-то ничего менять не хотела, ее выкинули

из жизни. Лера застонала во сне, напоминая о себе. Эвелина вскочила, погладила по головке, девочка успокоилась. Вспомнилось: дочка тоже просила пожалеть папу. Считает его хорошим. Как бы ни так?! Чертов бабник!

Рано утром, услышав храп Верстакова, Эвелина проскользнула в ванную, принять душ. На вешалке висел розовый махровый халат. Брезгливое движение руки, и тряпка оказалась на полу. Эвелина пожалела, что не зашла в свою комнату, взять чистую одежду. Хотя неизвестно, сохранились ли там ее вещи, и не надевала ли их орлица.

Когда вышла из ванной, Леры в её комнате не было. Прислушалась. Откуда-то издалека доносился ее веселый голос. Выдохнула. Поправила волосы, одежду и вышла. Лера с аппетитом уплетала мюсли, а Верстаков, сидя напротив, чистил ей яблоко.

– Не нужно изображать из себя заботливого отца, – заявила Эвелина. – Меня не удастся разжалобить. – Испуганные глазенки дочери опять остановились на ее лице, а ложка, с которой капнуло молоко, замерла в воздухе. Да что же это такое?! Еще не хватало, чтобы Лера боялась собственной матери. Поцеловала дочку в макушку. – С добрым утром, милая.

– Тебе сварить кофе? – в глазах мужа тоже промелькнул страх. Не дожидаясь ответа, метнулся к кофеварке.

Эвелина вздохнула и села на стул, с тоской оглядывая кухню. Больше никаких разговоров при дочери.

– Мюсли будешь? – Верстаков помахивал цветной коробкой. – Твои любимые шоколадные.

«Цирк», – подумала Эвелина, откидывая назад волосы и усаживаясь поудобнее.

– Буду кофе и мюсли.

Сдержанность вознаградила Лерин веселый взгляд, отправившейся помогать отцу.

– Мам, тебе с молоком или с йогуртом? Мне нравится с больше с йогуртом, а папа опять забыл и сделал с молоком.

Кухню заполонил аромат кофе. Вся семья похрустывала мюслями, изредка прерываемая вопросами дочери, на которые в основном отвечала Эвелина.

Пришла учительница английского. Маленькие ручки Леры вцепились в мать.

– Мамочка, ты куда не уйдешь?

– Никуда, – покачала головой Эвелина, уже понимая, что попала в ловушку.

– Ты погуляешь со мной после урока?

– Погуляю.

Лишенные спасительного щебетания дочери супруги молча сидели за столом среди остатков завтрака. После разговора с Эвелиной Верстаков долго размышлял о случившемся. В том, что он заменил жену пустенькой и

глупенькой девчонкой, в которой быстро разочаровался, была его вина. Сейчас, глядя на непримиримость и сарказм жены, понимал, Эвелина права. Если бы он мог признаться, что на самом деле скучал по ней. Кашлянул, чтобы привлечь ее внимание. Эвелина смотрела мимо и никак не отреагировала. Такой простой ритуал, как завтрак напомнил ей прошлое, когда они все трое были настоящей семьей. Женщина поняла, что скучает по тому счастливому времени. Муж с усталым и помятым, но таким родным лицом, перестал вызывать страх, потому что сам был напуган ее решительностью. Что ей делать? Ведь Лера любит отца.

– Выслушай меня, ладно? – прохрипел Верстаков. – Правда, не знаю, как так получилось. Та девушка словно околдовала меня. Подчинила своей воле. Я видел, что ты несчастна со мной. Если бы ты меня тогда отпустила, ничего бы не случилось. – Эвелина скривилась. – Я ведь думал, что сделаю лучше, если сотру из твоей памяти все наши ссоры. Ты начнешь жизнь с чистого листа. Встретишь кого-нибудь лучшего, чем я.

– Вот я и встретила. Ты его вчера видел. Говорят, мы жили как муж и жена довольно неплохо, пока изобретатель не вернул мне память. А тут опять случился парадокс: прошлая жизнь с тобой вернулась, а та стерлась. И этот провал меня беспокоит. Эвелине захотелось плакать. Вспомнились потерянные глаза Лычкина. Она сама не знала почему, но ощущала стыд за их отношения. Ведь Лычкин совсем не в ее вкусе, а Игорь, хоть и негодяй, но родной. Получается, что она тоже изменила. В чем тогда его упрекать? Молодая женщина закусила губу, чтобы не разрыдаться.

Игорь опустил глаза, избегая смотреть на жену. Так вот оказывается, что произошло. А он понять не мог, ведь тогда, в приемной Караева Эвелина его не узнала. Увидев жену дома, решил, что память вернулась сама собой. А ее, бедняжку, оказывается, снова подвергли процедуре.

Эвелина вышла в ванную. Когда зазвонил домашний телефон, Игорь взял трубку. Сразу узнал грустный голос мужчины, которого вчера видел. Неожиданная ревность окатила волной, он даже вспотел, когда подумал, что его жена может уйти к нему. Какое право он, вообще, имеет звонить? Услышав звонок, Эвелина вышла из ванной. Припухшее от слез родное лицо. Протянул ей трубку телефона, заметив, что она покраснела. ... Разозлился, когда жена поспешно вышла из кухни, прикрыв за собой дверь. Игорю неудержимо захотелось затянуться сигаретой. Пришлось сделать над собой усилие: курить врачи запретили полгода назад из-за плохих сосудов. Бросал мучительно и долго, перепробовав все средства. Казалось, ничего не помогало, но однажды проснулся и понял: желание исчезло и не появлялось впредь до сегодняшнего утра. Если сорвется, снова начнет. Слишком тяжело все это оказалось. Он всегда легко себя оправдывал, а сегодня не мог. Вскочил и отправился искать жену. Она сидела в Лериной комнате, прижав к себе зайца. Верстаков сел на ковер, подавляя желание броситься к ее ногам.

– Знаю, ты не сможешь меня простить. Лишь об одном прошу – дай мне шанс. Позволь остаться. Я не причиню тебе никакого вреда. – Эвелина вскинулась – презрительно губы изогнула, но молчала. – Не гони меня, ладно? Ради Леры.

Она не слушала, в ушах еще звучали слова Лычкина: «Прости его, Эв. Мне кажется, все у вас будет хорошо». Сдерживаемые слезы хлынули по щекам. Швырнула зайца в мужа и уткнулась в подушку, испытывая сладость от жалости к себе. Игорь медлил, не решаясь приблизиться, а потом вдруг рванулся, обнял ее трясущееся тело, зарылся лицом в теплые волосы. Ей с самого утра хотелось, чтобы Игорь ее обнял. Сколько Эвелина себя помнила, для нее существовал только этот мужчина. В коридоре слышались шаги быстрых ножек Леры. С разбега дочка бросилась к ним, заставив их разомкнуть руки, чтобы принять её в свои объятия.

Оставшееся время до отъезда в аэропорт, Дружинников слонялся по маленькой двухкомнатной квартире. Отказав Караеву, он еще раз принес Варюшку в жертву. Знал, что никогда не сможет рассказать ни жене, ни дочери о том, что произошло на самом деле. Все, что ему нужно было сделать, вставить блочок в короб, получить деньги и уехать. Но против этого восстала совесть. Достаточно вспомнить Эвелину и ее друга. Если бы умел, молился бы об исцелении дочери, но Дружинников, имея советское детство за плечами, так и не поверил в его существование. В самолете он не мог ни есть, ни читать. Больше всего страшила встреча с дочерью. Момент, когда они посмотрят друг другу в глаза. А вдруг она догадается о его предательстве? Профессор медленно поднялся на третий этаж пешком и открыл дверь своим ключом. Перетащил ноги за порог. Замер. Возвращение предателя. В квартире стоял приятный запах печеного. Не в силах скинуть плащ, прислонился к входной двери и вдруг понял, что против ожиданий здесь не пахнет безнадежностью и слезами. Из глубины комнаты слышался веселый Ирин голос. Ему отвечал совершенно обычный, без примеси горечи или обычного раздражения голос, жены. Раздался смех. Они что, с ума там посходили? Варя может умереть, а они смеются. Он снял ботинки, повесил пальто. Услышав шум, в коридор выглянула Ира. Как он боялся встречи. А она, как ни в чем не бывало, бросилась к нему. Чмокнула в щеку.

– Папа! А мы и не слышали, как ты вошел. – Дочь отстранилась и вдруг повела носом. – Ой, пирог. Мы к твоему приезду готовились. Мам, папа приехал! – Она упорхнула на кухню. – Владимир смотрел ей вслед, удивляясь новой легкости в движениях. Последнее время у нее появилась, несмотря на маленький рост, тяжеловестность в шагах и медлительность. Дружинников все еще топтался в коридоре, боясь, что маленькая, только что родившаяся надежда, безвозвратно умрет.

В коридор выглянула Антонина Васильевна. Принаряженная и радостная. Поцеловала его. Он уже не выдержал, схватил жену за плечи.

– Тоня! Ради бога. Да что с вами?! Почему вы так странно себя ведете?

– Как что? Ты разве не знаешь? Ира же тебе смску послала. Сразу, как узнала. Еще удивлялась, что ты не ответил.

Он вспомнил, что после звонка Караева выключил телефон. Побоялся искушения.

– Да что произошло-то? Я ничего не получал, – он слышал свой тихий дрожащий голос и все еще боялся поверить.

– Ира! – крикнула жена. – Иди сама, расскажи. Отец ничего не знает.

В коридор, снимая на ходу рукавицу-прихватку, выбежала раскрасневшаяся дочка.

Он почувствовал, как защемило сердце. Знакомые термины звучали в этот раз, как музыка. Операция перестала быть необходимостью. Врачи не нашли объяснения неожиданному улучшению.

Дружинников прислонился к стене, думая о созданной им машине, которую уничтожил.

– Так что в твоей поездке не было никакого смысла, – заметила Антонина.

Он послушно кивнул, вспомнив о том, что перед отъездом наугад открыл оставленную кем-то библию и прочитал, как бог велел Аврааму принести в жертву единственного и любимого сына Исаака. Спасибо тебе, Господи за то, что не принял моей жертвы.

В это же самое время Константин Караев после прохождения таможенного контроля сидел в баре. Пил пиво большими глотками, не чувствуя вкуса. Из окна кафе виднелись самолеты. Взглянул на часы. Уже через сорок минут он сядет в один из них и оставит позади Москву. Сбежит. Караев нахмурился, вспоминая Дружинникова. Знал бы, дал ему деньги раньше. Не так уж много просил изобретатель, учитывая, сколько бабла сделано с помощью короба. Жаль, что все так закончилось. Константин прикипел к своему виннерскому клубу и к идее, что он улучшает породу людей. Сделал еще глоток пива и закурил сигарету. На столе завибрировал мобильный, и он увидел наглую рожицу Иры на экране. Вчера он ничего ей не сказал. Не смог. Ему показалось, что она не расстроилась. Легко так попрощалась: мол, валишь, вали. Отшвырнул мобильный в сторону. Допил пиво и заказал виски. Знает ведь, что будет скучать. Ни одна тайка с ее покорностью не заменит эту стерву. Константин допивал вторую порцию, когда объявили посадку на рейс «Москва – Бангкок». Чувствуя себя охмелевшим, он побрел к стойкам регистрации, где уже собралась очередь.

Из иллюминатора Караев наблюдал убегающий из-под самолета серый асфальт родины, где потерпела неудачу заветная мечта. Уже высоко в небе в голову полезли забавные мысли. Повлияло бы на наследственность искусственно приобретенное желание побеждать? Родились бы у виннеров

успешные детки? Константин скосил глаза на девушку с собранными в хвостик волосами мышиного цвета, сидевшую рядом. Пропуская ее на место при посадке, чертыхнулся. В тот момент хотелось разделить дальний перелет с какой-нибудь красоткой, летящей понежиться на белом песочке. Но сейчас, основательно нагрузившись, Караев чувствовал острую необходимость поговорить хотя бы с кем-нибудь.

– Можно задать один вопрос? – Соседка, повернув голову, кивнула. – Считаете ли вы себя победительницей? – Караев был уверен, что девушка пошлет его, но она лишь грустно покачала головой и, засмущавшись своей откровенности, отвернулась к окну. – А если бы у вас был шанс изменить свою природу, вы бы им воспользовались?

– Странные у вас фантазии, однако.

– Да или нет?

– Конечно да. Любой бы воспользовался, – девушка уткнулась в лежащий на коленях журнал.

Но отвязаться от Константина оказалось не так легко. Он стиснул ее пальцы, ощущая их безвольность. Взгляд невыразительных глаз в обрамлении стекол стал просящим. Перед ним сидел настоящий лузер женского рода.

– Чтобы обрести это сладкое желание побеждать, вы отказались бы от общения с вашими родными, друзьями? Вы согласились бы удалить их из своей памяти? – Девушка боялась поднять глаза. – Говорите!

Он понял ее ответ по движению губ и удовлетворенно кивнул.

– А от своей квартиры? От своей единственной квартиры? – Девушка нахмурилась. – Ради того, чтобы превратиться из серой мышки в яркую, уверенную в себе, талантливую личность? – На них уже оглядывались, но Константину было все равно. Все, что его интересовало – это ответ синего чулка.

– Думаю, что да.

Соседка хотела еще что-то добавить, мотивировать свой ответ, но Караев стукнул кулаком по столику, так что пластиковый стакан из-под сока упал на пол и разразился пьяными слезами. Мгновение она испуганно смотрела на него с приоткрытым от удивления ртом, а потом, так и не найдя в себе смелости, чтобы спросить, что случилось, уставилась в журнал.

Глава 29

Когда Ася уверенно вышла из вагона поезда, Максим с трудом узнал ее. На ней был короткий жакетик из лисы и черные обтягивающие джинсы, заправленные в ботфорты, на высоких каблуках. Волосы, поднятые над чистым лбом, спускались по плечам локонами, перепутываясь с лисьим мехом. Карие глаза светились от возбуждения и радости. В отличие от него, скованного смущением, Ася чувствовала себя свободно. Даже поцеловала его в щеку. Ему хотелось сказать изысканный комплимент, но смог пробормотать

лишь «хорошо выглядишь». Девушка улыбнулась, показав мелкие ровные зубки, и огляделась по сторонам.

– Ты не поверишь, как я рада, что приехала. Знаешь, когда мы с мамой, садились в поезд на этом же вокзале, я запретила себе плакать. Дала слово, что выберусь из этой ситуации и приеду в Москву победительницей. И вот сегодня, когда поезд подходил к станции, я очень гордилась собой. Жизнь повернулась ко мне спиной, но я прошла через это.

Максим обнял ее за плечи, чувствуя, как смущение отступает и радость, которую он никогда не чувствовал в присутствии другой девушки, затопляет каждую клеточку его существа. Да и не было у него никаких девушек. Только она, его Ася.

– Я тоже горжусь тобой, – сказал он.

– Куда мы пойдем? – лукаво спросила бывшая соседка.

– Есть хороший ресторанчик недалеко от метро «Пушкинская». Называется «Венеция». Там неплохо готовят пиццу и спагетти. Если ты, конечно, любишь итальянскую еду.

Ася захлопала в ладоши от удовольствия и призналась, что обожает пиццу.

Когда они вышли из метро к памятнику Пушкина, девушка остановилась, оглядываясь вокруг.

– Раньше я часто приезжала сюда с подружками в кино или Макдональдс. Мне казалось, здесь так круто. Смотрела на окна домов и завидовала людям, которым посчастливилось жить в центре. Знаешь, я ведь ненавидела Кузьминки. Не знала, что нас, вообще, выкинут из Москвы.

Макс сжал ее руку.

– Мы постараемся вернуть твою квартиру.

Девушка помотала головой.

– Не будем сейчас об этом. Вот так бы стояла и смотрела. А потом пошла бы гулять по бульварам.

– Так пойдем?

– Нет, сначала пойдем в твою «Венецию». Очень кушать хочется.

Они сидели в кафешке и обменивались новостями, забыв про остывающую пиццу. Макс помрачнел, когда пришлось сказать, что найти Евгения пока не удалось. Эвелина позвонила только один раз и виноватым голосом сообщила, что ради дочери остается с мужем. О Лычкине она ничего не знает. Максим чувствовал, что история сама собой сходит на нет. Он просматривал газеты и слушал новости, но никто не упоминал про скандал, связанный с организацией «Дотянись до успеха», словно ее никогда не существовало.

Выслушав его, Ася уставилась на куклу, одетую в венецианское платье, которой восхищалась, когда они вошли, но он чувствовал, что девушка думает об отце и расстроена отсутствием сведений о нем.

– Прости меня, я виноват. Думал, на следующий день мы снова встретимся и продолжим нашу борьбу. Но оказалось, что это никому не нужно.

Ася накрыла ладонью его руку, лежащую на скатерти.

– Ты не должен винить себя. Ты итак много сделал для моего отца. А я только злилась на него. Считала, что он поступил, как лох, но он доверчивый и добрый. Раньше мы часто гуляли в парке, кормили уток и разговаривали обо всем. А потом я выросла, стала стесняться родителей. Отдалилась. А когда папа потерял работу, приняла мамину сторону. – Ася схватила бокал с домашним вином и отпила большой глоток. – Однажды даже назвала его лузером. Тогда я до смерти завидовала своей подруге, потому что родители ей все покупали. По выходным они всей семьей ужинали в ресторанах, а мой отец надевал фартук и вставал к плите. – По Асиному лицу потекли слезы, она всхлипнула, но продолжила: – Ты думаешь, я рассказываю тебе все это, потому что мне надо выговориться? Нет. Я просто хочу, чтобы ты знал, какая я на самом деле и не строил иллюзий. Вот мой отец строил иллюзии на счет меня, а я предала его. – Ася шмыгнула носом. – А готовил папа лучше, чем в любом ресторане, потому что делал это для нас с мамой. Хотел доставить нам радость. Ему ничего не нужно было для себя. Ни – че – го. – Девушка выскочила из-за стола.

Максим, ошарашенный Асиным внезапным переходом от счастливо-возбужденного состояния к отчаянию, тупо смотрел на ее рыжий жилетик, оставшийся висеть на стуле. Ему вдруг показалось, что, сбросив его вместе с маской самоуверенности и желания показать, какая она сильная, его знакомая вновь стала ранимой и любящей, какой и была на самом деле. Под пушистой шкуркой скрывалось думающее существо, жаждущее прощения и понимания.

Через несколько минут он заметил Асину хрупкую фигурку с опущенной головой, пробирающуюся через тесно поставленные столики. Подойдя к нему, Ася посмотрела на Макса, словно спрашивая, примет ли он ее после ее признания. – Макс потянул ее за руку, девушка села не на стул напротив него, а на диванчик рядом с ним у стены. Они, вдруг почувствовав себя ужасно голодными, молча принялись за остывшую пиццу. А потом Максим рассказывал, как возненавидел своих родителей за то, что они сдали его психотерапевту. Теперь стоит на учете в псих диспансере и не может водить машину. Он не собирался убивать себя, просто не хотел жить.

– Но почему ты не хотел жить?

Максим опустил голову, но тут же поднял ее. Между ними не должно быть тайн.

– Я не помню. Похоже, этот эпизод мне стерли, когда я был в виннерском клубе. У меня есть диск с записью. Если машина когда-нибудь станет работать, можно попробовать все вернуть.

– Не надо, – испугалась девушка. – Вдруг с тобой случится такая же история как с Эвелиной.

Они сидели, прижавшись друг к другу, держась за руки под столом, как школьники. Выйдя из кафе, долго гуляли по бульварам. По молчаливой договоренности они больше не говорили ни о родителях, ни о виннерском клубе. А потом Ася стала посматривать на часы, чтобы не пропустить свой

поезд. Максим чувствовал отчаяние из-за того, что опять долго не увидит ее, а им столько всего надо еще сказать друг другу. И тогда, запинаясь и смущаясь, предложил остаться на ночь. Ася удивленно посмотрела на него, но он тут же начал оправдываться.

– Родители будут дома. Ты будешь спать в моей комнате, а я на кухне. Там есть маленький диванчик. Я всегда там сплю, когда родственники приезжают. Пожалуйста. Я не могу без тебя. Не бойся, я ничего себе не позволю.

Ася вдруг прижалась к его губам, и он чуть не задохнулся от счастья и крепче прижал ее к себе, но она быстро отстранилась.

– А твои родители не будут против? Я маме могу сказать, что у подруги останусь.

– Конечно, нет. Мама знает, что мы встречаемся.

– Знаешь, я немножко боюсь. Мы войдем в наш дом, в наш подъезд, мне захочется домой.

Максим сжал ее холодные руки и поднес их к губам. Он помнил, каким раем после пребывания в виннерском клубе показалась ему его комната. Уголок, где он может быть королем своего мира.

– А завтра с утра я хотела бы сходить в наш парк. Вдруг там еще есть утки, которые помнят, как мы кормили их с папой? Это было года два назад. Весной. Сколько живут утки?

На глазах у Максима выступили слезы.

– Долго, Асенька. Они помнят вас.

– Знаешь, если бы я могла оставить там для папы записку на песке у озера – я верю, он обязательно туда придет – он прочитал бы, что я люблю его.

Максим обнял Асю, думая, что Лычкин ничего не помнит. Неизвестно, как он воспримет свою дочь. Есть ли что-то еще, кроме памяти, связывающее по-настоящему близких людей? Ниточка, протянувшаяся от одного сердца к другому, которую невозможно оборвать? Нечто, позволяющее родным душам узнать друг друга?

Увидев свой дом, Ася крепче сжала руку Максима. На глазах снова выступили слезы. Никогда не думала, что эта белая панельная пятиэтажка станет такой близкой и родной. Вспомнилось детство, как папа качал ее на качелях во дворе, а она просила сильнее и сильнее. Качелей, конечно, уже нет, но та детская площадка еще сохранилась. И все там было такое новенькое, свежеекрашенное и чужое. А вот и ее окна: там тоже чужие шторы. У нее в комнате висели розовые, она их терпеть не могла, а вот сейчас все бы отдала, чтобы увидеть на окне такое родное яркое пятно. Так хочется прийти домой, закрыть дверь в свою комнату. Девушка вздохнула.

Максим не стал открывать дверь своими ключами, позвонил. Хотел, чтобы мать встретила, чтобы сразу с порога объявить: Ася останется. Эх, было бы ей

восемнадцать, могли бы пожениться. О чем он думает? Ведь это первое их настоящее свидание.

Мать, конечно, губы поджала, когда он сказал, что Ася переночует в другой комнате, но недовольства не выразила. Потом, правда, вызвала его и горячо зашептала, чтобы держал себя в руках. А то будет как в тот раз.

– Какой раз? – удивился Макс. Конечно, он встречался с девушками. Но это было так несерьезно. Да и матери об этом не рассказывал.

– Я боюсь за тебя. Влюбишься как в Аленку, и башку снесет.

Аленку? Он не помнил этого имени. Осторожно спросил:

– Что ты имеешь в виду, мам?

– Да то, что тогда после ее смерти с жизнью хотел покончить. О матери с отцом, которые растили тебя, во всем себе отказывая, не подумал. Я же говорила, что забудешь ты свою Аленку.

Максим чувствовал, словно его стукнули по голове. Напрасно копался в памяти, пытаюсь вспомнить. Потом, ничего не отвечая, матери, понесся в свою комнату и бросился к столу. У него должны быть ее фотографии. Макс вытряхнул на пол содержимое ящика. Ася удивленно на него смотрела.

Нужное фото попало быстро. Девушка с кудряшками и нежным лицом. Обратил на нее внимание, потому что, в памяти возник вопрос: а что эта за девушка. Перевернул ее и прочитал: любимому Макс на память от Аленки. Схватился за голову. Даже не заметил, как рядом оказалась Ася.

– Я ее помню. Мы вас дразнили жених и невеста, сказала Ася, глядя на фотографию. – Макс почувствовал ярость. Все помнили, а он нет! Девушка, с которой у него были, судя по надписи на портрете и словам матери, серьезные отношения. Настолько серьезные, что он хотел умереть. Неудивительно, что этот случай выстрелил первым, и Андрей вместе с болью удалил из его памяти любимого человека. Макс повернулся к Асе:

– Ее стерли. Ничего не помню. Хотел бы узнать, что с ней случилось, но боюсь, мать посчитает, что я умом тронулся.

– Ты на самом деле хочешь узнать?

– Конечно. А ты что-то знаешь?

– Забыл, что в нашем доме сплетни разлетаются очень быстро?

Макс нетерпеливо мотнул головой.

– Ну, скажи.

– Аленка умерла.

– Умерла? В таком возрасте? Но от чего?

– Не знаю. Разве это важно? – Ася опустила глаза. Историю эту она знала до мельчайших подробностей, как и то, что девушка умерла от рук хирурга, когда решила избавиться от ребенка. Рассказать Макс об этом не смогла. Пожалела.

Макс потряс головой, словно желая встряхнуть мозг.

– Чувствую себя идиотом.

– Попробуй посмотреть на это другими глазами. Если девушка умерла, зачем себя мучить? Может, это хорошо, что тебя освободили от боли? Ведь с тобой не произошло такой ужасной истории, как с моим отцом. – Максим вдруг вспомнил необычную легкость, ощущение радости от жизни, которого не чувствовал раньше. «Боль забирает единицы внимания, мешает счастьем», – часто повторял Щербаков. И у него теперь есть Ася. Максим повернулся к ней и совсем по-детски сказал:

– Ты не бросишь меня?

– Нет. С чего ты взял?

– Но ведь раньше я тебе не нравился?

– Нравился. Просто тогда между нами стояла какая-то стена. Я ее чувствовала.

– Аленка?

– Ты не мог забыть ее.

В комнату заглянула мать и позвала ужинать. С любопытством бросила взгляд на рассыпанные фотографии. На кухне, улучив момент, шепнула сыну:

– Ты ничего не рассказывай про свою любовь. Девушки этого не любят. Ревнуют. – Макс хотел сказать, что Ася все понимает, их отношения совершенно другие, но передумал, просто кивнул. – Она хорошая девочка. Жаль, что так с квартирой получилось. Если поженитесь, у нас тесновато будет.

– Мы вернем ее квартиру. В суд подадим на эту организацию. Я статью напишу в газету.

– Ох, и сложно это, сынок, – покачала головой мать. – И как ты будешь писать про то, чего сам не знаешь. Оставь ты это. Мы разместимся как-нибудь. Но сегодня я вас в разных комнатах положу. Асе в твоей спальне постелю, а ты уж давай на кухню.

Глава 30

После разговора с Эвелиной Евгений не стал звонить ни Максиму, ни Дружинникову и на это была особая причина. После длительных раздумий бывший член виннерского клуба решил сам разобраться в той частичке себя, которая осталась. Заставил выбросить из головы все мысли о мести. Восстановление справедливости, о котором так много говорилось, отодвинулось в далекое будущее. Если уж Эвелина смогла простить то, что с ней сделали насильственно, какой смысл ему, жертве своей глупости, возмущаться? Да, его обманули, но нельзя сбрасывать со счетов, что он пришел в «Дотянись до успеха» по собственному желанию. И если бы подчинился правилам, до сих пор пребывал бы в иллюзиях, что стал виннером. Насколько это чувство является приятным, Евгений судить не мог, но, глядя

на перемены, с Эвелиной, мог предугадывать, как внедренные воспоминания изменяют сущность человека.

И видит бог, он этого не хотел. Уж лучше быть чистым, как лист бумаги, на котором можно нарисовать, каким хочешь стать. Намеренно оставаясь в изоляции, Лычкин принялся решать возникшие проблемы. Те две недели, пока готовился паспорт, устроился уборщиком в кафе. Единственная работа, на которую можно рассчитывать без документов. Намывая полы, к концу рабочего дня валился с ног. Снять удалось лишь койку в общежитии, но и это казалось большой победой. Евгений чувствовал себя подобно дворникам, приезжающим в столицу на заработки. Он также начинал с нуля. Даже ниже, поскольку у него не было смены одежды. Насколько можно судить о том, что рассказывали Макс и Эвелина, он так никогда не жил. До попадания в виннерский клуб был менеджером в закусочной, а после прохождения программы даже работал директором престижного ресторана. «Ну и пес с тем, что было, – думал он. – Я, к счастью, этого не помню. И буду довольствоваться тем, что имею сейчас». Зато теперь Евгений чувствовал себя счастливым лишь от того, что мог пойти куда угодно. Сейчас, стоя на одну ступень выше нищих на улице, можно считать себя свободным от всего и от всех. Тот, в кого он превратился, мало для кого представляет интерес. Лишь только для самого себя.

Задача, которую поставил перед собой Евгений, казалась простой до смешного: узнать себя, подружиться с собой и полюбить себя. Утром, бреясь перед маленьким зеркалом, выделял пару минут, чтобы принять свое отражение, даже если оно ему не нравилось. Через некоторое время пришло осознание, что дело не в лице мужчины, собирающемся разменять четвертый десяток, дело в испуганных глазах, живших собственной жизнью. Глаза беспокоили его больше, чем горестные складки возле рта и мешки под глазами. Не мог он отказать себе в удовольствии после работы купить бутылочку или две дешевых «Жигулей» и остановиться в стороне от метро, наблюдая за стайками прохожих, спешащих к тем, кто их ждет дома. Состояние психики Лычкина находилось на уровне недопускания других людей в его жизнь. Такой, как сейчас, он ничего не мог дать другим. Работа отнимала все силы, поэтому гулял Евгений только по выходным. В кузьминском парке. По иронии судьбы общежитие, койку в котором он мог позволить себе снять, находилось на улице со смешным названием «Чугунные ворота». К бывшему дому своему Евгений близко не подходил, опасаясь встретить Макса или каких-нибудь знакомых по прошлой жизни. Позавтракав бутербродами и прихватив хлеб, уходил на целый день в лесопарк. Прогулка начиналась с определенного ритуала: кормления уток. Потом просто ходил, стараясь забрести подальше от людей. Подолгу стоял, обняв на какое-нибудь выбранное им дерево, чувствуя, как оно делится своей силой. Устав бродить, присаживался на скамейку с книгой.

Однажды нашел в библиотеке «Дневник мага» и прочитал его на озере. Так увлекся, что не заметил, как прошел день. Иногда подолгу откладывал книгу и смотрел на деревья, думая о себе. На следующий день начал перечитывать более внимательно, ощущая, как некоторые предложения ложатся на сердце, а жизнь становится не такой беспросветной.

Описание путешествия Паоло Коэльо, прошедшего путем пилигримов, называемого путем Сантьяго, оказало на Евгения целебное влияние. Та самая помощь, которую он жаждал получить в виннерском клубе, не должна исходить от других людей. Он должен был прийти к ней сам через книги, размышления и работу над собой. Истина, за которую заплачено слишком дорого. Да разве он раньше не знал, что помочь себе может лишь он сам?! Конечно, знал. Но что теперь об этом? Путь Сантьяго Лычкин прошел в кузьминском парке. По выходным. Да это вовсе не Пиренеи, но гораздо лучше, чем ничего. Каждое описанное писателем упражнение было выполнено. Спрятавшись в тени деревьев от любопытных взглядов, семь дней подряд он, встав на колени и, приняв позу зародыша, превращался в зернышко, вырастая из земли, подобно колоску на поле. Позже, он мог сказать, что именно это упражнение помогло ему, как ни одно другое. С его помощью он поднялся над пеленой незнания и перестал сожалеть о содеянном. Упражнение «Скорость», заставляющее бродить в два раза медленнее и вглядываться в прохожих, примирило с людьми. Уже через неделю Евгений поднял голову повыше, осознавая, что не каждая особь несет в себе зло. Забавная история произошла, когда Евгений, пытаясь развить интуицию, водил пальцем по маленькой лужице воды, разлитой на деревянной скамейке. Он так увлекся своим занятием, что не заметил девочку с двумя косичками.

– Дядя, что ты делаешь?

Чувство досады, возникшее из-за прерывания, сменилось умилением, когда он посмотрел в ясные голубые глазенки. Ему неудержимо захотелось обнять девчушку и поцеловать в гладкую упругую щечку. Но он ограничился улыбкой:

– Играю с водой.

– Разве можно играть с водой? Играть нужно с куклами, игрушками. У тебя нет игрушек?

Лычкин, улыбнулся еще шире, чувствуя, как наполняется радостью, словно сам превращается в ребенка.

– Взрослым не положено играть, ведь так?

Девочка склонила головку набок, словно пытаясь определить, в чем здесь подвох, но, в конце концов, энергично закивала.

– А иногда так хочется поиграть, вот я и пришел сюда, чтобы поиграть с лужицей.

– А мне можно?

– Конечно.

С полной серьезностью девочка погрузила розовый тоненький пальчик в воду, и некоторое время размазывала воду по скамейке, рисуя волнистые линии. У нее была другая игра, более осмысленная. Окунув палец в воду, она попыталась нарисовать цветок, и Евгений подумал, что в детстве, мы знаем гораздо больше, чем когда вырастаем, пропитываясь насквозь чужими мнениями.

– Маша! Иди сюда! – послышался голос матери. – Не мешай дяде.

– Я не мешаю! – возразила девочка, не отвлекаясь от своего занятия. Дорисовав последний лепесток, Маша победоносно взглянула на него, словно пытаясь убедить его в том, что она играет лучше.

– Маша!

На личике девочки промелькнула досада.

– Я люблю рисовать, – быстро сказала она. – Но не знала, что это можно делать водой.

Девочка убежала к матери, а Евгений, умиротворенный и счастливый, долго смотрел ей вслед. Машин цветок высох, на деревянной доске осталась маленькая лужица.

Увидев книгу «Дневник мага» его начальница на работе фыркнула:

– Коэльо – писатель для тех, кто ничего не читал. Прописные истины.

Лычкин улыбнулся. И то и другое некоторым образом относилось к нему. В его ситуации, когда он, подобно освоившему ползание малышу, пытается встать на ноги, это самое необходимое.

За «Дневником мага» последовали «Валькирии». Сначала в шутку, позже, увлекшись игрой, Евгений придумал собственного ангела и поместил себе на плечо. Иногда, пытаясь разрешить проблему, спрашивал, как лучше поступить. Ангел шутливо подталкивал в плечо, поддерживая и направляя, и Лычкин вдруг неожиданно понял простую истину: для того, чтобы получить, надо попросить. Эти шаловливые создания с крылышками достаточно застенчивы и обладают тихим голоском, который нужно уметь расслышать.

Иногда Лычкин с горестью думал, что если бы он прочитал эти книги раньше, не поддался бы всеобщей панике зарабатывания денег и не чувствовал бы себя ничтожеством.

После получения паспорта жизнь стала налаживаться. Потратил день и составил резюме, выдумав места, где раньше работал. Подал управляющему на рассмотрение. Может, оно и долго валялось бы в столе, если бы один из сотрудников не уволился. Оставив швабру, Лычкин почувствовал благодарность к жизни. Работа менеджера оказалась легче и приятнее. Через некоторое время после получения зарплаты, Евгений смог снять комнату. Закрыв за собой дверь, испытал чувство радости. Свободный от храпа соседей, он может делать все, что пожелает: читать всю ночь или смотреть телевизор,

который пока еще не купил. На требование хозяйки «женщин не водить» согласился с легкостью. Зачем усложнять жизнь себе и кому-то еще, если одиночество устраивает, а общения хватает и на работе? Должность обязывала: купил костюм и несколько рубашек. Когда встал перед зеркалом у себя в комнате, заметил долгожданное изменение. Страх ушел. Улыбнулся своему отражению. Любить и принимать себя стало легче. Желание жить понемногу возвращалось.

Глава 31

Щербаков мерил шагами комнату. Галинка, стоя у окна, следила за ним взглядом. Только что между ними произошел серьезный разговор, после которого, обычно тихая и покорная половинка категорически заявила, что никуда его не отпустит. Хочет уезжать – пусть берет ее с собой. Или остается. Андрей взъерошил челочку, думая о том, что взять Галинку в Москву слишком опасно. Полная неизвестность изматывала. Никакой информации в прессе о разоблачении торговцев чужими воспоминаниями или поданных исков о лишении собственности от несложившихся виннеров не появлялось. Ничего! Он даже как-то набрал номер телефона «Дотянись до успеха», но никто не ответил. Куда делся Караев? Что произошло с Лычкиным, Эвелиной и прочими? Вопросы превращались в кошмары по ночам. Недавно обнаружил у себя в сумке диск с памятью Лычкина и долго вертел в руках. Надо вернуть хозяину. Хотя зачем, если стирательная машина больше не существует? Галинка, прижав руку к животу, опустилась на диван. Андрей ощутил, как злость отступила перед таким беззащитным жестом.

– У тебя что-нибудь болит?

– Нет. Малыш шевельнулся.

Андрей сел рядом и обнял жену. Если бы не сжигающие изнутри чувства, он бы радовался, что Галинке удалось забеременеть. Есть, конечно, небольшая угроза выкидыша, что дало доктору повод ограничить ее перемещения, но прогноз благоприятный.

– Милая, ты сама видишь, что не можешь поехать. А мне надо дела решать. Кредиты, в которые я влез, надо выплачивать. Машину продать. Найти арендаторов на квартиру. Да на работу мне надо устраиваться. На что мы жить будем?

– Не отпуска!

– Ты как ребенок. Тетя о тебе позаботится. Я буду приезжать на выходные. Жена смотрела волчонком:

– Врач сказал, мне нельзя нервничать, а ты меня нервируешь. Вот и малыш разволновался, – она погладила животик. – Как тебе не стыдно?

Андрей вздохнул. Если бы он мог ей все рассказать. Насколько ему стало бы легче. Ладно, он уступит. Останется. Скрепя сердце, позвонил отцу, у которого были ключи от их квартиры и попросил найти арендатора, чтобы

хоть как-то покрыть платежи. Обидно, конечно. Но что делать? Посмотрел на жену: она повеселела, успокоилась.

– Не жалко наш дом?

Помотала головой.

– Я тебя там совсем не видела, а здесь ты со мной.

– Но мне все равно придется работать.

– Но это будет другая работа! – посмотрела с вызовом, словно догадывалась, чем он занимался.

– Ты думаешь, работать официантом в шашлычной будет лучше?

Уверенно так кивнула. Андрей поморщился.

– Это ненадолго. Тетя сказала, что собирается менеджера выгонять, и если она убедится, что ты хорошо работаешь, место твое. Ты здесь совсем другой, чем в Москве. И тут воздух полезный для малыша.

Ладно, хорошо. Он будет работать под началом ее тети и разносить шашлыки. Что только не сделаешь для любимой жены.

Внезапно Андрей понял, что диск с памятью Лычкина можно послать по почте до востребования. А уж адрес Карины он знает. Это единственное, что он может сделать. Вот уж встретятся ли они – ведь сам Лычкин Карину не помнит – или нет, дело не его. Но ему казалось, что фигуристка его найдет. Решительности ей занимать, а уж в любви ее к этому лузеру сомневаться не приходилось.

Андрей с нежностью посмотрел на Галинку. Взлохмаченная, с распущенными волосами в просторных трикотажных брючках и его белой футболке, обтягивающей животик, она казалась уютной и домашней. Особенно его умиляли отросшие корни темных волос, которые она, опасаясь повредить малышу, не красила. Он уже вырвал у нее обещание вернуть родной цвет волос. Вот и сейчас поцеловал ее в макушку, вдыхая ее запах. Темные волосы иначе пахли и были мягче.

– Собирайся, пойдем тебя с малышом прогуляем, – сказал он Галинке.

Переваливаясь, она подошла к зеркалу.

– Ну и чучело. Тебе не стыдно со мной рядом ходить?

Улыбаясь, Андрей встал у нее за спиной, чтобы видеть ее отражение в зеркале и положил ей руки на плечи.

– Вы, женщины, ничего не понимаете в красоте.

Карина вытащила из ящика уведомление, что на ее имя пришла бандероль. Никаких родных или друзей в других городах не было. Белый листочек обжигал пальцы надеждой. Ждать следующего дня не хотелось. Карина быстро опустила взгляд на сынишку.

– Сашок, а если мы еще чуть-чуть погуляем? Надо на почту зайти.

– А ты повезешь меня на санках? Я не накатался.

Сегодня первый по-настоящему зимний день. За ночь намело много снега. И от этого света, исходящего от белых сугробов, полегчало на душе.словно

скоро уж кончится ее мука, и она снова будет, если уж не счастлива, так хотя бы спокойна.

– Конечно, повезу, милый.

Сашенька устроился на санках, и Карина, взяв в руки веревку, побежала к почте. Пока стояли в очереди, уговаривала себя не волноваться, но сердце так и выпрыгивало, а мысли все о нем, о Жене. Ну вот, наконец, и ее очередь. Расписалась, взяла маленький пакет. Нервно разорвала, из него выпал коричневый кружок. Развернула тетрадный листок, на котором печатными буквами написано: память Лычкина.

– Мам, что это? – Саша держал на ладонке коричневый диск. – Она присела перед ним на корточки.

– Дай сюда. Это очень важная вещь.

Диск охлаждал ладонь, она долго его рассматривала, удивляясь, как на такой маленькой штуковине могли поместиться годы его жизни и ... их любовь. Неужели у них еще есть шанс?

– Мам, пойдем домой, – тянул за руку Саша.

Бережно убрала диск в маленький кармашек кошелька на молнии. Интересно, кто его прислал? И сама ответила: тот, кто знал об их отношениях и думает, что они вместе. Да только вот она не знает, где искать Женю. И Максим не знает, и даже Эвелина. Когда Антон продиктовал домашний номер депутата, Карина два дня не решалась позвонить. Снимет трубку, наберет три цифры, бросит телефон в угол дивана. А вдруг сейчас сам Женя подойдет, она же тогда сразу умрет от горя. Но потом, измучившись от неизвестности, все-таки набрала семь цифр. Эвелина отвечала отстраненно и холодно, но все же на случай, если Женя проявится, телефон Карины записала и обещала передать.

Разговор с соперницей подарил надежду, что Женя один и, как никогда, нуждается в ее любви и утешении.

Сегодня утром Евгений проснулся в приподнятом настроении. Ему снова приснилась, та, которую он называл девушкой в красном платье. Обычно она исчезала так же внезапно, как и появлялась, и он ничего не помнил, кроме удивительного ощущения радости от ее присутствия. Но на этот раз они вместе шли по берегу залитого солнцем озера. Сон растаял, но предвосхищение чего-то прекрасного, словно в детстве перед Новым годом, осталось. Солнечный луч скользнул по желтым обоям и остановился на лице. Евгений не закрывал штор, ему нравилось, когда его будил свет, наполняющий комнату. Подошел к окну и замер от восхищения. Вчера еще была оттепель, а сегодня все замерзло. Тополя перед окнами стояли окутанные сияющим хрусталем. Даже невозможно представить, какая красота ожидала его в лесу. Наскоро позавтракав, отправился на прогулку. Так торопился, что забыл прихватить хлеба для уток. Навстречу ему попала парочка. Шаловливо толкая друг друга, они катались на ногах по обледеневшей тропинке,

радостные как дети. Глядя на них, Женя пожалел, что один. Вспомнилась девушка в красном платье, которая шла с ним по берегу озера. Похоже, одиночества, казавшегося столь необходимым и приятным, вовсе недостаточно, чтобы ощутить всю полноту радости от красоты хрустального леса.

И тут вдруг день как-то померк, зимнее солнце скрылось, по небу поплыли тучи. Евгений накинул капюшон и заспешил к озеру, надеясь, что любимое место вернет утраченную гармонию. На открытом пространстве задул ветер, в лицо посыпался колючий снег. Возникла мысль спрятаться в лесу, он даже повернулся спиной, но ангел, присутствие которого он теперь чувствовал, вцепившись в плечо, неумолимо подталкивал к мосткам, где не замерзала вода и обитали зимой утки.

Сегодня Карина не знала, куда пойдет. Вот уже несколько раз она играла в эту игру: идти, куда ведут ноги. В прошлый раз забрела в какой-то незнакомый район, даже дорогу пришлось спрашивать. На этот раз ноги привели к станции метро. Не споря с внутренним голосом, села и открыла журнал «Лед», который купила по дороге в киоске. За названиями станций не следила. Где-то в центре сделала пересадку, не утруждая себя взглядом на указатели. Что-то внутри подсказывало: все идет так, как надо. Сиди, читай и ни о чем не думай. Она уже дочитала статью об Алексее Ягудине, мастерство которого ставила в пример своим ученикам. Многие из них ходили на ледовые шоу. Карина подняла голову, народу в вагоне было полно, но она уютно устроилась в уголке. Да где же я? Поезд плавно затормозил, люди, толкая друг друга, устремились к дверям. «Станция Кузьминки», – объявили обстановку. Карина вскочила с места, толпа вынесла ее из вагона. Молодая женщина прижалась к мраморному столбу. Как она здесь оказалась? Вот ведь зачиталась. Потом вспомнила, что рядом с метро есть парк, где можно погулять и решила выйти. В киоске продавали свежий хлеб, и она купила батон. Пока шла, пощипывала оказавшийся на удивление вкусный хлеб. К дому Жени подходить не стала, отправилась прямо в лес и, восхищаясь хрустальным волшебством, и, поскальзываясь на ледяных дорожках, пошла к озеру.

Внимание Евгения привлекла маленькая женская фигурка в коричневом полушубке и коротких сапожках, кормившая уток. Стараясь не поскользнуться, Лычкин спустился вниз. Услышав его шаги, девушка повернулась. Евгений забыл, о чем хотел сказать. Сколько раз во сне он видел это лицо с карими раскосыми глазами. Девушка в красном платье существовала наяву. Она выкрикнула его имя и устремилась к нему. Евгений узнал холод ее щек и мягкие губы. А когда они, рука об руку, пошли по берегу озера, в просвете между туч показалось солнце, и хрустальный лес засверкал огнями, словно одна большая новогодняя елка.

Замерзнув гулять, Евгений и Карина зашли в кафе у озера и с жадностью набросились на еду. Пересоленные и немного переваренные пельмени показались им самым изысканным лакомством на свете, потому что они ели их вдвоем. Говорили мало, в основном смотрели друг на друга, да иногда Евгений протягивал руку, чтобы коснуться руки любимой. Внезапно, охнув, Карина отодвинула тарелку и полезла в коричневую сумочку с бахромой. Достала оттуда крошечный диск, завернутый в бумагу, и положила перед Лычкиным.

– Теперь ты можешь вернуть свои воспоминания.

Евгений порывисто развернул бумажный листок и долго смотрел на коричневый кружок. Потом медленно завернул его в бумагу и положил в карман.

– Откуда он у тебя?

– Кто-то прислал мне его почтой. Мне кажется, это Щербакова, наконец, замучила совесть. Я понимаю, это сложно, и профессор живет в Германии. Но, может быть, удастся уговорить его приехать и провести тебе эту процедуру.

– К Эвелине вернулась только часть памяти, и она так изменилась после этого, – брови Евгения сдвинулись в одну линию. По причудливости судьбы диск появился именно тогда, когда он перестал быть острой необходимостью. Провал в памяти перестал причинять Евгению беспокойство.

Его размышления прервала мелодия мобильного телефона Карины. Услышав голос, женщина бросила виноватый взгляд на Женю и вышла в коридор. Ее так долго не было, что их встреча стала казаться Лычкину сном, пока она не вернулась и не села напротив.

– Только не говори, что ты замужем, – тихо сказал он.

– Так ты помнишь?

Евгений покачал головой.

– Это просто предположение. Я боялся спросить.

– Мы расстались, – быстро сказала Карина. – И сейчас дело не в этом. Звонил Максим. Он сейчас приведет сюда Асю.

– Асю? – спросил Евгений. Карина кивнула. – Мою дочь? – зачем-то переспросил он, понимая, что никакой другой Аси быть не может. – Карина снова кивнула, потому что боялась расплакаться, но слеза все-таки потекла по щеке. – Что делает Ася в Москве?

Молодая женщина отпила воды и ласково посмотрела на Евгения.

– Думаю, что приехала к Максиму. Они встречаются. И, как мне кажется, это серьезно. Во всяком случае, для него.

– Но ей же всего четырнадцать. Она ребенок.

– Ей пятнадцать. Мне было на год больше, когда нас поставили в пару, и я влюбилась в тебя.

– Но он старше ее и еще неизвестно, что у него за мысли...

– Тебе придется привыкнуть, что у тебя взрослая дочь, – Карина погладила его по руке.

– Да уж, с таким папашей ей пришлось рано повзрослеть. – Лицо Евгения скривилось. – Как ты думаешь, она когда-нибудь простит меня?

– Если бы не простила, не захотела бы встретиться.

– Может, наоборот, хочет сказать мне в лицо, какой я идиот?

– Перестань.

Так уж получилось, что в кафе заходили и уходили разные девушки, но когда появилась Ася, Лычкин встал и, неловко задев стол, пошел к ней навстречу. Они долго стояли, обнявшись посередине залы, и им не было дела до других посетителей. Карина, схватив шубку, проскочила мимо них на улицу. Потом счастливый отец, все еще не отпуская руки дочери, боясь, что она снова исчезнет, усадил за столик. Тактичный официант оставил в покое. Взволнованные до предела, они не могли разговаривать, только смотрели друг на друга. И какой же Лычкину Ася казалась красавицей. Он вглядывался в ее карие живые глаза, темные брови и румяные с мороза щеки. Волосы у нее были уложены совсем по-взрослому: высоко поднятые надо лбом, спускались вниз локонами. Он с нежностью подумал, что надо заставить ее носить шапку, на улице холодно, а она прическу бережет.

Ася улыбнулась, и уголок верхней губы, совсем как у него, съехал набок.

– Пап, ты совсем не изменился. Только похудел, но мне так больше нравится.

Евгений смущенно кивнул, с горечью подумав, что ему-то не с чем сравнивать, он не помнит, какая она была. Сжал пальцами в кармане диск. Может, все-таки стоит обратиться к профессору?

– Пить хочется, может, ты мне колу закажешь?

– Конечно, – Евгений оглянулся и кивнул официанту.

Улыбка Аси стала шире.

– А себе пива закажи.

– Пива? – удивился Лычкин.

– Раньше, когда мы гуляли с тобой в парке, ты покупал себе банку пива, а мне колу. – Пусть будет все, как тогда, ладно?

Евгений сглотнул, борясь со слезами. Простила. Простила, лапушка. Официант остановился у стола, а Евгения так сдавило горло, что он не может ни слова вымолвить.

– стакан лайт колы и кружку «Балтики». Разливного и нефilterованного, – услышал он уверенный голосок дочери.

Узоры на скатерти расплывались под выступившими слезами. Напротив раздалось приглушенное всхлипывание. Евгений поднял глаза. Ася усиленно моргала.

– Пап, ты не плачь, ладно? А то я тоже расплачусь, и у меня косметика потечет.

Евгений улыбнулся сквозь слезы.

– Какая же ты смешная.

– Прости меня за то, что я тебя тогда лузером назвала. Ладно? Ведь ты после нашей ссоры туда пошел?

Лычкин вздохнул.

– Это уже не важно. А потом ты права. Я и есть лузер. Еще и без квартиры тебя оставил. – Он усмехнулся. – А себя без памяти.

– А ты что, совсем ничего не помнишь?

Евгений покачал головой. Ася пожала плечами.

– Может и хорошо. А с квартирой мы с Максом решим. У его матери адвокат есть хороший. Так что ты не волнуйся. Признают сделку недействительной, никуда не денутся. Переедем с тобой обратно.

Евгений вскинулся. Неужели Ася хочет, чтобы он вернулся к Майе, и все было, как раньше. Он же на это никогда не сможет пойти.

– Я уже все придумала, – затараторила Ася. – Пока все останется по-прежнему. Тебе же ведь есть где жить? – Евгений быстро кивнул. – Вот и я десятый класс закончу. А когда квартиру отдадут, мы с тобой обратно переедем, а мама к дяде Сереже. – Ася вдруг зажала себе рот рукой. – Ой, проболталась. Но ведь ты не ревнуешь, нет? – Евгений с таким облечением затряс головой, что Ася расплылась в улыбке. – Ну и хорошо. У тебя же это, вроде, Карина есть. Пап, ты не обижайся, но я рада за маму. Вы с ней совсем друг другу не подходили. Так что все к лучшему. – Остренькое личико Аси стало любопытным. – Пап, а у тебя с Кариной серьезно? Я тут ее соревнования смотрела в записи. Может, она и меня кататься научит? Сейчас так модно на коньках. Макс умеет, а я нет.

– Может и научит. Все хотел спросить: а какие отношения у тебя с Максимом?

– Макс меня любит. Очень. Он же из-за меня в этот винерский клуб пошел. Так что отношения у нас самые серьезные.

– Рановато тебе еще серьезные отношения заводить.

– Да ты не волнуйся, мы предохраняемся.

Евгений поперхнулся пивом и закашлялся. Господи! Ей же всего пятнадцать. Сегодня предохраняются, а завтра забыли.

– Пап, да ты чего? У нас все девчонки в классе уже с парнями. Смеялись над моей девственностью. Ну вот, наконец, избавилась. Кстати, не знаешь, где Макс с Кариной? – она быстро оглядела зал и заметила их скромно сидящих в уголке. – А, вон они. – Девушка послала парню воздушный поцелуй. – Я замуж пока не хочу. Так что мы с тобой будем жить, когда квартиру вернем. Или вы с Кариной поженитесь?

– Не знаю, – пожал плечами Евгений. – Они только сегодня нашли друг друга и еще не успели обсудить будущее. Одно он знал наверняка: эту девушку в красном платье он никуда не отпустит.

– Значит, не спеши, – серьезно выдала Ася. – Надо проверить, подходите ли вы друг другу. С мамой-то вон как вышло. Права на ошибку у тебя больше нет.

Евгений рассмеялся. Поставить Асю на место можно и позже, а сегодня пусть думает, что если он не помнит своей прошлой жизни, то над ним нужно взять шефство.

А потом они парами – Ася с отцом впереди, а Карина с Максимом сзади, шли через хрустальный лес и разговаривали. Слушая, как дочка вспоминает забавные случаи из их жизни, Евгений нащупал в кармане диск со своей памятью. Может, все-таки стоит позвонить профессору? Тогда бы он мог участвовать в разговоре. Легкий толчок в плечо. Точно такой же, как сегодня, когда, испугавшись ветра, он не хотел идти к озеру. Лычкин улыбнулся и, вытащив диск, размахнулся и выбросил его в снег. Все правильно. Есть только настоящее, и он никогда не рискнет потерять это снова, так же, как не рискнет потерять вновь обретенного себя. И ангела на плече. Он крепче сжал руку дочери и, оглянувшись на Карину, улыбнулся.